

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Герман Романов

ТОВАРИЩ ГИТЛЕР

Книга 2

Повесить Черчилля!

НОВЫЙ военно-фантастический боевик от автора бестселлера «Товарищ фюрер. Триумф Блицкрига»! Наш «попаданец», перенесенный в тело Адольфа Гитлера, меняет историю Второй Мировой! Какую цену придется заплатить за вторжение в Британию? Удастся ли повесить Черчилля как «поджигателя войны» за преступления против человечества? Состоится ли союз Рейха со сталинским СССР? Смогут ли товарищ Гитлер вместе с товарищем Сталиным нанести поражение США и создать атомную бомбу раньше американцев?

- [Герман Романов](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [ВМЕСТО ЭПИЛОГА](#)
-

Герман Романов

ТОВАРИЩ ГИТЛЕР

Книга 2. Повесить Черчилля!

Глава первая

«ВЫ НА ЭТОМ БЕРЕГУ»

«Фельзеннест»

Тело чувствовало приятную обволакивающую теплоту, расслабляющую, такую, как любил у себя дома, в маминой ванне. И еще он впитывал в себя приветливое журчание воды, что не по-немецки щедро лилась из большого латунного крана, наполняя большую ванну.

Андрей Родионов полулежал, привалившись спиной к нагретому металлу, и блаженствовал, закрыв глаза. Ровно сто дней тому назад (кто бы мог подумать) он очутился в этом безумном, насквозь незнакомом для себя мире, в котором его отец только-только пошел в школу.

И угораздило обычного московского студента, недоучившегося историка, провалиться в прошлое на полвека с лишним, тем паче прямиком попасть в тело самого ненавистного для него на земле человека — «бесноватого» фюрера Третьего рейха.

— Натворил ты дел, Адольф Алоизович, — пробормотал Андрей, удобнее устраиваясь в ванне, и медленно открыл глаза, не в силах поверить в то, что с ним случилось.

Ведь тогда пришел он в себя в этой лохани — на стене висело зеркало, которое он разбил в приступе ярости, а на вешалке — все тот же, знакомый всему миру, серый мышинный мундир цвета «фельдграу».

А до того были долгий бег, с колотьем в боку, тяжесть АКМ в руке и темная свинцовая гладь останкинского пруда, куда Андрей Родионов с трудом добрался после жуткого разгрома восставших темной октябрьской ночью у здания телецентра в далеком, не дожить и не дотянуться, 1993 году.

— А ведь этого уже может и не быть, — пробормотал он, снова прикрывая глаза.

Андрей не спал, даже дремота не наваливалась под ласковое журчание воды. Какой тут сон, если сегодня поутру случится то, чего ожидал с нарастающим волнением все эти долгие и одновременно до ужаса короткие дни, — а как иначе, если времени на подготовку столь сложной военной операции было до прискорбности мало.

Но случилось то, что в той истории не произошло, хотя определенные усилия немцами принимались. Сегодня, буквально через пару часов, словно открывая для англичан новый «учебный год», вермахт доберется, наконец, до чопорной Британии, и на этот проклятый остров, не знавший вторжений врага со времен Вильгельма Завоевателя, высадутся германские войска.

— Вы на этом берегу, а мы на том...

В мозгу у Родионова неожиданно всплыли строки из полузабытой песенки одного кинофильма про трех английских джентльменов, роли которых исполняли замечательные советские актеры, что с собакою в одной лодке отправились путешествовать по Темзе.

— Вот так вы и воевали все эти века, джентльмены, находясь на своем берегу в полной безопасности и мутя воду во всем мире. Теперь, право слово, получите за все «хорошее», что в мире натворили!

Губы свела злая гримаса. Сам Андрей на дух не переваривал наглов — так он называл англичан, привыкших творить на всех континентах что только им заблагорассудится.

Еще хуже только янкесы — у тех от вседозволенности вообще башню конкретно сносит. Ведь, как ни крути, что в Германии, что в России, хоть какая, а все-таки идея есть, как мир обустроить, пусть плохая, даже жестокая — но усилия государства, да и большей части народа, направлены именно на развитие общества.

В США и Англии все мировое устройство крутится только вокруг одного, даже трех постулатов — деньги, деньги и еще раз деньги. А все эти досужие разговоры о свободе,

словоблудиях и прочих «либеральных ценностях» лишь действенный инструмент для эффективного вышибания из лохов, всяких там славян, негров, азиатов, «латиносов» и прочих народов, еще не «приобщенных к великим достижениям западной демократии», «рыжья», «гринов», «бабла» и «капусты».

В том же рейхе сейчас вообще сплошной социализм строят, о котором даже в смутные перестроечные года только мечтать было можно. Поддержка материнства и семьи такова, что представить трудно.

К великому изумлению Андрея, оказалось, что в рейхе даже аналог «матери-героини» имеется — голубой крест в золоте на шейной ленте за рождение восьми и более детей — это первая степень, а вторая и третья, в серебре и бронзе, за 6–7 и 4–5 детей соответственно. И выплаты значительные, чуть ли не полные пенсии от государства.

Церковь, конечно, в загоне, впрочем, как и в СССР, но так немцы же лютеране, с них еще станется. Зато за педерастию в Германии запросто в тюрьму сажают, без излишних разговоров, о педофилии и наркомании сном-духом не ведают, ибо за такое токмо смертная казнь предусмотрена или очень длительное содержание в концлагере при «смягчающих обстоятельствах». Куда уж тут сталинскому ГУЛАГу, где «машек» со «скамейками» широко используют всякие «социально близкие» режиму уголовники?! Тевтоны этим делом не заморачиваются — зеленый треугольник такому хмырю на полосатую робу моментально пришивают, и марш в каменоломни, под суровый надзор не улыбчивых зверей из «тотенкомпф».

Но живут немцы почти припеваючи, несмотря на войну! В магазинах все есть, и отнюдь не по карточкам. В детские сады малышей запросто устроить можно, мест в достатке и забота о детишках не показная. С многодетных семей вообще никакой платы не берут. И по трущобам германские работяги не ютятся.

Впрочем, как из германского посольства постоянно сообщают, в Москве ситуация потихоньку начинает поворачиваться к лучшему, и, как недавно сказал «лучший друг физкультурников», «жить стало лучше, жить стало веселее». И в этом есть большая доля правды.

По крайней мере, политика интернационализма всяко лучше того оголтелого нацизма, что царит в Германии. Немцы словно с катушек съехали на своих расовых бреднях, выбить которые было просто невыносимо, особенно в еврейском вопросе. Хотя кое-какие меры Андрей принял, чуть затронув расовые, направленные против евреев, Нюрнбергские законы и переложив ответственность (мало приятного будет, если партайгеноссе дружно завопят, что, дескать, «царь-то не настоящий») в том на своего заместителя, толстого борова, наци № 2 — Германа Геринга. Сволочь порядочная, но энергия иной раз прямо ключом бьет.

— Надо со Сталиным договориться, война абсолютно не нужна, категорически — только в угоду «союзникам», что в прошлом столько гадостей наделали, — задумчиво пробормотал Андрей, устраиваясь поудобнее. Горячая вода баюкала, клонила в сон...

Па-де-Кале

— Вот оно какво, секретное оружие рейха, — пробормотал сквозь зубы лейтенант Готфрид Леске, видя, как в ночном небе, освещенном лунным светом, словно серебряный дождь пошел. Нет, скорее тропический ливень сплошной стеной, настолько все сверкало кругом.

Вот уже две недели люфтваффе вели ожесточенную борьбу в небе Британии. Страшная схватка оставила немало зазубрин на сердце летчика, а горечь потерь не смог заглушить даже вожденный офицерский чин, к которому его представили еще за июньские бои во Франции.

Вездесущие английские истребители «Спитфайр» и «Харрикейн» жалили очень больно — каждый день сбивали кого-нибудь из неуклюжих «хейнкелей». Потери в воздухе просто

огромные — состав бомбардировочной группы был сокращен чуть ли не вдвое.

— Теперь вы свое получите!

Глухая угроза, похожая на рычание голодного пса, у которого потянули из пасти заветную косточку, сама по себе несколько успокоила нервничающего пилота.

Эти чертовы радары позволяли англичанам атаковать немецкие самолеты даже в ночном небе. И пусть потери при лунном свете были на порядок меньше, чем при солнечном, но все равно мало приятного. Мысль о том, что и тебя могут сбить, и ты будешь падать в горящем самолете на землю, заостренным колом вбивалась в мозги каждого летчика.

Однако несколько часов тому назад на аэродроме раскурочили многочисленные ящики, находящиеся под надежной охраной, что не могло не вызвать самый жгучий интерес и больше недели словно магнитом притягивало внимание всех экипажей.

Они породили массу слухов — даже ходили разговоры, что в ящиках находится новейшее навигационное оборудование или новые бомбы.

Сам Леске только посмеивался, слушая досужие беседы. Во-первых, никто не станет хранить дорогостоящие приборы в штабелях, да и специалисты должны были бы немедленно начать его установку на самолеты. Но таковых в авиагруппе не появилось.

Во-вторых, бомбы, фугасные или зажигательные, слишком маленькие, а потому несерьезные — Готфрид видел, что ящик спокойно, без натуги, переносила пара солдат из аэродромной obsługi, а потому сам мучился, гадая, что в добротном деревянном чреве такое загадочное хорошо спрятано.

И велико было разочарование всех, когда в вечерних сумерках принялись доставать из ящиков пакеты тончайших полосок из алюминиевой фольги. Однако растерянность мгновенно улетучилась, когда экипажам объяснили, для чего предназначены эти блестящие, почти невесомые штуки...

— Сегодня решится все, и мы должны победить!

Леске медленно ворочал штурвалом, бросив мимолетный взгляд на море. Далеко внизу, на освещенных луной дорожках, медленно ползли вперед огромные скопища черных пятнышек, живо напомнивших собою пилоту виденных в лесу муравьев. Многочисленных, упорных!

Именно так, страшным в своей неотвратимости валом, безжалостным катком надвигался на берега Туманного Альбиона флот вторжения. Операция «Зеелеве» началась, и теперь от упорства и бесстрашия немцев зависит исход величайшей в истории битвы.

Кале

Командующий 2-м воздушным флотом генерал-полковник Альбрехт Кессельринг, задрав голову, пристально вглядывался в ночное небо, разрываемое гулом сотен моторов идущих волнами самолетов.

— Планера пошли, майн герр!

— Я слышу, Шпандель, да и вижу их, — отозвался генерал на возглас своего начальника штаба.

Действительно, он хорошо разглядел в ночном небе угловатые «Хейнкели-111», что тащили за собою на длинных тросах небольшие планеры. Для их буксировки было решено использовать фронтовые бомбардировщики, ибо транспортных самолетов «Юнкерс-52» катастрофически не хватало.

Потери этих старых надежных «тетушек Ю» в Голландской операции в мае были настолько велики, что от сего кровопускания люфтваффе до сих пор не оправились, хотя в летние месяцы приняли все возможные меры по увеличению парка военно-транспортной авиации и планеров. Численность Ю-52 так и не удалось восстановить на прежнем уровне, хотя, как сказал

фельдмаршал Геринг, «раны уже зализаны».

— Твои бы слова, да...

Генерал не договорил злую фразу — хоть он и недолюбливал главнокомандующего люфтваффе, но ценил и всегда отдавал ему должное. Вот только было ошибкой так расточительно потратить в ненужных десантных операциях в Стране тюльпанов столь ценные опытные кадры пилотов ВТА и планеров, значительную часть которых составляли матерые инструктора летных училищ, привлеченных к высадке десанта.

По этому поводу командующий даже имел весьма неприятный разговор с Герингом. Нет, парашютисты и планеристы показали себя великолепно, но вот такое кровопускание просто неприемлемо, потому что если потери первых удалось восполнить, хоть и с превеликим трудом, то с опытными пилотами дело обстояло туго.

Сейчас Кессельринг истерзался душою, не находя себе места: ведь стоит ошибиться летчикам, сбросить парашютистов в другом квадрате или отцепить преждевременно планера, то все усилия и потери могут пойти прахом — воздушный десант не поддержит морской, четкий план даст сбой, и последствия будут таковы, что...

— Дас тойфель!

Генерал глухо, сквозь зубы выругался, помотав головой, как усталая лошадь, отгоняя черные мысли, и решил больше не предаваться таким терзаниям — только нервы напрасно и без толку измотать. А они потребуются в самые ближайшие часы и дни, от которых будет зависеть не исход кампании, как во Франции, а войны, ибо на кон поставлено многое!

Здесь, на своем командном пункте, на «Священной горе» у Кале, будет решаться судьба «коварного Альбиона» — если люфтваффе смогут окончательно сломить сопротивление английской авиации и захватить господство в воздухе, над сушей и над морем, то блицкриг завершен и война окончена.

О другом возможном исходе генерал сейчас боялся и подумать. Все же только его воздушный флот бросил в наступление свои полторы тысячи боевых самолетов. А ведь в соседнем 3-м флоте генерала Шперле насчитывается намного больше бомбардировщиков и истребителей!

Совместных сил вполне достаточно, чтобы через короткое время сломить упорство даже этих вечно упрямых британцев!

«Фельзеннест»

Андрей повернулся удобнее — вода укутала его своей теплотой. Хорошо лежать в горячей ванне, намного лучше, чем полоскаться в холодной воде, как сейчас уже приходится многим «гансам», если, конечно, джентльмены высадку не проспали, с них станется...

— Да уж!

Голосом незабвенного Кисы Воробьянинова произнес шепотом на русском Родионов — несмотря на горячую водицу, по телу пробежали ледяные мурашки.

Андрей представил и всей своей кожей явственно ощутил, будто сам окунулся, насколько холодны сейчас, ночью, воды Ла-Манша в первый осенний день — купаться в них не рекомендуется, очень вредно для здоровья. Особенно под градом снарядов и пуль. И, словно получив допинг от такого пренеприятного ощущения, мысли сразу потекли намного быстрее, будто вода под напором из шланга.

Он за эти лихорадочные месяцы сделал немало, но только в одном направлении — высадка на британский остров стала его идеей фикс, она забирала все его силы и помыслы.

На остальные дела, что были взвалены на него, как на фюрера Третьего рейха, Андрей, по исконной русской привычке, «забил болт» конкретно, руководствуясь нехитрым рассуждением

— пусть катится все само собой, а там посмотрим, исходя из принципа, что всякая инициатива, несовпадающая с интересами руководства, наказуема.

— Хм...

Андрей не удержался от исконного русского хмыкания. За эти три месяца пребывания в чужой шкуре он убедился, что действительность была круче, чем он представлял раньше, полвека тому вперед, в будущем.

Германия оказалась милитаризованной намного больше, чем Советский Союз, причем отнюдь не в экономике, как ни парадоксально, а в социальной и политической жизни, затронув в большей степени лишь внешний, наружный характер, проще говоря, «лоск», а не саму внутреннюю сущность, с переводом всей промышленности на военное производство.

Ему даже показалось, что в рейхе невозможно встретить немца без униформы. В обмундировании ходили все: от профсоюзов и женщин до партийных работников — о такой сплошной милитаризации даже товарищ Сталин не мечтал, каких бы собак на него ни вешали.

В первые дни своего «пребывания» Родионов принимал за высокопоставленных членов СС даже обычных гауляйтеров, что являлись аналогами первых секретарей обкомов партии на его родине, да и функции они выполняли те же самые — надсмотрщики и руководители областей, или «землями» — гау, от нацистской партии.

Впрочем, ошибка была не столь и серьезная — партайгеноссе чуть ли не поголовно состояли в почетных членах ведомства Гиммлера, имея при этом аналогичные чины от этой зловещей организации, и щеголяли в коричневой униформе с нарукавными красными повязками со свастикой и с кинжалами на поясах.

И не только они одни являлись такими — в похожем обмундировании ходили сейчас чуть ли не все немцы, в какой бы организации они ни состояли.

Неимоверно труднее, наверное, было отыскать тех, кто «не привлекался, не состоял». А тут будто лососи прут на нерест — сплошным потоком, от «пионерии» из гитлерюгенда и баб-с из «союза немецких женщин» до механиков из «моторизованного корпуса» НСДАП, аналога советских Осоавиахима, или ДОСААФа в более позднее время.

И все с ножичками!

Смешно — но орленые клинки из отличной стали немцы таскали через одного, да еще гордились ими, выставляя напоказ. Да в Москве бы родная милиция и с ног сбилась, с ума сошла да запарилась бы в конец, «привлекая» к ответственности такое число носителей «холодняка»!

— Да уж — эти придурки не просто любят форму, они от нее без ума, — пробормотал Андрей, удобнее располагаясь в ванне и прикрыв глаза веками, — и не мыслят своей жизни без чинов и обмундирования. Как сороки — птицы тащат в клювах, а эти цепляют на себя все блестящее.

За три месяца он на собственном кителе, где застыл одинокий Железный крест за Первую мировую войну, полностью убедился в нарочитой «скромности» фюрера.

Все остальные немцы, особенно штатские «товарищи», что, нацепив форму, любят всячески демонстрировать свою воинственность, увешивались орденами, крестами, медалями, жетонами и значками, как рождественские елки игрушками. Не хватало только обозначить на бляхе группу крови или дату потери девственности. Вот был бы значок!

Последние чеканились по любому случаю — от партийного съезда в каком-нибудь гау Баден до общества любителей истинно арийских марок. И не просто выпускались в честь столь памятных событий — их были обязаны носить на своих мундирах партийные, государственные и общественные функционеры, или «фюреры», как они любили себя называть, добавляя к «вождю» либо свой чин, либо должность.

Звучит-то как — «штурмфюрер СА», то есть штурмовиков, чьим номинальным главой был сам Гитлер.

Надобность в них сейчас полностью отпала, и приведшие к власти нацистов молодчики в коричневых рубашках пребывали даже не на вторых, а на третьих ролях, уступив первенство СС. Но их не разогнали, до сих пор горделиво таскались, даже адъютантов представили в рейхсканцелярию.

— А может быть, того... Эти парни эсэсовцам завидуют вчерную, до сих пор шипят, что их не оценили...

Мысль явилась неожиданно, моментально став очень привлекательной. Ее следовало хорошо обдумать и принять взвешенное решение.

Еще бы, ведь ничто не сближает так, как один общий враг. А без союзников ему никак не обойтись, хотя армейские генералы вряд ли будут против. Но тут ему следует постоянно помнить, что любая палка завсегда о двух концах...

Лондон

— Годдем!

Сон накатился внезапно, Уинстон Черчилль даже не помнил, как задремал в удобном кресле.

Последние шесть дней, с момента начала мощного воздушного наступления нацистов, он спал очень мало. Даже любимый коньяк, ежедневно выпиваемый в невероятных количествах для любого джентльмена, привыкшего к лошадиным дозам бренди, не помогал снять накопившееся чудовищное напряжение.

Проснулся толчком и сразу же стряхнул с себя остатки сна. Премьер-министр Великобритании бросил короткий взгляд на большой циферблат — полчаса отдыха оказалось вполне достаточно, он чувствовал себя порядком отдохнувшим. Губы привычно чмокнули — дремать с потухшей сигарой в зубах стало для него обычным делом.

— Грязные немцы!

Ругательство в адрес заклятого врага превратилось в привычку, но теперь с немалым чувством облегчения.

Напряженное ожидание закончилось — два последних месяца каждый житель Англии жил как на вулкане, ежедневно с затаившимся дыханием вслушиваясь в сообщения радио, которое должно было объявить о начале вторжения новых гуннов.

Бомбардировка шла уже две недели, но пока истребители Королевских ВВС справлялись с отражением массированных атак германской авиации. Пока... Тевтоны продолжали бросать все новые и новые эскадры, и потери «харрикейнов» и «спитфайров» стремительно росли, уже значительно перекрыв выпуск новых истребителей.

Но главное не в том: самолеты — это чепуха, расходный материал, а вот возместить потери опытных летчиков оказалось чрезвычайно трудным делом. Не бросать же в бой неоперившуюся молодежь, что станет легкой добычей матерых асов Геринга?!

Выручили, как всегда, союзники — польские и французские пилоты отчаянно сражались в британском небе, давая столь необходимое время для подготовки англичан — воздушное наступление немцев будет продолжаться еще не меньше недели, а затем последует высадка десанта.

— Годдем!

Черчилль пыхнул раскуренной сигарой. Мысли текли быстро, как вода в горных шотландских ручьях.

Неделя еще есть, никак не меньше. Нацистам пока не до высадки, она будет

бессмысленной, пока не захвачено полное господство в воздухе, без этого огромное скопище лоханок, что собрано во французских и бельгийских портах, не более чем плавающие щиты для пристрелки орудий британских крейсеров и эсминцев.

— Так что неделя есть, не меньше, — пробурчал Черчилль, хорошо пыхнув сигарой, вспомнив, что за последние месяцы не выпускал ее из губ.

Нет, единственный раз пришлось вытащить ее изо рта — это было в подземном командном бункере истребительной авиации, где на огромном столе, изображавшим южное побережье, молодые девушки в военной форме двигали указками силуэты самолетов, показывая наведение истребителей радарам. Это укрепило дух премьер-министра настолько, что он тогда не пожалел, что его заставили вытащить из губ этот курительный атрибут.

— Неделя у нас есть, — с задумчивым видом пробормотал Черчилль, чуть громче повторив: — А потому следует еще лучше подготовиться.

На этой мысли он ощутил приступ дремоты и решительно прикрыл глаза — не в его годы полуголодать, как это делает в Москве Сталин или Гитлер в Берлине. Впрочем, бесноватый Адольф, как сообщила разведка, ведет уже почти нормальный ночной образ жизни, прекратив с июня свои ночные бдения.

А потому и ему самому нужно поспать, и столько, сколько требует тело, ведь разбудить его могут только в двух экстренных случаях — если Советы нападут на рейх, что невероятно само по себе, либо немцы начнут высадку на остров.

Па-де-Кале

— Ох... Э-г...

Баржу резко подбросило вверх, затем швырнуло на бок, и тут же палуба полетела куда-то вниз, стремительно проваливаясь под ногами, будто табуретку из-под ног висельника безжалостно выбили.

Желудок моментально подскочил комком к горлу, и гауптштурмфюрер СС Курт Майер, русоголовый и плечистый парень, каким по завету фюрера должны быть все немцы, непроизвольно согнулся в три погибели, содрагаясь всем телом в жесточайшем приступе рвоты. Чувство жгучего стыда полоснуло клинком по сердцу — «я сейчас как какой-нибудь француз, налопавшийся живых лягушек».

Но мысль тут же сгинула, растворился и стыд, окаченный соленой морской водой, — офицера в очередной раз вывернуло наизнанку, и желчная горечь, истекшая из пустого желудка, только добавила тошноты.

— Майн готт...

Эсэсовец с детским всхлипом отер рот рукавом и, к вящему стыду, подумал, что не к лицу истинному арийцу призывать на помощь Всевышнего. Он одернул себя — переход через Ла-Манш только начался, что впереди ждет, никому знать не дано.

— Лучше атаку «Матильд» отразить, чем в этой скорлупе плавать. Ведь так, Курт?

Сбоку раздался голос обершарфюрера Панцига — в СС всячески насаждались товарищеские отношения между офицерами и солдатами, чего не могло быть в армии, вскормленной на прусских традициях, по определению.

А потому эсэсманы, как бы подчеркивая свое особое положение, обращались либо по званию, либо по имени, и без этого холодного «герр» — то есть господин. Тем паче смешно обращаться так было сейчас, на этом облеванном и залитом соленой водой большом баркасе. Впрочем, так именовал его Майер, не в силах классифицировать данное суденышко, которому они сейчас вверили свою судьбу.

— У, вылутился, — прошипел Панциг. — Тоже мне, «морской волк»!

— Оставь, Альфред. Старик свое дело знает. Лишь бы до берега добраться... А там плевать. И на пулеметы «томми», и на их танки!

В несколько приемов гауптштурмфюрер с трудом вытолкнул слова из глотки, снова борясь с подступающей тошнотой, и покосился на моряка, что крепко стоял у руля, зажав зубами трубочный мундштук.

Казалось, что этот призванный из резерва старик (а как называть его прикажете, если он чуть ли не втрое старше любого эсэсовца, что страдал от качки морской болезнью) совсем не обращает внимания на то, что на палубу суденьшка сейчас «травят» три десятка молодых парней. А еще столько же имеют землистые лица и выглядят ничем не лучше, чем их ротный командир.

Вот только офицер кожей чувствовал, что старик весьма едко ухмыляется в седую шкиперскую бородку, видя страдания «сухопутных крыс», но ничем не показывает своего к ним отношения.

Еще бы — Майер, к своему великому стыду, плохо разбирался во флотских званиях, но по погонам живо уяснил, что старик всего лишь унтершарфюрер, или унтер-офицер, да еще с кайзеровских времен. Живая легенда, что и гросс-адмирала Тирпица видел в капитанских чинах. И тут же сам себе дал зарок — если десант окажется удачным и Англия разделит судьбу Франции, то он не только все флотские чины вызубрит назубок, но и...

— И это спокойное море, — пробурчал Панциг, — тогда что этот флотский чинуша в майорских погонах штормом называет?

— Хорошо, что мы не на кораблях служим. — Майер не стал отвечать на столь риторический вопрос, так как прекрасно слышал, что сказал корветтен-капитан перед посадкой десанта. Мол, началась самая спокойная неделя, а потом грянут осенние шторма. Обрадовал!

— Не, нам бы только до берега добраться, — пробормотал офицер и, усмехнувшись, совсем тихо добавил: — А там либо разобьем островитян, либо все поляжем. Мои парни обратного плавания просто не переживут...

«Фельзеннест»

— Долгонько я здесь плещусь, пора вылезать: уже беспокоятся!

Андрей посмотрел на свой китель и вздохнул. Хочешь не хочешь, но часовое купание есть абсолютно непонятное дело для скуповатых тевтонов, вызывающее удивление. Хотя с такой причудой своего фюрера камердинер уже смирился.

Родионов встал и, тщательно ставя ноги, ибо не хватало еще поскользнуться и заработать вывих или растяжение, утвердился на полу. Пушистое полотенце, а не принятое раньше армейское жесткое, ласкало кожу, а мысли продолжали бежать, заставляя мозг работать.

Оказаться между двух огней не очень радостное дело. Если спустить генералов с цепи, то они разорвут Гиммлера с его СС в клочья.

Но вот что будет, когда вояки вцепятся и ему самому в глотку? Ведь, несмотря на победы, а может, и благодаря им отношение к Адольфу Гитлеру у большинства аристократов с моноклями и золотой вышивкой почти не изменилось. Эти «гинденбурги» продолжали взирать на него как на вчерашнего ефрейтора.

Таким волю только дать, мало не покажется!

— Это товарищ Сталин своих маршалов пыточными подвалами унял, разогнал эту фронду героев гражданской войны, славных сподвижников Льва Троцкого, — глухо пробормотал Родионов, продолжая вытираться.

Был заговор среди красных полководцев, имелся — теперь Андрей полностью уверился в этом, благо заполучил информацию.

Слишком многие из советских партайгеноссе и военачальников проявляли искреннее недовольство укреплением в СССР «культы личности», и отнюдь не в досужих разговорах.

Даже с заправилками из ОКХ контакты имелись, те, по примеру русских, тоже до сих пор против своего фюрера зуб точат.

— И что делать?

Родионов задал себе извечный русский вопрос. Противовес старым генералам он нашел серьезный — теперь грызня между ОКХ и ОКВ вышла на качественно иной уровень. Браухич и Гальдер пытались схарчить Манштейна и накрыть его реформы медным тазом. Тот свою линию гнул жестко, как в песне про князя Олега и волхвов. Самую энергичную поддержку ему оказал Гудериан с панцерваффе, очень сильно недолюбливавший своих вчерашних гонителей. К этой парочке тут же примкнул Геринг с люфтваффе, радостно повизгивая, без колебаний ввязавшись в свару.

Вопрос о победившей коалиции пока откладывался на неопределенное время. Если Англия будет захвачена, а в том у Андрея пока имелись обоснованные и определенные сомнения, то на «коне» окажется как ОКХ с флотом, так и ОКВ с авиацией.

И как прикажете выявить триумфаторов, определить им место на пьедестале?! Да они после такой виктории друг другу кровь начнут портить с удвоенным рвением.

— Хотя...

Андрей отложил полотенце, и тут же зашел камердинер, принявшийся молча одевать своего шефа, лишь изредка поглядывая на его отрешенное лицо. А фюрер думал, осененный блестящей мыслью:

«А ведь дело может и выгореть! Диктата вермахта просто не будет. Генералы просто не дадут кому-нибудь из них взять власть, вылезти в Наполеоны. Всем скопом накинутся, придавят, порвут, как тузик грелку, и опять между собою грызню затеют. А потому нацистов их руками можно и раздавить, повод как нельзя удачный!»

Андрей представил, как он выступает с речью в рейхстаге: «Пока идет война, нет места партийности и политическому кривлянию. Мы, немцы, сейчас должны стать единой партией!»

— Хм...

Если таким образом нацистскую партию отодвинуть от власти, оставить в ее руках только идеологию, причем сильно изменив ее и направив подальше от расистских бредней в совсем иное русло, то судьба Германии станет совсем иной, тут даже к бабке ходить не нужно.

Управление государством возьмут на себя профессиональные чиновники, а не партийные кликуши, от которых одна только смута. «Старые камераден» со времен «пивного путча» 1923 года до сих пор шипят, что, дескать, Адольф от углубления революции отказался, предал ее. Им самим очень хочется государством порулить, довести ее до логического конца. До ручки, короче!

С другой стороны, монархисты суетятся, благо старый кайзер Вилли в Голландии живет да еще в уме пребывает, хотя и в преклонных летах. Сынок у него тоже энергичный, несмотря на то что шесть десятков лет прожил. И потомки саксонских, баварских и прочих королей и целого сонма остальных германских властителей и аристократов очень нездорово оживились, про «добрую и старую Германию» разговоры ведут. Типа — не вернуть ли нам, любимый фюрер, царя-батюшку. А сами на него так смотрят, будто английскими лордами стали, узревшими папуаса на королевском приеме в Букингемском дворце.

Андрей устало вздохнул и уныло бросил взгляд на зеркало — облик бесноватого «друга» с узкими усиками и косой челкой приелся ему до изжоги. И не изменишь изображение, набившее оскомину, оно вошло уже в историю, мать его! Да и ее тоже!

— Надо что-то делать. Выбирать, но как?!

Гастингс

Рокот мотора не усыплял, как раньше, а еще больше будоражил. Макс Шмеллинг искоса глянул на своего соседа — тот, прикрыв глаза, делал вид, что задремал. Именно, что делал — какой тут сон за полчаса неспешного полета на старом Ю-52, тут на нервах изойдешься.

Макс не жалел, что в июне попросил лично у фюрера вернуть его обратно в часть. Именно тогда, нокаутировав полковника абвера, что уже выхватил пистолет из кармана, и заслонив собственной грудью Гитлера от пули, понял, что сам должен послужить Германии честно, на фронте, а не при Ставке, на спокойной должности телохранителя рейхсканцлера. И заполучить Железный крест, заветную для любого солдата награду, которую давали исключительно в военное время.

И он заслужит ее!

Десантирование его пугало, но Макс всячески старался спрятать страх. Да и как Шмеллинг мог показать его, ведь чемпион мира по боксу, пусть с приставкой «экс», кумир миллионов немцев, особенно ребятишек из «гитлерюгенда».

Впрочем, одно утешало — рядом с ним в самолетном чреве сидела на лавках добрая дюжина парашютистов, трое из которых, щедро награжденные за высадку в Голландии ветераны, тоже пребывали в нервном состоянии, но искусно скрывали от соседей свои опасения. А лейтенант так вообще застыл с каменным лицом, будто внизу англичане не стрелять в них будут, а цветами осыпать.

— У-у!

Сигнал заскрежетал на нервах, словно рашпилем, в салоне матовым светом зажглась лампочка — ее красный цвет тут же напомнил боксеру кровь, что часто он видел на расквашенных лицах соперников и на своем собственном. Но то на ринге!

Страх тут же покинул его, сменив место непонятному хладнокровию, а длительные и ожесточенные тренировки вывели тело из оцепенения, и оно помимо воли принялось совершать вбитые на занятиях действия.

Макс встал, оправил лямки парашюта, укрепил на тросе вытяжной фал. Лейтенант уже высился у двери, которую начал открывать механик.

Офицер — выпускающий, ему прыгать последним. Нет, крайним — тут же поправил себя в мыслях Шмеллинг, ибо в авиации не любят такого слова. А его, как самого тяжелого, поставили первым, иначе грузный десантник может влететь в купол более легкого по весу парашютиста.

В кабину ворвался ветер, ударив в лицо. Макс ухватился за поручни, приготовившись прыгать вниз головой. Ибо таков немецкий парашют, иначе не прыгнешь, ломает хребет при раскрытии, рывок очень сильный — за три учебных прыжка Шмеллинг это хорошо усвоил и сейчас действовал на рефлексах, мыслей в голове не имелось.

Офицер шлепнул ладонью по плечу — с момента сигнала замигавшей лампочки до этого напутственного хлопка прошла одна минута, не больше, насколько все было отработано.

— А-а!

С диким ревом, перебарывая внезапно появившийся страх, Шмеллинг вытолкнул свое крепкое тело из самолета, сиганув вниз головой, и тут же заметил, как на довольно близкой земле, едва три сотни метров, вспыхнули три манящих огонька.

И с нескрываемым облегчением, летя по воздуху, раскинув руки, будто пловец с вышки, прыгнувший в бассейн, подумал, что лихие планеристы с группы наведения сделали свое дело. Теперь высадка будет удачна, хотя высота могла быть и меньше — дурная конструкция парашютов имела один весомый плюс: купол мог раскрыться и наполниться воздухом очень быстро, а потому можно спокойно прыгать и со ста метров.

— Уй!

Страшный рывок перевернул тело Шмеллинга и буквально выдавил из головы все мысли...

Глава вторая

«В ДЕСАНТЕ ВСЕ ПЕРВЫЕ»

«Фельзеннест»

— Мой фюрер!

Дверь в кабинет открылась, и вошел адъютант от люфтваффе, майор фон Белов, порядком обласканный Андреем и за майские события, и за свою русскую фамилию, напоминавшую о «гардемаринском» сериале.

Несмотря на позднюю ночь, офицер был подтянут, выбрит, без малейшего признака усталости на лице — вот только глаза красные, как у перепившего шнапса кролика, от постоянного недосыпа.

Но тут уж ничего не попишешь — за эти дни упорного воздушного наступления на Англию, что предвляло высадку десанта, он просто задержал адъютантов, требуя от них различного рода информацию.

— Командующий 2-м флотом только что был на проводе! Высадка десантов полного состава 1-й и 2-й бригад, парашютного и планерного, произведена без противодействия противника. Его радары, на взгляд командующего, дезориентированы поставленными нами помехами, а потому наведение истребителей британцами не производилось.

— Что у Шперле?

— Доклада еще не поступало, мой фюрер! Мы его ждем с минуты на минуту!

— Идите, майор!

Отправив офицера, Андрей повернулся к карте. Южное побережье Англии расчерчивали синие стрелы, символизирующие ожидаемое наступление морского десанта, и такого же цвета кружки, обозначающие зоны высадки парашютистов и планеров.

Основная синева, нанесенная умелой рукою штабного офицера, густой вязью покрывала юго-восточный берег вечно Туманного Альбиона. Центр и юго-запад были расцвечены гораздо беднее, тусклее.

— Авантюра. — Родионов задумчиво покачал головою и усмехнулся, добавив тверже: — Немыслимая дерзость, но этот Манштейн, увлекись он покером, давно бы обобрал всех до нитки и гоголем в записных шулерах расхаживал. Тот еще пройдоха!

Нет, каков наглец!

Начальник штаба ОКВ предложил ударить по самому кратчайшему направлению, через самую узкую часть Канала, всего каких-то там два десятка миль — в хорошую погоду противоположный берег отлично проглядывался даже невооруженным глазом.

Родионов самолично проверял, удосужившись туда съездить: всю жизнь мечтал на Англию вживую полюбоваться, а не с экрана телевизора.

Авантюра чистейшей воды — план поначалу ошарашил Андрея, ведь и англичане знали, что Па-де-Кале слишком удобен для наступления, уж больно короток этот путь. Даже самая тихоходная баржа сможет за ночь доплыть до острова, высадить десантников и вернуться обратно.

Вот тут-то проявился «сумеречный» гений германского генерала — ведь «удар серпом» через Арденны союзники тоже не предполагали, но немцы прорвали фронт и углубились в тыл именно там. Но здесь хитрость была в другом — как умелый боксер часто финтит, постоянно перемещаясь и делая «нырки» для обмана соперника, так тут и произошло.

Приготовление к операции от Булони до Дюнкерка шло настолько демонстративно, что любой английский генерал мог сразу подумать, что дело нечистое.

И точно — не менее широкомасштабные приготовления по всей полосе северного побережья Франции вплоть до Шербура велись уже скрытно, с соблюдением всех мер маскировки.

Именно отсюда планировалось нанести главный удар во всю силу, и в портах сосредотачивались наиболее быстроходные десантные средства, включая новейшие танкодесантные баржи и самоходные паромы «Зибель». И воздушные силы Шперле имелись мощнее, чем у Кессельринга, и три бригады парашютистов против двух.

Недаром дьявол прячется в мелочах — у самой узкой точки Ла-Манша сосредотачивались лучшие части вермахта и люфтваффе, наиболее подготовленные и обученные.

Обе ударные бригады люфтваффе, 1-я и 2-я воздушно-десантные, развернутые из полков расформированной бывшей 7-й авиадивизии, являлись элитными, укомплектованные ветеранами с боевым опытом. В каждой по три батальона парашютистов, и лишь один батальон высаживался на планерах.

А вот в трех других бригадах, с 3-й по 5-ю, созданных из полков упраздненной 22-й пехотной дивизии, которую готовили раньше к переброске по воздуху — такие части в конце XX века называли аэромобильными, пропорция была прямо противоположной.

Потому в первой волне шел только один батальон с парашютными ранцами, а три других планировалось перевезти на старых Ю-52, если, конечно, потери будут не чересчур серьезными, транспортников останется в достатке и, главное, захвачены в пригодности английские аэродромы. Планеров в составе люфтваффе уже имелось прилично, заводы рейха, их изготавливающие, работали в три смены.

Не хватало главного, причем катастрофически, — в неудачных высадках в Голландии под пулями погибло слишком много опытных пилотов. Так что эти три бригады были способны лишь демонстрировать высадку на широком фронте, но не нанести хотя бы один серьезный удар и облегчить высадку уже морского десанта.

То же самое касалось и сил флота — большинство частей новоявленной морской пехоты должны были совершать бросок в самом узком месте и обеспечить перевозку двух третей от общего количества бронетанковой техники, которым ставилась задача добиться окончательной победы.

Но то планы — а вот абвер, ведомства Нейрата и кривоногой мартышки Геббельса, и также прочие учреждения кампанию по дезинформации противника провели многоуровневую, с такими комбинациями, что сам Андрей только диву давался и качал головой. Тут уж тевтонам не откажешь, умели врать и обманывать! Недаром даже недоверчивый Сталин в июне сорок первого как гусь в ошип попал. Но это ведь произошло в той истории, а сейчас совсем иные времена наступили!

— Иные времена, — задумчиво пробормотал Родионов и пробежался по кабинету. Ковер хорошо заглушил его торопливые мелкие шажки. — Сейчас все пойдет по-другому...

Дувр

Бомбардировщик надрывно ревел моторами, медленно летя на юг. Дело было завершено, а тяжелая ноша из двух десятков смертоносных чушек сброшена на английский аэродром. И, судя по всему, удачно — на земле вспыхнуло несколько пожаров: либо накрыло заправленные топливом самолеты, либо имелось прямое попадание в цистерну с авиабензином.

— С такой навигацией можно воевать, — с нескрываемым удовлетворением пробормотал Леске, чуть подрабатывая штурвалом.

Старина «Хейнкель» отозвался — остекленный нос машины чуть приподнялся. Именно там колдовал командир, что-то настраивая в ящиках.

Вести бомбардировщик по лучу радара оказалось легко, тем более перестали действовать собственные помехи в виде миллионов полосок тончайшей фольги, что были заранее сброшены с германских самолетов в свинцовые волны Ла-Манша.

— Полезная задумка. Представляю, как очумели британские операторы от такого обилия «целей». Наверное, подумали, что на помощь рейху пришли воздушные армады марсиан! Или Советов, у них много аэропланов, да и союзники они наши...

Леске хмыкнул, представив, какой кавардак сейчас творится у чопорных джентльменов. Впервые в воздухе их не встретили эти вездесущие «харрикейны», да и зенитная артиллерия стреляла как-то вяловато, к тому же поздно спохватившись.

Очень удачный выпал день, такого Леске не мог припомнить со времени начала операции «День орла».

Хотя под Дюнкерком в мае и приходилось иной раз туго, но все же во Франции было полегче, а сейчас британские истребители словно осатанели. А потому пилот мысленно возблагодарил судьбу за столь удачный день, вернее ночь.

— Майн готт! Да сколько же их!

Леске бросил взгляд вниз и с изумлением выдохнул — через пролив сплошным потоком шли не десятки, а сотни всякого рода суденышек, прекрасно видимые на лунных дорожках.

Впрочем, не все они были мелкими — несколько раз глаза пилота выхватывали из темноты длинные и узкие хищные корпуса военных кораблей, явно знакомых ему по Французской кампании эсминцев. И даже попалась на пути парочка весьма толстых «комодов» — довольно больших транспортов.

— Дас тойфель!

Лейтенант не сдержал удивления — внизу полыхнули струи огня, отражаясь от моря. Словно десятки огненных светлячков загорелись, но на доли секунды, потом заплескали снова и снова, отсвечивая пламенем от свинцовой глади.

И тут Леске все понял, осознание случившегося стало настолько ярким, что не сдержался и грязно выругался еще раз, — в проливе, далеко внизу, начался ожесточенный бой, а некоторые из эсминцев были отнюдь не германскими, а британскими.

А это плохо, очень плохо, если не сказать хуже — высадка не оказалась настолько внезапной, как он подумал раньше.

Скоро в Ла-Манш припожалует их весь знаменитый «Гранд Флит», ошетинившись пушками многочисленных линкоров и крейсеров, и тогда славным парням адмирала Редера придется туго.

Гастингс

Удар о землю был силен — все же германский парашют имел большую скорость спуска, чем американские «ирвинги». Шмеллинга бросило лицом вперед, но он, падая, умело подставил предплечье, благо имелись на коленях и локтях защитные щитки, что носили все немецкие парашютисты.

Макса потащило по земле, а он в это время, чертыхаясь, расстегивал лямки. Весьма неудачная конструкция — в люфтваффе и у англичан замки подвесной системы намного удобнее, повернул и разом освободился. А тут пока расстегнешь — семь потов от страха сойдет.

— Ферфлюхте!

Рядом проскочил набравший воздуха купол, таща за собой сквернословящего десантника, — вот еще один порок немецкого изобретения: и не схлопнешь шелк, прижав край к земле, ибо система не позволяет этого сделать, и лямки не сразу расстегнешь. А потому Шмеллинг прыгнул вперед, накрыв всем своим мощным телом купол, вдавив наполненную

воздухом ткань в землю.

Практикуемый в германских ВДВ прием, как свойственно иным паллиативам, оказался эффективным. Ругань спасенного парашютиста прекратилась, и тот наконец освободился от лямок, которые в иной ситуации могли бы сыграть роковую роль, как та веревка на шее у висельника.

Именно об этом подумали оба десантника одновременно, выхватив из кобур надежные «вальтеры», коими вооружали всех поголовно. Дело в том, что конструкция парашютной подвески не предусматривала наличие длинноствольного оружия, ибо сильный рывок в пояснице грозил неминуемой травмой. Так что автомат ни к груди не прижмешь, ни к животу или бедру. Не прыгать же с ним на вытянутых руках!

Оставаться же совсем без оружия в момент приземления сродни безумию или изощренной и смертельно опасной «русской рулетке». Так что пистолеты давали пусть и эфемерную, но все же хоть дохленькую гарантию, что на пулеметную очередь супостата можно будет ответить выстрелом, а не поднять руки к небу...

— Вот контейнер, Шмеллинг! Давай вооружайся!

По голосу Макс, к своему дикому изумлению, узнал ротного командира, обер-лейтенанта Лампе, по неисповедимому пути ветра оказавшегося рядом с ним.

Парашютисты кинулись к продолговатому контейнеру с толстым амортизатором на торце. Расстегнув, они достали первые попавшиеся стволы — пистолеты-пулеметы МР-38. Повезло — у каждого десантника имелись подсумки с длинными магазинами.

Присоединив рожок, Шмеллинг сразу почувствовал себя Давидом, вызвавшим на бой Голиафа. И только сейчас он огляделся — на юге в километре шла ожесточенная стрельба, небо располосовали очереди трассеров, суматошно взлетали сигнальные ракеты.

— Парни! Нас высадили точно! Там английский аэродром, на него сели планера второй роты!

Лейтенант яростно кричал сбегавшимся со всех сторон парашютистам — разброс при посадке оказывался солидным, от первого до четырнадцатого, покинувшего чрево «тетушки Ю», чуть ли не километр.

— Действуем, парни! Вперед!

Услышав звонкую команду и прекрасно зная, что ему делать в этом случае, бывший боксер, а ныне парашютист Макс Шмеллинг довольно быстро побежал к сполохам шедшего впереди боя, сжимая в руке свой надежный МР с уже откинутым прикладом.

«Фельзеннест»

— Мой фюрер! Генерал Шперле сообщает, что высадка десантов произошла по плану! Единственным препятствием стало то, что все большие и пригодные для посадки планеров поля, включая и те, что приспособлены для игры в гольф, оказались перекопаны. И более того, на них англичане установили заграждения, что привело к разрушению аппаратов. Но вот больших, то есть серьезных, потерь нет, о них не докладывали.

— Это очень хорошая новость, мой дорогой Белов!

Андрей потер ладони от радостного предвкушения и усмехнулся — самому смешно слышать очень даже славянскую фамилию, произнесенную самим Адольфом Гитлером. То ли еще будет, господа нацисты!

— Все же парашютисты графа Шпонека немного не успели за генералом Штудентом, став вторыми...

— В десанте все первые, Белов, вторых не бывает. Каждый парашютист действует в авангарде, выполняя планы командования, зачастую только по собственной инициативе. И

главную роль в этом играет как уровень подготовки, так и предприимчивость, заложенная природой.

Андрей улыбнулся, но сжал губы — иной раз натура настоящего фюрера, воля и мозг которого были подмяты, иной раз прорывалась, и тогда он начинал изрекать слова «высоким штилем», или, проще говоря, «вещать». Как там у классиков? Остапа понесло?

— Так точно, мой фюрер!

— А высадка... Об ее успехе или не успехе мы будем говорить тогда, когда парашютисты захватят английские аэродромы и мы сможем организовать воздушный мост. И тогда, когда воздушный десант соединится с морским и на плацдармах будут сосредоточены для прорыва наши танковые дивизии. А пока, Белов, говорить об успехе преждевременно! Идите и выполняйте свои обязанности!

«Еще спугнешь фортуна, майор! А она очень капризная дама, за которой нужно ухаживать очень аккуратно. Или накаркаешь, как любят русские выражаться!»

Андрей недовольно поджал губы и снова склонился над картой, краем глаза наблюдая за адъютантом. Тот смущенно застыл и тихо-тихо попятился, неслышно затворив за собою дверь.

Родионов воровато оглянулся, хотя прекрасно знал, что в кабинете никого нет. Но привычка есть вторая натура, и от нее очень сложно избавиться.

Шкафчик приоткрыл дверцу, словно таинственный сказочный Сезам, и Андрей налил себе из пузатой бутылки тягучей рубиновой жидкости. Глаз-алмаз оказался набит, и рука натренированно дернулась — ровно половина.

Чисто по-русски хекнув, фюрер поднес бокальчик к губам и потянул пахнувший вишней ликер. Пятьдесят граммов оказали привычное воздействие, и стало еще лучше, когда он вдохнул воздух. Крякнул от удовольствия, ощущая сладость во рту.

— Крепок, собака! И хорош, хорош, куда там прибалтам с их бальзамами в глиняных бутылках! Пусть к русской водке привыкают...

Но перейти к осмыслению политической жизни мозг Андрея отказался, снова переключившись на выброску парашютистов. И сразу возник закономерный вопрос — почему британцы не приняли должных мер по отражению воздушного десанта?!

Ведь во время Критской операции, как знал Андрей по *той* истории, ВДВ Геринга понесли чудовищные потери, да такие, что если бы не самая экстренная переброска по воздуху горных стрелков, знаменитых «эдельвейсов», то десант был бы уничтожен.

Может, ответ лежит в том, что никто из политиков в мире, и Черчилль в том числе, еще не оценил в должной мере угрозу, которую могут извергнуть из себя небеса. Ведь все же критские бои имели быть место в мае следующего, 1941 года.

И Штудент просто молодец — командующий ВДВ, генерал люфтваффе, смог оправиться от тяжелейшего ранения, хотя на ноги сумел встать лишь в августе, и не в полугодишный отпуск стал отпрашиваться по ранению, на котором настаивали эскулапы и что был ему положен на самом законном основании.

Нет, генерал кинулся упрашивать Геринга, а потом и его самого, чтобы дали возможность провести операцию, покомандовать реорганизованными частями. Доказывал яростно, с напором, чуть ли не с пеной изо рта, что именно он сможет сделать все как нужно.

И к вящему удовольствию Андрея, Штудент вначале переупрямил своего непосредственного начальника, уломав самого борова, а потом убедил и его самого все-таки...

Лондон

— Сэр, проснитесь, пожалуйста!

Негромкий, но емкий, весьма убедительный голос адъютанта вытянул Уинстона Черчилля

из состояния дремотной расслабленности. Глава Кабинета Его Величества моментально стряхнул с себя остатки сна, как добрый охотничий спаниель воду.

— В чем дело?! Русские начали войну с Гитлером?

— Таких сообщений пока не поступало, сэр. — Офицер, как и все природные англичане, обладал свойственным островитянам чувством юмора. — Но вот маршал авиации Даунинг имеет доклад.

— И что там у старины Хью? — Черчилль взглянул с тревожным интересом — командующий королевской истребительной авиацией к глупым розыгрышам предрасположен не был, а потому такой ночной звонок явно не к добру, и никак иначе.

— Наши радары словно обезумели, сэр, и дают множественные отметки целей.

— Насколько множественные? Или началось еще одно воздушное наступление, и толстый Геринг...

Черчилль усмехнулся, вспомнив о своей избыточной полноте, но ему ли самому себя упрекать или иронизировать. Тут лучше выбрать наглядный образ врага, а командующий люфтваффе как нельзя лучше подходил на отведенную ему роль, будто став дешевеньким актером «Глобуса».

— И толстый Геринг бросил на нас всю свою авиацию, выскребя даже древние этажерки?!

— Нет, сэр! Наземные посты лишь в двадцати случаях зафиксировали пролет крупных групп самолетов. Отметки на радарх были множественные, потому усилия наших истребителей зачастую пропали втуне.

— А потому... Да не тяните кота за хвост!

— Выброшены десанты парашютистов. Несколько десантов, а отнюдь не кукол, как раньше. Силою примерно в десяток батальонов, сэр. Уточнить пока не представляется возможным, сообщения крайне разноречивые. Но это вторжение, сэр!

— Так!

Черчилль почувствовал, как его внутри распирает бьющаяся через край энергия.

Разведка ошиблась, твердо доказывая, что высадку десанта немцы начнут не ранее середины сентября. И доказательства с аргументами были приведены крайне серьезные, которым премьер-министр сразу поверил, что оказалось крайне непростым делом для прожженного политика.

Но может, это опять идиотский тевтонский розыгрыш?! У швабов крайне примитивный юмор — на протяжении недели пролетать над всем побережьем и сбрасывать на парашютах куклы, на которые напаяли германскую форму.

Кого хотели напугать эти глупцы?!

Хотя нервишки попортили основательно — люди вымотались, каждую ночь вскакивая по тревоге при сообщениях о высадке парашютистов. Даже командование не выдержало, издав строгое указание на эту тему.

— Сэр, — адъютант словно прочел мысли своего вальяжного шефа, — на всем юго-восточном побережье, от Дувра до Портсмута, кроме парашютистов, приземлились планера. Мы ждем более достоверной информации, сэр. Но это есть вторжение!

Па-де-Кале

Это был ужас, оживший кошмар. Тело Курта Майера сковал ледяной холод, разлившийся по всем жилам и венам. Мало того, что болтанка давным-давно вывернула все его нутро наизнанку, так тут ТАКОЕ!

Хищный силуэт английского эсминца появился внезапно, будто вырос из глубины моря. Эсэсовцы вначале не поверили собственным глазам, приняв его за свой собственный корабль,

вот только старик-морьяк разразился вычурной тирадой, чуть ли не проглотив мундштук собственной трубки.

Таким словам Майера никто не учил, и он понял из этой отборнейшей ругани, где самым «мягким» было «дерьмо свиное», только одно — им всем пришел конец, и сейчас ТАКОЕ начнется!

Словно напороочила эта старая водоросль, которую давно пора на йод пускать или, что лучше, высушить, утрамбовать в брикет и на корм отдать тем же самым свиньям.

Английский корабль в мгновение ока покрылся пульсирующими огоньками скорострельных пушек и пулеметов, грозно бабахнули крупнокалиберные орудия, выбросив длинные языки пламени.

И страшный град прошелся по скопищу германских кораблей, посреди которого выросли огромные султаны воды.

Майер вжался чуть ли не в самое днище лоханки, на которой плыл к вожделенному английскому берегу.

Умом он прекрасно понимал, что сие есть слабое укрытие от свинцового шквала, но весь опыт солдата говорил ему о том, что лучше матушки-земли защиты не бывает, и если прижаться к ней да еще окопаться, то любой обстрел перестает казаться страшным.

— Прах подери!

Какая саперная лопатка — днище, что ли, углубить прикажете?! Так сразу прямиком и пойдешь к морскому царю, рыб кормить. Правы британцы в своих листовках, которые высыпали ночами на французские порты. Многие солдаты читали эту вражескую пропаганду, не удержался от циничного соблазна и сам Майер.

Юмор у островитян был еще тот. Они живописали все трудности переправы по морю, и гауптштурмфюрер признал их правоту — истину писали, собаки, ни словом не солгали.

И теперь убедился еще раз — встреча с английскими кораблями была неизбежной, слишком много имелось у британцев лоханок под флагом святого Георгия, и чреватой в бурном море для германского десанта самыми тяжкими последствиями.

Английский эсминец, буквально оцетинившийся пламенем стрельбы, носился среди немецких судов, как здоровенный фокстерьер среди толстых и неуклюжих крыс, вернее, ожиревших и беззубых хомячков, охваченных диким ужасом безжалостного истребления.

Он рвал их клыками своих страшных пушек, а иной раз топил баркасы своим форштевнем, сминая их, как яичную скорлупу ударом тяжелой кувалды.

— Майн готт!

Ужас сковал Майера окончательно, и он даже не пытался открыть огонь из МР, прекрасно понимая, что обычное армейское оружие здесь бессильно.

Хотя безумцы находились, и длинные пулеметные очереди из МГ сходились на хищнике. Но это освещение только привлекало этого убийцу, и по пульсирующим вспышкам в темноте с эсминца тут же обрушивался смертельный град, заглушавший дикие крики погибающих немцев. Это было самым ужасающим ответом — грохот орудий и шум моря.

— Не стрелять, парни!

Свирепый выкрик старого морьяка пригвоздил эсэсовцев на месте. Выучка у шутце была хорошей, и парни приготовили к стрельбе два пулемета — погибать без боя, пусть чисто символического, они не желали категорически. Но старик тут сказал всего пять слов, которые и вдохнули в них надежду на благополучный исход:

— Замрите, зольдатен! Нас укроет темнота!

— А ведь дело может и выгореть!

Андрей задумчиво посмотрел на карту. Высадка производилась на широком участке южного побережья.

На западном и восточном участках наносились главные удары, хотя приоритетным было именно второе направление, зато десантные отряды, что шли на самом широком центральном участке Ла-Манша, отдавались на заклятие англичанам.

Такая жертва не была напрасной — Манштейн, как опытный шахматист, выбрал гамбит, когда подставляемая под удар пешка или фигура давала выигрыш темпа.

Именно на этом, как понял Родионов, и строился план операции, дерзкой до безумия. Но тем не менее очень расчетливой, как все, что планировал Манштейн. Вот только его фокусы с русскими не прошли, хотя поначалу и он попил немало крови.

Англичане — совсем другое дело. Потенциал их армии, капитально обескровленной Дюнкерком, оставался на чрезвычайно низком уровне.

Хотя, надо отдать должное островитянам, восполнить потери в технике и людях они смогли. Это удалось им сделать путем наращивания производства и дополнительной мобилизацией, только без опытных солдат и офицеров, погибших или попавших в плен во Франции.

Однако наспех сформированные британские дивизии и рядом не стояли с германскими, успешно прошедшими две победные кампании.

Да и выбор у англичан был невелик — десантная операция, проводимая на широком участке, заставляет обороняющегося противника, ограниченного в силах, невольно растягивать резервы.

Их маневр становится делом крайне затруднительным, так как все захваченные плацдармы выглядят опасными. Поди, определи направление главного удара, чтобы сосредоточить там танковые части и скинуть неприятеля в море.

Да еще пусть пока не подавляющее, но уже определившееся господство германских ВВС в воздухе делало контрманевры британцев чрезвычайно затратными мероприятиями, ибо пикировщики Ю-87 еще с Французской кампании навели определенный шор.

Единственную, но по-настоящему страшную угрозу представлял собой английский флот из двух десятков линкоров и тяжелых крейсеров, что базировался на военно-морские базы и порты метрополии, включая Шотландию и Оркнейские острова.

Плюс несколько десятков крейсеров самых разных типов и полсотни эсминцев, паратройка авианосцев и три дюжины подводных лодок.

Ну а в качестве дополнительного бонуса британцы имели огромное число мелких боевых кораблей — сторожевики, шлюпы, торпедные катера и прочие канонерки, включая пару огромных мониторов с мощной 15-дюймовой артиллерией.

Сравнивать было нечего, даже пытаться не стоило. Как говорится, не по Сеньке шапка!

Адмирал Редер мог противопоставить едва ли треть равнозначных первоклассных кораблей — два линкора «Шарнхорст» и «Гнейзенау», прилично бронированных, но вооруженных 11-дюймовыми орудиями, супротив 14–15 дюймов у англичан, и даже 16-дюймовыми, что имелись на «Нельсоне» и «Роднее».

К этой «сладкой парочке» линкоров прилагались две единицы тяжелых крейсеров и «карманных линкоров» — последние при крейсерском водоизмещении имели полдюжины пушек в солидных 11 дюймов против 8 203 мм на «вашингтонских» крейсерах.

Новейший линкор «Бисмарк» лихорадочно доводился до кондиции, но раньше марта надеяться на его полную готовность не приходилось.

Французские линкоры были безжалостно расстреляны или захвачены британцами, а

союзные итальянцы заперты в Средиземном море.

Правда, во флот вторжения Редер включил два ветхих броненосца, что помнили еще Ютландский бой. Таких и потерять не жалко, вот только помощи от «Шлезииена» и «Шлезвиг-Гольштейна» ожидать не приходилось.

Так что происходи это дело еще лет десять назад, то надеяться на успешную высадку не приходилось. Стала бы чистейшей воды авантюра с массовым самоубийством!

Но те времена стремительно изменились с испанской войны 1936–1939 годов. Люфтваффе там встали «на крыло» и превратились в страшную угрозу даже для такого серьезного противника, как «Гранд Флит».

Теперь атака с воздуха трех сотен пикировщиков могла превратить линкоры в груды металла и отправить их на дно Канала намного быстрее, чем те среди белого дня смогли бы напасть на десант.

К тому же две сотни торпедоносцев были спешно подготовлены за эти три суматошных месяца, тут необходимо отдать должное неожиданно проявленной Герингом чрезвычайной энергии. Организатор из него превосходный, если, конечно, наци номер два выходил из своего «нарциссового» состояния и преодолевал привычную лень.

Гастингс

Ночной бой всегда представляет собою изрядную суматоху, на любых учениях, даже самых сложных, порядка намного больше — эту нехитрую аксиому Макс Шмеллинг усвоил с первых же минут десантирования во вражеский тыл. И сейчас он был занят нехитрым солдатским делом, стараясь выполнить две задачи, хоть и близкие в некоторых аспектах, но расходящиеся порою в диаметральных направлениях.

Первая — проста и незатейлива — выжить в бою жаждет почти каждый солдат, за исключением напроць отмороженных безумцев, но вторая шла исключительно от долга перед фатерландом — выполнить поставленный приказ.

Только штатские люди наивно предполагают, что имеют дело с принципиально разными целями, но здесь, говоря философским языком Канта и Гегеля, есть единство и борьба противоположностей. Ибо ни один командир, ставя перед подчиненным приказ, не желает, чтобы тот погиб при его выполнении. Кто из офицеров захочет понапрасну терять толковых и надежных подчиненных?

И опять же за исключением тех случаев, когда от таких солдат, или вносящих смуту в умы, или откровенных паникеров и раздолбаев, необходимо срочно избавляться, иначе для всех туго будет.

Шмеллинг в категорию последних никак не попадал, наоборот, стал чем-то вроде ординарца у ротного. Но первый бой есть первый, тем паче ночной, когда и ветеран может впасть в определенное расстройство. А тут на аэродроме шло самое настоящее столпотворение, похожее на пожар в доме умалишенных. То еще представление, если честно сказать!

Весело горели три «спитфайра», разгоняя темноту ночи. И подсветка имелаась — зеленые, красные и желтые трассера гудели непрекращающимся роем голодных шершней.

Дикие крики на немецком и английском языках не только вносили определенный порядок в имеющийся кавардак, но и добавляли суматохи.

Макс лихим кенгурячьим прыжком выскочил из-за стены спрятанного за маскировочной сеткой ангара и лоб в лоб столкнулся с двумя англичанами, которые прижимались к стене.

Столкновение для противников явилось неожиданным, но островитяне первыми набросились на нарушителя статус-кво.

Невысокий солдат весьма почтенных лет, с ухоженной бородкой почтенного отца

семейства, с ходу попытался воткнуть в живот бывшего боксера длинный кинжальный штык.

Макс, не имея возможности выстрелить, машинально отбил его автоматом. Железо звякнуло о сталь, и острое отскочило в сторону. Нужно было отскочить в сторону и срезать неприятелей очередью, но сработали прежние, вбитые годами упорных тренировок рефлексy.

Шмеллинг откинул мешавшее оружие, подвинул вперед ногу и тут же молниеносно нанес хук — солдата снесло с ног как кеглю.

Боксер шагнул ко второму британцу, но тот, высокий крепкий мужчина, с офицерским стеком в руках и каске, похожей на перевернуто суповую миску, но только очень большого размера, повел себя крайне странно.

Вместо того чтобы выхватить пистолет из расстегнутой кобуры, англичанин издал горловой стон непонятно какого назначения и, к великому изумлению Макса, встал в типичную «сгрудку», одну из основных позиций. Да еще лихо выбросил вперед руку, как бы предлагая честную схватку.

— Так вы тоже боксер?! — удивленно прошипел экс-чемпион мира и получил в ответ радостное: «Йес, сэр!»

Бой так бой — Макса приглашать было не нужно, и немец бульдозером рванулcя вперед.

Оппонент тут же встретил его прямым в челюсть, но немец подставил плечо, отводя удар в сторону. Хороший такой удар, сильный и резкий. Но поставленный отнюдь не на профессионала, а для любителя, пусть и хорошего. Но это, как говорят на ринге, две большие разницы.

— Годдем...

Англичанин всхлипнул, выдавив из себя ругательство. И рухнул как подкошенный, пропустив плюху прямоком в солнечное сплетение.

Можно было открывать счет, но Шмеллинг не успел толком опомниться от столь короткого поединка, пригвожденный негромкими словами вынырнувшего откуда-то из-за спины лейтенанта:

— Bravo! Видно чемпиона. Но запомните, солдат, здесь не ринг, и соблюдать правила джентльменов не будут. Для нас, немцев, война есть работа — тяжкая и неблагодарная порою. Но ее нужно делать старательно и эффективно, вкладывая все умение и трудолюбие. А для них...

Офицер с улыбкой взглянул на лежащих на земле англичан, что уже со стопами и оханьем начали шевелиться. Его лицо исказила гримаса, в которой восхищение наполовину было перемешано с презрением. Но тон лейтенанта продолжал оставаться холодным и деловитым:

— Они зачастую рассматривают войну как спорт, неким увлекательным занятием. А потому потерпят поражение. Так что благодарю за взятие «языка», Шмеллинг, так что можете связать их. Но на будущее запомните — в плен мы берем лишь по крайней необходимости, так что действуйте оружием, а не голыми руками. Оно для того вам рейхом и дано!

Глава третья

«ДЕСАНТ УХОДИТ В ПРОРЫВ»

«Фельзеннест»

— Мой фюрер! Да, английский флот имеет неоспоримое превосходство над нами. — Фрегаттен-капитан фон Путткамер, адъютант от кригсмарине, был на удивление спокоен, хотя всю ночь, Родионов мог побиться с кем угодно об любой заклад, провел как на иголках, принимая стекавшиеся отовсюду в Ставку сообщения.

— Но в Адмирал-штабе уверены в том, что наши минные заграждения помешают британцам ввести в Канал свои крейсера. Им потребуется время для траления, тем более предстоит находиться в плотной завесе наших подводных лодок. Это не столь легкое мероприятие, если вспомнить про потерю ими в Скапа-Флоу «Ройял Оука»...

Родионов задумался — дерзкая атака Прина английского линкора прямо в базе до сих пор обыгрывалась германской пропагандой, а из молодого офицера сделали героя рейха.

Но пример не из той оперы — атака из-под воды стоящего на якоре корабля, и торпедный залп по идущему полным ходом линкору — это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

— Британцы вряд ли будут считаться с потерями. — Андрей задумчиво почесал переносицу. — Ведь речь идет о судьбе метрополии, сердца их огромной колониальной империи. Ведь стоит нам захватить этот проклятый остров, как от них сразу же начнут отпадать колонии, но первым делом, я думаю, отшатнутся доминионы. Да и где будет заседать правительство Черчилля в таком случае?!

— В Канаде, мой фюрер, — улыбнулся моряк с такой нескрываемой иронией, будто произнес «у черта на куличках».

— Поближе к Рузвельту, дабы поскорее втянуть Штаты в войну. — Родионов пожал плечами, как бы говоря, что до сего требуется не только дожить, но вначале захватить Англию.

— Кейптаун, как и Дели, отпадает. О Сиднее или Окленде и говорить не приходится, Австралия с Новой Зеландией вообще на задворках мира. Да и Америка сразу же начнет прибирать британское наследие к собственным рукам, благо прецедент уже создан.

— Мой фюрер, вы имеете в виду передачу США английских баз в Вест-Индии взамен на полсотни американских эсминцев?

— Конечно. И тут дело не в кораблях для эскорта атлантических конвоев. Америка тем самым начинает «холодную войну» с нами, а превратить ее в настоящую — уже вопрос только времени... И их пропаганды для обработки населения. Погодите, спустя полгода из Германии сделают исчадие ада и будут пугать обывателей!

— Но зачем, мой фюрер?!

— А так легче устроить войну, провести мобилизацию и в конечном итоге, приравняв британское наследие к собственным рукам, установить свою гегемонию в мире. Но это вопросы большой политики, фрегаттен-капитан, и вряд ли вам следует задаваться такими вещами.

— Так точно, мой фюрер! — Моряк понял свою оплошность и вытянулся. Родионов улыбнулся и тихо сказал:

— Возвращайтесь на свое место и давайте мне незамедлительно всю поступающую информацию о десанте. Я тоже, как видите, пока не сплю и сижу как на иголках. Идите, мой дорогой, я жду вас с вестями. Надеюсь, что они будут хорошими.

— Так точно, мой фюрер! — Моряк скрылся за дверью, Андрей же в который раз склонился над картой, которую два раза в день заботливо обновляли офицеры по приказу Манштейна.

Однако ничего нового на ней не могло появиться, но так устроен русский человек, который

на дню может по десять раз заглянуть в холодильник, прекрасно зная, что ничего туда из продуктов не поставил. Но живя надеждой, что внезапно обнаружит там чего-нибудь вкусненькое и съест, к своему удовольствию. Менталитет у Иванов такой природой дан, если использовать научное объяснение.

— Мой фюрер, срочная радиограмма из Кале. — Дверь открылась, и в кабинет стремительно вошел Путткамер. Лицо моряка было несколько встревоженным, несмотря на нарочитое хладнокровие.

— Английские эсминцы атаковали наши силы на переходе. Имеются значительные потери...

— Прорвали хваленое заграждение и прошли завесу подводных лодок? — ощерился гневом Андрей.

— Нет, мой фюрер! — Моряк вытянулся. — Это эскадра пролива, из Портсмута. Они внутри заграждения...

— Я знаю, — оборвал моряка Андрей.

— А это значит, мой фюрер, что доклады люфтваффе о том, что пикировщикам удалось полностью уничтожить эти английские корабли, не соответствуют действительности!

«Да уж, назвал Геринга лжецом, если убрать дипломатический флер, и не поморщился. Молодец, режет правду-матку прямо в глаза!» — Сохраняя на лице гнев, в глубине души Родионов был доволен — немцы стали нести большие потери еще задолго до высадки.

А что будет потом?!

Па-де-Кале

Английские эсминцы продолжали окаянствовать в проливе, напоминая Майеру свирепых волков, забравшихся в овчарню.

Стрельба шла во все стороны, и чуть ли не каждый выпущенный снаряд находил себе цель, настолько море было плотно забито идущими к берегам Англии суденышками. И беззащитными — все эти буксиры, яхты, баржи, паромы, прогулочные пароходики и прочий с военной точки зрения хлам не могли постоять за себя ввиду полного отсутствия соответствующего вооружения. Не считать же за таковое обычные пехотные пулеметы, винтовки и автоматы, которыми пытались остановить грозных противников гибнущие солдаты. Все это было бесполезным, примерно таким же делом, как попытаться вязальной спицей остановить разъяренного быка.

Баркас, на котором находился гауптштурмфюрер с тремя десятками эсэсовцев, спас старый моряк, направивший его в темноту, подальше от лунного света. И офицеру с солдатами пришлось только скрежетать зубами от бессильной ярости, глядя на идущее перед их глазами избиение.

— Бух!

Длинный корпус английского корабля неожиданно подскочил на воде, словно подброшенный огромным столбом воды, что неожиданно вырос у его борта. И тут же со стороны донесся ужасающий шум дизеля, запущенного на максимальные обороты.

Баркас отшвырнуло в сторону, мимо него промчался на большой скорости приземистый, словно приплюснутый, кораблик, на носу которого пульсировала огнем скорострельная пушка.

— Кригсмарине! Ну, наконец-то, — с облегчением выдохнул Майер, узнав по звуку «эрликон» — автоматическую 20-миллиметровую пушку.

— Шнелльботы, — произнес моряк, вытянув руку, и эсэсовец глянул в сторону.

Несколько хищных торпедных катеров набросились на второй эсминец, как собаки на медведя. Тот закрутился, как уж под вилами, но, видно, поздно — одна из выпущенных торпед

все же поразила англичанина.

Страшный взрыв разорвал эсминец чуть ли не пополам, по крайней мере, когда упал столб воды, Майер разглядел две его части, нос и корму, стоящие друг против друга под небольшим углом.

— Ух, — с облегчением выдохнул гауптштурмфюрер — стрельба с английских эсминцев практически прекратилась. Вернее, на втором еще пульсировали огнем две пулеметные точки, а вот первый корабль уже отправился на дно — на поверхности плавали обломки и десятки черных шаров, в которых офицер признал спасающихся моряков экипажа.

— А, суки! Вот вам!

Длинная очередь МГ чуть качнула баркас — молоденький пулеметчик стрелял без пауз, выпустив длинную ленту на две сотни патронов. И тут же темнота моря взорвалась тысячью огоньков — стреляли со всех сторон, шальные пули свистели над головой, и капитан подумал, что от своего огня могут быть потери не меньше, чем от английских снарядов.

За какие-то секунды все спасшиеся англичане были безжалостно истреблены — солдаты мстили за пережитый страх, за своих погибших камараден.

И Майер, глядя на это, подумал, что, пожалуй, уцелело на море суденышек намного больше, чем успели потопить англичане, уж слишком много солдат стреляло, и с разных точек.

Наверное, там моряки и капитаны оказались столь же опытными, как у него, и предпочли укрыться в темноте. А это значило только одно — германская флотилия вторжения хотя и понесла серьезные потери, но не такие, чтобы побитыми собаками возвращаться обратно во французские порты.

— Не дрейф, зольдатен! — неожиданно громко выкрикнул старый морской волк, и все эсэсовцы повернулись на его голос. — Еще солнце не взойдет, как вы уже будете на английском берегу!

Гастингс

Выстрелы еще гремели на дальнем конце аэродрома, но уже спорадически — сопротивление англичан было полностью сломлено.

Островитяне не выдержали ожесточенного боя с тремя сотнями немецких солдат, приземлившись с отчаянной храбростью на планерах прямо на взлетно-посадочную полосу.

Десант понес чудовищные потери от пулеметного огня охраны и был бы полностью уничтожен, но рота парашютистов вовремя поспела на помощь и оказалась той соломинкой, что сломала хребет верблюду!

Шмеллинг вытирал лоб рукавом комбинезона — бывшего чемпиона мира порядком трясло, когда он припоминал все перипетии ночного выброса и суматошного боя.

— Мерзавцы, какие подлецы!

Парашютисты понесли большие потери — свыше тридцати десантников погибло, вдвое большее число получило травмы и ранения. Причем большая часть пострадавших пришлась на высадку в широком поле, которая превратилась для парашютистов в кошмарную ловушку.

— Нет, ну какие мерзавцы!

Только изощренное английское коварство, с которым джентльмены истребляли туземцев в своих многочисленных колониях, могло прибегнуть к столь лютой подлости — утыкать все поле заостренными кольями, поваленными деревьями с обтесанными сучками, арматурой, напоминающей средневековые копья, и прочими пакостями. Да еще все щедро и плотно обмотать колючей проволокой и спиралью Бруно — противодесантное сооружение оказалось дьявольски эффективным.

Германским планеристам просто невероятно повезло, что они пошли в безумно дерзкую

атаку, садясь прямо на взлетно-посадочную полосу. Иначе бы потери у них на этом поле для гольфа стали просто кошмарные, фанерные корпуса легких DFS-230 вместе с людьми были бы раздерганы в клочья.

Но и без посадки планеров выбывших из строя имелось с избытком — десятки парашютистов, наспех перевязанных товарищами, оглашали предутренние сумерки хриплыми стонами.

Несколько человек переломали кости — обычное и привычное дело при ночных выбросках, но большинство тех, кто приземлился прямо на середине поля и кому при этом жутко не повезло, имели чудовищные ранения, нанесенные этими мерзкими заготовками пытливого и подлого человеческого разума.

— Исчадья ада!

Шмеллинг только сейчас понял, как ему невероятно повезло, что он приземлился между деревьев. Иначе был бы нанизан всем своим крепким тренированным телом на острую острогу, как рыба в речке.

Жуткая смерть!

— Быстрее, парни!

Повинуясь выкрику лейтенанта, Макс до боли сцепил зубы и, преодолевая свинцовую усталость, поднялся на ноги.

Скоро предстоял бой — вряд ли англичане смирятся с потерей аэродрома, который открывал немцам воздушные ворота на проклятый остров, а потому нужно было спешно устраивать круговую оборону и убирать с взлетной полосы планеры, дабы с рассветом могли приземлиться надежные Ю-52.

И не только подвоз подкреплений являлся жизненно важным делом, не менее необходимо было вывезти десятки раненых и искалеченных солдат вместе с двумя взятыми Шмеллингом «языками». Ибо пленных озверевшие в доску от подлого коварства парашютисты брать не стали...

«Фельзеннест»

— Мой фюрер! — Тихий знакомый голос медленно вошел в разум, и Андрей чуть ли не застонал от разочарования. Ему снился сон из далекой той жизни, война в Афганистане, пыль, серпантин и этот фугас, что подбросил танк будто пушинку.

Та давняя война с первого дня пребывания в этом новом для него теле *отпустила*, а потому ее возвращение сюда стало для него неожиданным. И этот сон напугал, но голос полковника Шмундта вовремя вырвал его из зловещей пучины.

«Надо будет ему генерала дать. У мужика удивительное свойство приходить вовремя. — Андрей тряхнул головой, прогоняя остатки сна, и мысль тут же понеслась дальше: — Ведь Шмундт прикрыл своим телом моего бесноватого визави при покушении Штрауфенберга 20 июля 1944 года и погиб. Решено — как только Черчилль выкинет белый флаг в Лондоне, я ему чин накину, пусть с золотым шитьем в петлицах походит. Тем паче он у меня стал, хм, специалистом по генералам. Как Иосиф Виссарионович любил приговаривать?! Кадры решают все!»

— Да, Шмундт, я уже проснулся.

Андрей тяжело встал с дивана, на котором прикорнул, откинувшись на спинку. Бросил быстрый взгляд на часы и вздохнул — он спал чуть больше часа. Еще утро не наступило. И сразу спросил, понимая, что главный адъютант по пустякам будить не станет.

— Срочное сообщение от фельдмаршала Геринга. Полчаса назад принята радиограмма от командира 2-й парашютно-десантной бригады полковника Ойгена Мандля. Аэродром у

Гастингса захвачен в исправности. Командующий начал переброску на него посадочных батальонов 3-й бригады, что ждет в полной готовности в Булони. В благоприятном случае могут быть переброшены части егерей «Эдельвейса».

«Дело доброе. — Сон моментально схлынул, будто его и не бывало. — Еще бы — в первые же часы запросто захватить аэродром и раскрыть... Нет, какое там раскрыть, пинком вышибить „воздушные ворота“. Хотя с таким определением он погорячился, но „калиточка“ уже есть.

А сие весьма неплохо. Правда, с одной площадки проку немного, тех же горных егерей придется два дня перевозить, ибо слишком мало осталось транспортных „юнкерсов“.

Но тут главное добрый почин, а там и на других участках, глядишь, и дело тронется. Хотя надежды маловато, может, только на успех 1-й бригады у Фолкстоуна, ведь на западном направлении сброшены лишь отдельные батальоны...»

— Лед тронулся, господа присяжные заседатели...

— Что вы сказали, мой фюрер, прошу меня великодушно простить? Это на русском языке? Вы делаете поразительные успехи в изучении столь трудной речи!

— Не льстите мне, Шмундт, — Андрей пожал плечами. — Всего три месяца только. А это доказывает, что между германцами и славянами много общего. И главное, предки — легендарные готы!

— Да, мой фюрер! Вы правы!

Шмундт покладисто согласился, за это время, хоть и после коротких дискуссий и некоторого колебания, полковник воспринял новую точку зрения на национальный вопрос.

Более того, по собственной инициативе покопался в родословных германских генералов и, к своему великому удивлению, выяснил, что у доброй половины имеется в жилах славянская кровь, а десятая часть так вообще носит соответствующие фамилии, пусть и германизированные.

Да что там генералы вермахта — великий Гете имел своим дедом лужицкого серба. Это неожиданное открытие настолько потрясло главного адъютанта от ОКВ, что тот сразу и безоговорочно перешел на новые расовые позиции. Хорошо себя чувствовать наследником легендарной Гипербореи!

Впрочем, многие генералы и офицеры, увидев некоторый отход от расовой людоедской теории, в пику нацистам, охотно поддерживали новые веяния, хотя и идущие от главкома люфтваффе.

Рассудили вояки просто и незатейливо — хоть толстый Геринг и нацист, но все же свой брат военный, летчик-ас Великой войны и кавалер «Пур ле мерите», самой значимой в то время награды. Сейчас он вообще целый фельдмаршал и главнокомандующий грозных люфтваффе.

Вот тут даже Гиммлера проняло: обер-палач рейха всполошился, быстро прибежал с доносом и своими соображениями по этому поводу, вот только поезд со станции уже уехал...

— Да, Шмунд. — Родионов одернул себя за ненужные воспоминания и довольно нейтральным голосом спросил: — А что делает сейчас фон Белов? Почему не передал мне это сообщение от своего главкома? Ведь он заходил ко мне совсем недавно.

— Я его отправил спать, он очень устал. — Шмундт ответил очень быстро, и Родионов мысленно усмехнулся: «А ведь вы карьерист, батенька! Сами решили добрую весть передать и лавры за нее себе прибрать. А если бы была худая, то соответствующий адъютант бы пришел». Но сказал полковнику совсем другое:

— Спасибо за добрые известия. Идите отдыхать, это мой приказ.

Однако не успела закрыться за главным адъютантом крепкая дверь, как буквально тут же зашел фрегаттен-капитан фон Путткамер с весьма вытянутым и побледневшим лицом, цепко сжимая чуть дрожащими пальцами белый листок радиогаммы.

— Мой фюрер, у меня дурные новости...

Фолкстоун

Моторизованный батальон, в котором должна была действовать разведывательная рота гауптштурмфюрера Курта Майера, но с минимумом положенных по штату автотранспортных средств, которые в принципе и не нужны в первый день операции, высаживался во второй волне десанта.

Внешне офицер скрывал рвущуюся наружу радость. Уцелели в морском бою ночью, миновали снаряды и острый форштевень английского эсминца, да и тут откровенно повезло. Ведь мало приятного рваться первым на этот берег, что ошетинился огнем.

Куда бы Майер ни бросал свой взгляд, везде были видны следы короткого, но ожесточенного боя.

К берегу приткнулись два штурмовых бота, превращенные в груды искореженного металла. Рядом, на прибрежном песке, лежало несколько тел в форме морской пехоты кригсмарине, на которые время от времени накатывала волна.

Чуть в стороне, на крутом спуске, застыл закопченный корпус малого панцера. У Pz-I была продырявлена насквозь пулеметная башенка, над которой свесилось изрешеченное тело танкиста — ветерок трепал окровавленные белокурые волосы.

Англичане стреляли практически в упор, из-за каменной кладки, ограждавшей набережную. Их двухфунтовая противотанковая пушка лежала на боку, перевернутая взрывом, раздвинув так в стороны станины, будто она проститутка, ждущая клиента.

— Как вам оно!

Майер хмыкнул с нескрываемым удовлетворением — внезапное огневое воздействие германского броненосца, судя по всему, оказалось для островитян шокирующим.

Их оборона была просто сметена тяжелыми одиннадцатидюймовыми снарядами, несколько зданий оказались полностью разрушены, кое-где в курортном городке продолжались пожары, но уже вялые, дымки еле-еле тянулись к небу. И везде набросаны тела убитых островитян, их шутовские каски огромными тарелками лежали везде, словно дожидаясь поминальной тризны по своим владельцам.

— С такими кораблями мы запросто сметем англичан с поверхности моря!

— Жаль, что его с нами не было ночью...

— Он бы понавтыкал этим мерзким эсминцам!

— Не повезло нам, парни, что такого колосса не выделили на сопровождение! Эхма, не повезло!

Майер усмехнулся — на него стоящий на якоре вблизи от берега броненосец не произвел серьезного впечатления. Полностью устаревший корабль, переживший Ютландский бой и оставленный Германией по Версальскому миру.

Эти подлецы-союзники не пожелали даже оставить немцам их первые линкоры, предпочтя перестраховаться и оставить Германии этот броненосец, возраст которого сейчас был намного больше, чуть ли не вдвое, чем у любого солдата разведывательной роты, включая самого гауптштурмфюрера.

С моря донесся устрашающий рев чудовищного доисторического животного — длинные орудия «Шлезии» выплеснули длинные языки пламени, и через головы высаживавшихся в Фолкстоуне солдат полетели снаряды.

Корабль торопился расстрелять боезапас, а потому бил на максимальную дистанцию, производя дополнительную суматоху в тылу противника, ибо утро уже наступало, и моряки германского броненосца отнюдь не горели желанием столкнуться лоб в лоб с британскими

крейсерами, что неизбежно и неотвратимо ворвутся в Канал...

Лондон

— Нет, Джон Грир, это не более чем очередной обман со стороны «бошей»!

Уинстон Черчилль пыхнул сигарой, задумчиво смотря на начальника Имперского Генерального штаба Дилля. Тот улыбнулся самыми краешками губ, как могут делать только истинные джентльмены, окончившие знаменитый с Викторианских времен военный Челтенгам-колледж.

— Вы же командовали нашими войсками во Франции и прекрасно помните, как нас тогда обманули. Наступление началось в лоб, через Нидерланды и Бельгию, и когда наши дивизии двинулись им навстречу, то последовал обходящий бросок через Арденны к Седану, а потом к Булони.

— Это так, сэр, — генерал Дилль пожал плечами, — но почему вы решили, что неприятель снова выберет именно этот вариант? От Дувра и Фолкстоуна самая короткая дорога к Лондону.

Генерал говорил хладнокровно, хотя прекрасно знал, что Черчилль, со своими амбициями, не очень любит оппонентов. Но тут совершенно другое положение — враг высадился, и стоит допустить малейшую ошибку, и судьба кампании может обернуться самой чудовищной катастрофой, да такой, какую старая добрая Англия не знала со времен вторжения нормандского герцога Вильгельма, который получил за этот поход прозвище Завоеватель.

— «Боши» любят воевать, но по шаблону. И если одна хитрость им принесла успех, то они всячески стремятся ее повторить, генерал. Вспомните действия танков Гудериана при Дюнкерке. — Произнеся название французского порта, сэр Уинстон сморщился, словно съел целый лимон, но если бы не та катастрофа, то вряд ли бы он сейчас был премьер-министром. А так призывали пожарного, когда все здание запылало.

— Да-да, генерал. Вспомните их обходящий линию Мажино бросок танковых дивизий этого сукиного сына Гудериана, чтоб его в коровье дерьмо превратило. Все эти операции планировал генерал Манштейн, ваш коллега по должности. Почему бы ему не действовать еще раз таким же образом, раз такая тактика дает весьма осязаемый успех?!

Черчилль пыхнул сигарой и с улыбкой извечного превосходства политика над «сапогами» посмотрел на серьезно задумавшегося над картой начальника Генштаба.

Тот уставился остановившимся взором на разноцветные стрелы и кружки, будто первый раз увидел их в жизни, а не сам принес эту карту в кабинет главы правительства.

Вражеский десант следовало немедленно сбросить обратно в пролив в течение двух суток, максимум трех, никак не больше. Иначе немцы закрепятся на плацдарме, потом перебросят туда свои танки, и тогда противопоставить их опытным панцер-дивизиям будет нечего.

Колониальные войска и ополчение не могут заменить потерянную во Франции кадровую армию, им нужно еще не менее полугода подготовки. Нет, драться будут отчаянно, но только в обороне, ибо наступать они пока не обучены. Так что потери будут, и огромные, ведь враг опытен и вооружен до зубов.

Резервы же скудны, но в них две танковые бригады, единственный оставшийся у англичан козырь. И если преждевременно и неразумно бросить их на стол Марса, то результат может быть совсем другим, не тем, на который можно надеяться...

«Фельзеннест»

— Таким образом, мой фюрер, высадка в Англии идет строго по намеченному плану, а наши потери меньше расчетных. — Манштейн говорил уверенно, веским голосом, словно маститый профессор математики из университета забавляется на лекции, объясняя азы

предмета нерадивым студентам. — И не достигли и пяти процентов привлеченных плавсредств, что вполне допустимо. Даже при соблюдении данного коэффициента мы можем уверенно продолжать операцию, придерживаясь предварительного планирования, еще в течение семи или десяти дней, мой фюрер!

Андрей раскрыл рот и тут же захлопнул. Да, то, что они восприняли с фон Путткамером как огромные и непозволительные потери — сотня суденышек была потоплена и расстреляна английскими кораблями, не прозевавшими высадки, на подходе к берегу, начальник штаба ОКВ заранее вписал в расходную статью.

— Поставки же новейших паромов Зибеля и танко десантных барж идут согласно графику и позволят, за счет качественного улучшения, не только восполнить потери, но и добиться некоторого приращения тоннажа.

«Скворешня» захлопнулась еще раз — подобрав челюсть, Родионов полностью оправился от удивления и острой вспышки раздражения.

Действительно, операция «Зеелеве» и без того рискованная, так что нужно радоваться таким малым потерям, ведь в портах было собрано свыше двух тысяч единиц плавающих лоханок.

Причем всех, до которых руки только дотянулись, даже оставив бельгийских, немецких или французских горожан без привычных речных трамвайчиков на Рейне, Эльбе или Сене. А заодно прибрали и прогулочные катера. Также призвали, причем поголовно, и тех, кто мог управлять этой техникой, одев на них флотские бушлаты и форменки.

Тут надо отдать должное командованию кригсмарине — оно впервые отказалось от порочной практики экономии сил, благо пустить в расход предстояло тех, на кого адмиралы совсем не рассчитывали в дальнейшем.

Лишь бы добрались до берегов Туманного Альбиона и высадили солдат, а там как кому повезет с обратным возвращением. Уж если потопят, то и горевать не о чем — военно-морские силы рейха не слишком нуждались в таком «усилении».

Но главным стало то, что с назначением Шпеера ответственным за выпуск вооружений производство новых десантных паромов и барж было не просто налажено за столь короткий трехмесячный срок, а поставлено на поток, о чем раньше не помышляли. Вот что значит не просто не зашоренный ум, а совершенно иное видение проблем.

Бывший главный архитектор рейха додумался изготавливать «зибели» по секциям, бросив на их изготовление немалые промышленные мощности. А сборку производили прямо в портах Северной Франции и Бельгии, устанавливая прямо стахановские рекорды. Адмирал Редер даже начал осторожно жаловаться, что флот просто не успевает с подготовкой экипажей.

«Зибели» не стояли рядом с транспортами «Либерти», намного большими по водоизмещению, что таким же поточным методом строили янки в годы Второй мировой огромными тысячными сериями, затрачивая от закладки до введения в строй едва два месяца.

Впрочем, рекорд американцы установили в две недели, который немцам так и не удалось пока побить, хотя производство было непрерывным, а рабочие трудились в три смены. Но в двадцать дней уже укладывались, что не могло не радовать.

С начала августа паромы стали поступать по паре штук, а сейчас свыше десятка боевых «катамаранов» поднимало ежедневно военно-морской флаг. Конечно, лучше было бы перенести срок высадки на месяц, вот только погода сама диктует свои условия, и тянуть время не следовало, ибо оно работало на англичан.

— Хм...

До Андрея внезапно дошло — через месяц-другой «зибелями» и баржами, если сохранить прежние темпы, будут забиты все порты. Законы военной экономики для того и существуют,

ибо неумолимы, так война губит и списывает не просто много, а в невообразимых количествах. Впрочем, остановить производство никогда не поздно, а излишки затратить в Африканской операции, которая начнется через неделю-другую.

— Мой фюрер!

— Я вас слушаю, Манштейн. — Андрей опомнился и сосредоточился на докладе. Генерал водил указкой по карте и продолжал говорить:

— Парашютистам удалось захватить два аэродрома, и они сейчас упорно расширяют плацдармы у Гастингса и Фолкстоуна. Парашютисты могут соединиться в самые ближайшие часы.

— Десант уходит в прорыв. — Родионов неожиданно вспомнил слова подзабытой песни «Голубых беретов», и они сами пришли ему на язык.

— Вы что-то сказали, мой фюрер?

— Да нет, ничего, мой милый Манштейн. Просто прорыв не терпит перерыва, и фактор внезапности нужно использовать на всю катушку.

— Мой фюрер, позвольте мне продолжить доклад, — твердым и решительным голосом произнес генерал. — Я как раз хотел затронуть этот важный момент...

Гастингс

Шмеллинг быстро орудовал саперной лопаткой, проклиная в душе эту вероломную Англию, но и мысленно хваля ее коварство.

Те ловушки и заграждения, что понастроили для парашютистов и планеров, германские солдаты использовали сейчас для укрепления своих позиций.

Оборона есть неизбежная смерть для действующих в тылу десантников, но не сейчас, главное — удержать любой ценой захваченный аэродром и обеспечить бесперебойную работу воздушного моста.

Боксер резко ударил, перебивая заточенной кромкой лопатки корневища густого куста.

Десантники быстро оборудовали позиции, маскируя бруствера и укрытия. Пулеметы и минометы являлись основным аргументом в назревающей схватке с британцами, вот только боеприпасов было крайне мало, много и не сбросишь в десантных контейнерах. Выручила уничтоженная в коротком ночном бою охрана аэродрома — среди трофеев оказались пулеметы с достаточным количеством патронов. Так что нашлось чем встретить наступление британцев.

— Прах раздери! — пристально посмотрев на небо, тихо выругался Шмеллинг сквозь зубы. Утро уверенно брало свои права, туман уходил с лощин, истончая свою пелену. Сентябрьское солнце, словно не забыв о лете, начинало медленно прогревать воздух.

И неожиданно остро Макс захотел жить, выжить любой ценой, ибо в этот день он понял, насколько глупой и абсолютно ненужной бывает любая война. Да и многое другое, что окружает людей в жизни и является на первый взгляд ценным, на самом деле не стоит ни гроша в другой ситуации. Это даже не туман, что существует и накрывает всех своим покрывалом, а так, мираж...

МГ-34 хищно уставился своим стволом в дырчатом кожухе на дорогу. Лента на две сотни патронов была заправлена, пулеметчик припал плечом к прикладу и пристально смотрел в прицел.

Шмеллинг покусывал травинку, откинувшись к стволу старого клена, дабы не быть замеченным.

На английской ферме, ухоженной, как и все, что делают британцы для устройства собственного быта, каменные строения под красными крышами, было спокойно.

Хозяева не бежали подальше из своей тихой местности, ставшей в одночасье ареной

жестокого ночного боя, нет, они, к удивлению немцев, стойко оставались на месте, будто выполняли какой-то неведомый приказ.

— Стрелять по команде, — донесся тихий приказ, отданный по цепочке. И Макс напрягся, приоткрыв рот, вслушиваясь.

Гул нарастал, а прищуренные глаза немца вскоре разглядели длинную змею, что выползала из-за далекой рощи. Впереди неслось несколько бронев автомобилей, затем парочка легковушек и растянувшаяся колонна крытых тентами грузовиков, за некоторыми из которых подпрыгивали взятые прицепом пушки.

Шмеллинг тяжело вздохнул — англичане, как и говорил ротный командир, не стали упускать время и начали быстро стягивать резервы к месту десантирования.

Ликвидировать немецких парашютистов, отбить захваченный ими аэродром было для подходившей британской пехоты делом первостепенной важности.

Ибо без выполнения этой задачи невозможно провести следующую — сбросить обратно в море высадившихся с паромов и ботов в Гастингсе вражеских солдат первой волны сил вторжения!

Глава четвертая

«ВСЕ РЕШИТСЯ В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ»

«Фельзеннест»

— Первое сентября! День знаний, детишки в школу пошли.

Андрей стоял на лужайке перед штабным бараком, подставляя лицо теплему сентябрьскому ветерку. Сколько он себя помнил, в этот день всегда стояла прекрасная погода, солнышко щедро расходовало свою ласку, видно, понимало светило, что такой день должен быть вне критики типа дождя, слякоти, туч и ветра.

Фюрер Третьего рейха нарезал вокруг барака уже третий круг, хотя прекрасно знал, что все военное руководство рейха ждет его там как на иголках.

Но точность есть вежливость королей — на часах еще было без пяти минут десять, а потому утренний променад пришелся как раз кстати. И свежим воздухом подышать хорошо, намного лучше той табачной вони, что он знал в другой жизни...

— Английский флот войдет в Канал этой ночью, господа. Никак не позже! А потому я хочу знать, господин адмирал, все ли готово к его встрече?

Андрей внимательно посмотрел на крысиную физиономию Редера. Вот только если у всех генералов глаза были красные как у кроликов, с «мешками» от бессонницы, вызванной «Зеелеве», то главнокомандующий кригсмарине выглядел свежим как огурчик, хоть прямо сейчас на засолку отправляй.

«А сие есть подозрительно, неужели обязанностями этот новоявленный самотоп, задница в ракушках, манкирует? Сукин сын! Нет, пора его менять, и срочно. А то флот окончательно к нулевому знаменателю подведет — настаивает, подлец, не на тех кораблях, что нужны для войны со Штатами, а невесть на чем! Нет, такого кадра нам и даром не нужно. Вот подожду еще пару дней, пока он в Исландии обгадится, в отставку вышибу пинком». — Несмотря на столь жестокие мысли, взгляд фюрера, направленный на адмирала Редера, светился наигранной теплотой, вот только глаза рейхсканцлера отсвечивали из-под нее нехорошим блеском голодного вурдалака.

— Кригсмарине сделали все, что было возможно. Восточное заграждение установлено в три многорядных полосы мин с минными защитниками, а в западном поставлено только две полосы. Развернуто на позициях семнадцать подводных лодок, почти все имеющиеся в исправном состоянии.

— Почему использовано столь мало мин?

— Мы поставили все, что имели в арсеналах, мой фюрер. — Голос Редера дал «петуха», а глаза гневно сверкнули. — Осмелюсь напомнить вам, господин рейхсканцлер, что мы были не готовы к морской войне с Британией, ибо вы гарантировали, что она начнется не ранее сорок четвертого года. А развернуть производство необходимого вооружения в полной мере не удалось, так как значительная часть требуемых флоту ресурсов была направлена на производство танков и самолетов.

От столь откровенного «наезда» Андрей на секунду потерял дар речи и неожиданно ощутил, как его внутри начал распиравать закипающий гнев. Судя по всему, эмоциональная сущность его «визави» взбесилась от заявления адмирала намного больше.

— Ресурсы направлены лишь на те вооружения, что в данный момент могут применяться с наибольшей пользой и результатом, господин гросс-адмирал. — Геринг выступил вперед, приняв молчание фюрера на свой счет, как руководителя имперской экономики.

Но не только это двигало командующим люфтваффе — он давно хотел показать, что

главный руководитель кригсмарине фактически саботирует развертывание активных действий на море любым способом. И это на фоне впечатляющих действий авиации, достигшей великолепных результатов!

— Производство танков до сих пор не удовлетворяет нашим потребностям. — Командующий панцерваффе не менее «толстого Германа» возмущен столь странным заявлением адмирала и произвольно сделал шаг вперед, встав рядом с Герингом. — А строительство всего лишь одного тяжелого крейсера по стоимости равно чуть ли не тысяче танков, а топливом, сожженным в одном походе, мы можем заправлять всю бронетехнику добрых полгода. Я не говорю уже про линкоры...

— Второе можно увеличить число полетов во всех военных училищах для курсантов. Пилоты тогда принесут гораздо больше пользы. — Геринг выпятил свой живот рядом с сухощавым «отцом панцерваффе».

Самолеты и танки — кто сможет устоять перед таким совместным напором главных сил блицкрига?!

Редер открыл рот — тщедушный адмирал явно собирался вступить в открытую схватку со сплоченной генеральской фалангой. Да уж — задора флотским товарищам всегда хватало, но не устраивать же склоку прямо в штабе, да еще когда обсуждаются столь серьезные вопросы?!

— Господа, мы говорим сейчас не об удовлетворении экономикой военных потребностей. Прошу тишины! — Андрей решительно пресек начавшую разгораться свару. И даже поднял руку, будто собравшись ею ударить по столу.

Успел вовремя — часть старого генералитета, недовольного быстрым карьерным взлетом Гудериана, а главное, его определенной от них независимостью, явно собирались не просто прилюдно охаять «быстроходного Хайнца», но и по возможности вывернуть ему «траки».

В бараке тут же установилась тишина — желающих возражать Верховному главнокомандующему не нашлось. Вот что значит железная дисциплина и субординация, вбиваемая юнкерам в военных училищах на уровне подкормки, безусловным рефлексом!

А Родионов задумчиво посмотрел на Редера, явно выделявшегося своим видом и настроением среди присутствующих. Начавшаяся операция пока шла успешно, что не могло не радовать генералов вермахта и люфтваффе. А вот командующий кригсмарине не просто скептически выглядел, но и, судя по глазам и словам, настроен был соответствующе.

«С чего бы это?! Какой же камень прячет за спиной старая сволочь?! И зачем?!»

Лондон

— Судя по всему, высадка десанта в районе Дувра — Гастингса имеет своей целью отвлечь наше внимание от направления главного удара!

Черчилль пыхнул сигарой, выпустив большой клуб дыма, и с победной усмешкой посмотрел на начальника Имперского Генштаба.

— Вы в этом уверены, сэр? — Генерал Дилль сейчас добровольно выступал в роли «адвоката дьявола». — Самый короткий путь в Лондон идет именно через Дувр. Да и переход через Канал в самом узком месте занимает лишь несколько часов...

— Манштейн великолепно понимает, что именно здесь мы сосредоточим все наши усилия и выдвинем резервы. Немцы, как показали бои во Франции, сторонники маневренной войны и не горят желанием растрачивать своих солдат в «мясорубках» лобовых атак. А ведь это неизбежно произойдет, если они удержат захваченный плацдарм и перебросят на него достаточно сил для развития успеха. Ведь так, генерал?!

— Я думаю, сэр, что в такой ситуации бои могут принять затяжной характер...

— Не только, Джон Грир. Группа армий «В» Бока намного слабее армий фон Рундштедта.

Девять дивизий, из них одна танковая, против тринадцати, среди которых целая танковая группа. — Черчилль говорил уверенно, ибо опирался на информацию разведки, которая действовала весьма эффективно и, задействовав негласную помощь некоторых офицеров французского Генштаба, смогла установить численность и дислокацию группировок противника на той стороне Ла-Манша. — И главное — их быстроходные паромы доставили танки в Дорчестер. Город уже занят. И, судя по информации, ударной группой подвижных дивизий руководит генерал Гот.

Дилль помрачнел — этот немец командовал танковой группой во время боев во Франции, действуя чрезвычайно решительно и целеустремленно.

Если врагу удастся доставить достаточное число бронетехники, то они проломают территориальные дивизии, плохо обеспеченные противотанковыми пушками, и тогда переброска резервов окажется бесполезным и бессмысленным занятием — их будут просто сметать, как тряпкой убирают хлебные крошки со стола. Нужно немедленно бросать в бой танки, не дать «бошам» закрепиться на плацдармах.

— Если мы упустим время, генерал, то германские дивизии создадут такую оборону, что мы прольем потоки крови наших доблестных солдат и не достигнем результата. Флот вступит в игру лишь следующей ночью, мы и так потеряли почти все крейсера и эсминцы в Портсмуте и Саутгемптоне от ударов их «штук».

— Я понял, сэр, не нужно меня убеждать. Но немцы захватили два плацдарма, а у нас всего одна танковая дивизия. А потому, так как она под рукою, я отдам приказ немедленно атаковать десанты под Фолкстоуном и Гастингсом и скинуть противника в Канал.

— Вы уверены, что поступаете правильно, генерал? Атаковать именно там?! А если этого немцы и добиваются?

Черчилль наклонился, глаза презрительно сверкнули. Он неоднократно, еще со времен Великой войны, вмешивался в ход военных кампаний и на море, и на суше.

И хотя результаты порой достигались совсем не те, на которые рассчитывал потомок герцога Мальборо, переубедить сэра Уини в этом никто не мог. Тот был всегда уверен в своем видении мира и собственной правоте и в ломаную гинею не ставил военные дарования большинства генералов и доброй половину адмиралов.

Потому этот маститый политик и циник часто любил приговаривать, что война есть настолько дорогостоящее дело, чтобы доверять ее вести одним только военным.

Па-де-Кале

Мотор взревел и тут же с надсадным стоном оборвался. «Хейнкель» моментально клюнул носом, и Готфрид Леске понял, что тянуть дальше просто нет смысла.

До спасительного берега на той стороне Ла-Манша он не доведет почти потерявшую управление многотонную машину, хотя левый двигатель, изрешеченный пулями, залитый маслом, пусть и коптил, но все еще продолжал работать.

Добрая и надежная техника, которую могут делать только немецкие рабочие, — за этот полет лейтенант уже несколько раз воздавал этому мысленную хвалу.

Но теперь все кончено, потому что нет не только надежды, но и сил и терпения преодолеть боль в обожженных руках, которыми он хлопал по комбинезону, стараясь потушить тлеющую ткань.

Он не долетит до спасительного берега потому, что поджарится в этом пекле! Пилот задышался в угарном чаде, проклиная «спитфайры», что подожгли самолет над Дувром, на обратном пути. Вот она плата стрелкам за секундную расслабленность — отбомбились по выдвигающейся к плацдарму английской пехоте и подумали, что дело в шляпе.

Командира убило первой же очередью, затем прошлись трассерами по моторам и топливным бакам — истребители озверели, единым ударом разломали слитный строй эскадрильи и согласованно принялись добивать потерявших скорость подранков, среди которых оказался и бомбардировщик, пилотируемый Леске.

Настырный и умелый народ эти англичане, а война в воздухе для этих джентльменов символизируется с охотой, на которой они приобрели передаваемый из поколения в поколение опыт, прах бы их задери, вместе с островом, чтоб ему в океан провалиться!

— Парни, кости за борт! Иначе зажаримся!

Леске, задыхаясь в дыму, криком отдал команду покинуть самолет на парашютах, хотя пилот не знал, кто, кроме него, уцелел в этом горящем аду.

Теперь следовало позаботиться о собственном спасении, и лейтенант первым делом провел рукою по надетому надувному жилету.

Хорошую вещь придумали немецкие специалисты — легок, это не пробковый, как у моряков. И не нужно надувать, при попадании в воду химический патрон сработает, и за десять секунд жилет надуется воздухом. И плавает как поплавок, не даст лицу уйти в воду и захлебнуться, если потеряешь сознание.

Леске, зажмурив глаза от едкого дыма, что пролез в пилотские очки, бросил штурвал и скользнул вниз. Нащупав рычаг, повернул его по инструкции — люк в полу отвалился, открывая пилоту путь к спасению. Сквозь струю черного дыма он разглядел синее покрывало Ла-Манша и рванул вперёд головой.

Содержимое желудка тут же заполнило рот и едкой струей забило ноздри. Леске отчаянно захрипел, тело стало невесомым и полетело вниз камнем. Захлебываясь в собственной блевотине, чувствуя, что теряет сознание, пилот последним усилием все же раскрыл парашют.

«Фельзеннест»

«А ведь эта старая морская калоша абсолютно не верит в успешный исход операции», — неожиданно понял Андрей, и на душе опять забурило.

Он едва задавил жгучее желание схватить старика в черном флотском мундире за горло и задавить как куренка, свернув тощую шейку. Или завалить его на пол и запинать ботинками, так, чтобы кровяца во все стороны брызгами летела.

Родионов кое-как, в три приема, смог перебороть вспыхнувшую ярость, понимая, что та идет от настоящего Гитлера, что в очередной раз попытался выскочить из-под его воли.

«Редер боится на случай провала „Морского льва“, и серьезно». — Андрей хмыкнул, но мысленно, продолжал сохранять спокойствие.

Андрей понимал адмирала, что не верил в успех, так как в мозгу всех адмиралов, неважно, французы ли они, или немцы, либо испанцы, было вбито одно — бороться с британцами на море бесполезно, ибо эта рыжеволосая нация, владычица морей, победит, так как побеждала всегда.

И все высадки на этот остров прекращались еще на подходе к нему. Здесь нашла свой конец «Непобедимая армада», посланная испанцами, так напрасно торчал в своем лагере в Булони император Наполеон Бонапарт, дожидаясь огромного испано-французского флота, что был наголову разгромлен Нельсоном под Трафальгаром.

Этого можно было ожидать и сейчас — спасая свою империю, английский флот пойдет до конца и взирать на потери в этой решающей битве не будет.

— Вы, господин адмирал, не рассчитываете на успех «Зеелеве». — Сглотнув, Андрей тихо заговорил чуть дрожащим голосом, вперив в моряка горящий взгляд. — Вы, наверное, думаете так: да, нам удастся сегодня перебросить на остров пять дивизий, как и планировалось, но с

минимумом боеприпасов и бронетехники. А вот ночью или с утра, что скорее, флот ворвется в Ла-Манш с двух сторон. Но, скорее всего, не в темноте, в которой можно запросто застрять на минах, а британские адмиралы не самоубийцы, а при свете дня, пустив впереди линкоров тральщики или те корабли, которые потерять не страшно. И разметать по проливу ту пузатую мелочь, на которой дерзнули повторить подвиг герцога Вильгельма. Вы ведь так считаете, господин главнокомандующий кригсмарине?

— Не совсем так, мой фюрер! Но такой вариант развития событий может иметь место. — Адмирал говорил спокойно, но в его глазах промелькнула молния, которую Родионов успел заметить.

— То есть вы уверены в том, что «Гранд Флит» все же прорвет наши минные заграждения и минует завесы подводных лодок и станет хозяином пролива, сорвав нам всю высадку. А наши дивизии, переправленные на ту сторону, будут обречены — транспортные Ю-52 не смогут ни снабдить их боеприпасами, ни вывезти солдат оттуда.

— Да, мой фюрер. — Редер горделиво вскинул подбородок. — Такой вариант может иметь место, ибо операция плохо подготовлена и рассчитана. Я понимаю, что начальник штаба ОКВ действовал в спешке, при нехватке времени, но неоднократно указывал генералу Манштейну на всю рискованность выработанного им плана!

«Ага, вот уже „горячую картофелину“ в другую сторону бросил, но, по сути, в мой огород камешек прилетел. Молоток! Все кругом в дерьме, а он один весь в белом, д'Артаньян, понимаете! Какая ложка дегтя, ведро помоев вылитое, Кассандра новоявленная!»

Андрей уже не злился, его начал разбирать нервный хохот.

— Хорошо, — неожиданно миролюбивым тоном сказал он, от чего Редер несколько ошалело посмотрел на фюрера, не ожидая такого поворота событий. — Я жду ваших предложений, господин гросс-адмирал. Раз все так плохо, как вы нас всех критикуете, так извольте предложить свой план действий в сложившейся ситуации.

— Я не говорил про данный момент, мой фюрер. — Редеру потребовалось несколько долгих секунд, чтобы прийти в себя от коварного удара. И он тут же попался. — Я говорил о том...

— У русских есть одна замечательная поговорка, адмирал. Она гласит, что человек задним умом крепок. То есть учится на ошибках или их оправдывает. А вину за последствия старается переложить на других. Но ведь еще ничего катастрофического не случилось, а вы уже пытаетесь накаркать беду! Или я ошибаюсь?! Как же вас понимать прикажете? Вы отрещиваетесь сейчас от плана, в разработке которого принимали участие самое непосредственное. Или вы не верите в успех?! Тогда почему вы не подали в отставку, а продолжали находиться на своем посту, господин гросс-адмирал?

Фолкстоун

Словно доисторический ящер, с гневным рыком на пологий пляж выползал танк, с торчащей, словно телеграфный столб, трубой. С лоснящейся брони Pz-III стекала вода, металлическая громада, взревев мотором, выползла на берег, оставляя на песке длинный след от гусениц.

— Теперь наши дела очень быстро пойдут. — Гауптштурмфюрер Майер не скрывал переполнявшей его радости. Еще бы — спросите любого солдата, как ему лучше воевать — при поддержке танков али нет?! Ругательный ответ при последнем варианте в адрес вопрошающего гарантирован и очень даже может сопровождаться определенным действием.

На берегу суетливо работали моряки и саперы — на самом мелководе они поставили на дно две баржи, борт о борт, и скрепили их помостом из тавровых балок, какие и танк легко

выдержит без малейшего напряжения.

Теперь топили третью баржу, нагружая ее камнями, которые в лихорадочном темпе брались из развалин дома, либо взорванного, либо угодившего под крупнокалиберный снаряд, посланный броненосцем.

— Сверху еще одну баржу на эту поставят и камнями загрузят, гауптштурмфюрер. Это чтоб волнением импровизированный причал не разметало. Шторма в проливе нередки!

Маститый ефрейтор с пулеметом на плече ранее работал в гамбургском порту и считался в роте самым подкованным в морском деле специалистом. Даже не блевал на переходе, словно не ощущая проклятой качки, а потому не подверженный приступам злоредной морской болезни.

— Это чтоб транспорты, размерами посолиднее этих лоханок, подгонять под разгрузку и технику направлять прямо на берег. А то на наших блохах даже мотоцикл взять затруднительно...

— Это верно, — согласился Майер, не имея возражений. На всяческие ухищрения пришлось идти, но через пролив и половины техники разведывательной роты перевезти не удалось. Только три бронеавтомобиля, легких двусосных «хорьхов» да малый полугусеничный бронетранспортер, что в войсках был невероятной редкостью. И грузовик с двумя легковыми автомобилями. Зато мотоциклы взяли все, загрузив с невероятным трудом на баркасы и там их хорошо закрепив.

Сейчас все «цундапы» были уже на берегу, хотя тащить их пришлось на руках, чуть ли не по шее в воде, подгоняя себя отборной руганью. Еще бы — эсэсманы часто падали, и их с головою накрывали мелкие волны, а нахлебаться соленой воды то еще удовольствие.

Танкисты уже копошились у своей машины — труба, через которую подавался воздух для двигателя, рухнула подпиленным столбом, следом за ней полетели на песок какие-то ленты, служившие уплотнителями. И не прошло и десяти минут, как танковый взвод в составе пяти боевых машин бодренько пополз вперед.

— Да, — задумчиво произнес Майер, — и под водой прошли, под «шнорхелем», что твои подводники, чуть ли не сотню метров. Тут уписаться можно, если не обгадиться. Будь хоть одна дырка, то лежали бы они сейчас на дне, как рыбки в аквариуме. Только те-то живые, а эти утопленниками!

Офицер тряхнул головою, отгоняя жуткое видение, и тут же вспомнил ночь и страшную гибель в волнах немецких солдат. Пришлось прикрыть глаза и посчитать до десяти, отгоняя кошмарное наваждение. Затем Майер бодрым и живым голосом закричал, отдавая приказ:

— Живо седлайте своих «коней», парни!

Он первым запрыгнул на жесткое сиденье. Нет, сто крат лучше на суше воевать, при солнышке. И командирский «цундап», взревев мотором, рванул впереди своих собратьев...

Па-де-Кале

Готфриду Леске неимоверно повезло — парашют открылся, а при ударе об воду пилот очнулся. И далее фортуна не оставила его без своей милости, ибо купол не накрыл его сверху, замок не подвел, и летчик, придя в сознание, машинально освободился от лямок подвесной системы. А главное, жилет, славное германское изделие, миновали пули и языки пламени, не нанеся повреждений и дырок, — исправно надулся, удержав летчика на поверхности моря.

Холодная вода обожгла тело, приведя лейтенанта в сознание. Пилот стянул летные очки и попытался оглядеться, выгребая руками. Тюленья из него не вышло, над поверхностью моря он не воспарил, аки прыгающий на льдину пингвин, зато нахлебался соленой воды до тошноты и опять принялся блевать до посинения, чувствуя, что задыхается, а перед глазами разливается темнота забвения...

— Герр лейтенант, как вы себя чувствуете?

Незнакомый голос привел пилота в сознание, и в первую секунду ему показалось, что все, что с ним произошло, был кошмарный сон, а на самом деле он задремал в кабине, при дальних перелетах это обычное дело, и тяжелый бомбардировщик попал в болтанку.

Наваждение тут же схлынуло — то, что Леске принял за полет в грозу, оказалось обычной качкой на беспокойном море, тарахтящий движок создавал шум, а комбинезон заменяла теплота неизвестно откуда взявшихся нескольких одеял, которыми его укутали заботливые спасители.

— Видно, сегодня за вас мать молилась, герр лейтенант. — Рядом с ним присел пожилой моряк в штормовом плаще, задорно задрал шкиперскую бородку с обширной проседью.

— Почему мать? — Готфрид еле пошевелил языком, но спаситель его расслышал и хмыкнул:

— Молоды вы еще для жены, лейтенант. И в забвении, пока мы вас на борт вылавливали, свою муттер все звали. Тут вас, таких бедолаг, полный баркас, все мам зовут. Лишь двое, уже в возрасте, жен своих вспоминают. Так что лежите, герр лейтенант, через пару часов в Кале должны прибыть. А там в госпиталь попадете, война для вас закончилась.

— А мой экипаж? Вы спасли...

— Нет, лейтенант, кроме вас, никого не подобрали, и парашютов на воде не видели. Не расстраивайтесь, их, может, на другие лоханки подняли. Много их тут... Снуют туда-сюда! В проливе сейчас, как в Берлине в час пик на улице, — не протолкнуться!

«Фельзеннест»

— Мой фюрер! Я не боюсь отставки и даже раз подавал вам рапорт, но вы его не удовлетворили...

— Я думаю, господин гросс-адмирал, я совершил ошибку!

Андрей, краем глаза смотрящий за реакцией генералитета, увидел, что лица собравшихся вытянулись от удивления.

Еще бы — отрешать от должности командующего кригсмарине, когда именно от действий флота зависит успех десантной операции.

Вот только Геринг победно улыбнулся, сверкнув глазами, — толстяк явно на что-то подобное и рассчитывал.

«А это, как ни крути, хреново. Умен, собака, кое-что просчитывает махом. Сейчас, когда идет десант, от Редера мало что зависит. За пролив отвечает командование группы ОКМ, а здесь стоит адмирал Шнивинд, который давно на своего главкома клыки точит. Есть и командующий действующим флотом Лютъенс, что сейчас в Исландии шорох навести может. Вот его-то я и назначу, подхватит бразды правления. — Андрей хищно улыбнулся и мысленно поправил себя: — Как только вернется... Если вернется... И победителем, никак не меньше!»

— Я готов немедленно уйти с занимаемого поста, господин рейхсканцлер!

Редер победно задрал подбородок. Гросс-адмирал, на взгляд Андрея, был стопроцентно уверен, что фюрер даст задний ход и спустит его выходку на тормозах.

Определенные основания у него имелись, ибо есть умная мысль, что коней на переправе не меняют. Тем паче на такой, ну очень большой, от двадцати до семидесяти миль.

— Хорошо, я принимаю вашу отставку!

Несмотря на дисциплинированность, впитанную с материнским молоком и окриком фельдфебеля на плацу, среди генералитета прошло еле заметное волнение, как рябь от сильного ветра на затхлом пруду. Но все молчали, ожидая новых слов фюрера, и они тут же последовали:

— Я не имею права держать на посту командующего одной из трех главных частей наших

вооруженных сил, человека, не верящего в успех самой важной военной операции за всю историю не только рейха, но и всей Европы. Это большая ответственность перед немецким народом, который прилагает все силы для победы, который отдает нам своих сыновей. Я не имею морального права, и, более того, мой долг как Верховного главнокомандующего велит мне принять эту отставку!

В бараке установилась полная тишина, прерываемая лишь сопением некоторых наиболее ошарашенных заявлением генералов.

Но были и другие звуки — удовлетворенно хрюкнул Геринг, победно выпятивший живот, да радостно шмыгнувший носом адмирал, бросавший все это время на собственного главкома плотоядные взгляды.

На физиономию Редера Родионов посмотрел с тщательно скрываемым торжеством — gross-адмирал пережил на нем всю гамму эмоций. Начиная от победного триумфа и кончая диким приступом унижения, какой испытывает всякий честолубец, когда его прилюдно тыкают носом в собственное дерьмо. Но, ожесточившись лицом, старый моряк шагнул вперед:

— Мой фюрер...

— Я благодарю вас за честную службу рейху и немецкому народу, господин gross-адмирал!

Андрей не дал возможности говорить отстраненному от должности главкому. Не хватало еще, чтобы тот сейчас попросил разрешения продолжать командовать кригсмарине до завершения операции. А потом увольнение триумфатора будет выглядеть весьма подлой акцией. Не поймут-с фюрера за такой шаг!

Да и нет большой надобности в необходимости оставить Редера на данном посту этот месяц. В проливах свое командование, с которым взаимодействует контр-адмирал Дениц, в чьем распоряжении находятся подводные лодки.

Все значимые боевые корабли идут сейчас под флагом Лютьенса, в портах и базах лишь ремонтируются подранки и всякая там мелочь, которую ввиду непригодности не перевели в Ла-Манш.

Достройку новых кораблей, включая линкор «Бисмарк», можно провести и без отческого взгляда Редера, и без него на верфях пригляд держат маститые адмиралы. Так что кригсмарине и без своего gross-адмирала обойдутся. А потому нечего тянуть кота за облезлый хвост!

— Вам будет выплачена субсидия в четверть миллиона марок, дано поместье. Желаю вам плодотворно провести время, которое вам потребуется для поправки здоровья, подорванного чуть ли не за полвека службы Германии. Я от души желаю вам всего хорошего, господин gross-адмирал!

«В отставке, — мысленно закончил Андрей и улыбнулся: — Как мило звучит такое слово. А главное — на старом запале провести высадку и нанести поражение Англии. И пока новый главком все на себя переключит, в Рейне много воды утечет!»

Гастингс

Шмеллинг изогнулся, пытаясь дотянуться до подсумка левой рукою. Его правая, которой он поразил на ринге немало противников сокрушительным нокаутом, не действовала, а лишь раздражала нарастающей болью.

Предплечье было перемотано в дикой спешке — англичане как раз пошли в третью атаку, а потому рукав просто отрезали, быстро обработав рану, — оказанию медицинской помощи на поле боя учили каждого солдата обязательно, чтоб не потерять напрасно обученных и опытных бойцов.

И как все в рейхе, делали это чрезвычайно добросовестно, под самым строгим контролем.

Это и выручало многих раненых, которым не давали истечь кровью до попадания на стол полевого хирурга. Да и перевязочные пакеты имелись у каждого солдата, в вощеной бумаге, дабы слякоть и дождь их не могли попортить.

По уму, бывший боксер уже должен был попасть в ПМП — полевой медицинский пункт. Вот только разве предскажешь в окружении, где безопаснее всего находиться?!

Захваченный аэродром немецкие парашютисты обороняли яростно, но не менее отважно их атаковали и британцы.

И та и другая сторона прекрасно понимала его значение, а потому взлетно-посадочная полоса сейчас простреливалась из пулеметов, ее лихорадочно обстреливали из орудий, стараясь перекопать воронками, дабы полностью сделать ее непригодной для посадки и взлета германских самолетов.

Хотя, за исключением полудюжины Ю-52, севших на рассвете и доставивших небольшое подкрепление из сотни солдат, более немецких самолетов не было.

Да и обратно смогли улететь только две старых «тетушки», забравшие раненых и пленных. Остальные так и остались — один транспортник разбился, другой сбили спикировавшие «спитфайры», и он, объятый пламенем, рухнул на глазах онемевших от ужаса парашютистов. Два других самолета сейчас догорали прямо на полосе, расстрелянные британцами.

— Опять они свои «жестянки с горохом» пустили, все им нейдет!

Рядом со Шмеллингом пристроился десантник с чешским противотанковым ружьем, коротким, как винтовка, и чуть тяжелее ее. И хоть калибр был обычным, на 7,92-мм патроны, но это ПТР великолепно прошивало тонкую броню британских бронеавтомобилей, которые получили от немецких солдат столь презрительное прозвище.

— Нам бы до вечера дотянуть, а там подмогу сбросят!

Ефрейтор ощерил зубы и стал примащивать свое ружье на позиции. Макс ему не отвечал — притянув подсумок, он вытащил несколько коробок с патронами и принялся набивать ими магазины, зажатые между колен.

— Пять броневигов, роты две солдат, не меньше, — все им нейдет, островитянам рыжим! Еще пару атак отобьем, и все. Патроны кончатся, гранат мало — вот тогда твой бокс и пригодится, Макс. Ты же завсегда правой в нокаут отправлял? Видел тебя на ринге, лихо ты там лупцевал...

Глава пятая

«ВЫБИВАЙТЕ БОЛЬШИЕ ЛОХАНКИ»

«Фельзеннест»

— Какими новостями меня обрадуете, мой милый Альберт? Надеюсь, что они будут хорошими.

Родионов с улыбкой посмотрел на вошедшего в кабинет Шпеера. Молодой главный архитектор рейха, впрочем, уже бывший, хотя с этой должности его никто пока не снимал, но она уже превратилась в фикцию — все работы по масштабному гражданскому строительству были либо полностью свернуты, либо получали нужные для этого материалы в самых мизерных количествах. В час по чайной ложке, как говорится.

— У меня ряд вопросов, мой фюрер!

Шпеер, повинувшись жесту, уселся в кресло, продолжая держать в руках толстую папку. Он всего три месяца находился на должности главного уполномоченного по выпуску новых вооружений и, к великому удивлению руководства вермахта, но не самого Андрея, который прекрасно знал по историческим работам об энергичности новоявленного рейхсминистра по вооружениям в той истории, уже достиг немалых результатов. Да таких, что душу не могли радовать.

Выпуск танков почти всех типов уже прекратился, только несколько штук Pz-IV покидало заводы ежедневно. Производство панцеров данного типа, ставших единственными в вермахте, увеличилось чуть ли не в три раза и при таком темпе могло вскоре достигнуть просто «умопомрачительной» цифры в тысячу штук в год. Вот только добрая четверть представляла собой бронированные шасси, на которых еще только предстояло смонтировать вооружение или оборудование, начиная от счетверенных зенитных «фирлингов» и кончая инженерным оборудованием типа штурмовых мостов или бульдозерных отвалов.

Правда, еще продолжался выпуск легких чешских танков Pz-38, но уже в октябре Шпеер гарантировал, что заводы в протекторате Богемия и Моравия (о скором провозглашении «независимости» он вряд ли догадывался) будут переведены на выпуск штурмового орудия на базе этого танка. Причем совершенно искренне уверял, что данная бронетехника чуть ли не самая замечательная и очень грозная «вундервафля» — так Андрей мысленно называл любое «вундерваффе», то есть «новое оружие».

Новый так новый — Родионов не возражал, прекрасно осознавая, что, пока будет развернуто в полной мере производство, излечены многочисленные при этом «детские болезни», немало воды утечет, в лучшем случае как раз до лета следующего года, 1941-го. Да и как-то смешно принимать в расчет легкое САУ в шестнадцать тонн, так как у среднего Т-34 вес чуть ли не вдвое больше.

А потому, что бы с ним ни случилось в скором времени, пусть даже самое худшее — вырвись ли настоящий фюрер на волю, погибни или тронься умом, с последующей заменой рейхсканцлера на Геринга, — войны с Советским Союзом не произойдет, даже пожелай наци № 2 ее развязать. Танков под рукой самый мизер, потребуется не менее года упорной работы, чтобы серьезно нарастить их производство.

С самолетами вышло совсем иначе — выпуск их стремительно нарастал, чуть ли не до трех десятков истребителей, пикировщиков и бомбардировщиков в день. Но тут англичане полностью «виноваты», если можно так сказать, — завоевать этот проклятый остров без полного превосходства в воздухе невозможно. А «томми» в месяц ухитрялись производить свыше четырех сотен своих «харрикейнов» и «спитфайров». Так что пришлось и рейху напрячь

крепенько экономику, чтобы к середине августа достичь по выпуску паритета, а сейчас начать уходить в отрыв.

Причем сам Андрей собирался приложить все усилия на дальнейшее наращивание не только производства нынешних типов боевых самолетов, но и выпуск более новых перспективных моделей и главным образом стратегических бомбардировщиков и реактивных истребителей.

Дело в том, что Родионов прекрасно знал потенциальные возможности экономики США, которые в годы Второй мировой войны изготовили чуть ли не столько же самолетов, сколько все другие главные воюющие державы, как СССР, Германия, Япония, Италия и Великобритания, вместе взятые. И по основным производственным показателям Штаты уверенно находились на первом месте в мире, пусть немного, но все же существенно опережая совокупную мощь Третьего рейха и единственного в мире «социалистического государства рабочих и крестьян».

Почему так произошло в годы Второй мировой войны, что американская экономика заняла доминирующее положение в мире?

Ларчик открывается просто. Пока СССР с Германией обескровливали себя в процессе взаимного самоистребления, выбрасывая на воздух миллионы тонн боеприпасов, лихорадочно производя десятки тысяч танков и многие миллионы единиц стрелкового оружия, за океаном, в полном спокойствии и под мирным небом, делали на конвейере самолеты, главным образом многомоторные «Летающие крепости» и истребители для их сопровождения, что разрушали с воздуха заводы Третьего рейха с безжалостной монотонностью печатного станка.

— Давайте, Альберт, «порадуйте» вы меня, — тоскливо произнес Андрей, глядя на строгое лицо Шпеера с печальными, но гневными глазами. С такими добрые новости вещать не станут, как же...

Фолкстоун

Порыв увяз в бешеных, иначе и не скажешь, атаках английской инфантерии. Даже на Канале под Дюнкерком было намного легче, не испытывал он тогда чувства полной обреченности. Да и не мог тогда — счет времени шел только на часы, до подхода танковой дивизии из-под Булони. А тут одна надежда — что море будет спокойно и не нагрянут страшные английские корабли. Теперь Майер прекрасно понимал, чем сильна «владычица морей» и что произойдет с десантом, если перережут спасительную пуповину длиной в двадцать миль.

— Нам еще сутки простоять, парни, — прохрипел гауптштурмфюрер, оглядывая землистые лица солдат, которые не спали вот уже двое суток. — А там танки перебросят, и устроим британцам сладкую жизнь. Сам «Шнелле-Хайнц» удостоит их своим визитом.

Он не уговаривал своих эсэсовцев, те прекрасно понимали, что нужно продержаться еще одни сутки. Самый критический день операции — либо британцы их скинут в море обратно, либо немцы укрепятся на плацдарме так, что проделать сие с ними будет чрезвычайно затруднительно. А там с каждым днем германские войска будут усиливаться за счет прибывающих подкреплений, а британцы ослабевать.

Островитяне упрямы, храбры, однако сейчас воюют намного хуже, чем под Дюнкерком. Ибо лучшая и опытная инфантерия осталась на фландрских дюнах, а ополченцы не могут компенсировать боевых навыков одной голимой отвагой. Маловато ее, чтобы две роты «лейбштандарта» разбить, да еще стрельба что с пулеметов, что с орудий у британцев скверная. Но сейчас против них бросили танки, и громяющие медлительные машины надвигались на немецкие позиции...

— Гауптштурмфюрер, ты как?!

Сильная рука тряхнула безвольное тело, и офицер пришел в себя, взыв от боли. Глаза запорошило, и тут же показалось, что рот забили песком, ибо он не смог выдавить из себя и слова.

Пулеметчик, тот славный ефрейтор, что плыл с ним на баркасе, весь в окровавленных бинтах, понял без слов и приложил к губам фляжку. Теплая вода потихоньку пробилла сухую пробку из земли и запекшейся крови, но тут же пошла обратно. Майер скрючился в приступе тошноты, его выворачивало, как худого котенка.

— Крепко тебя контузило, командир. — Ефрейтор поддержал его рукою. — Меня тогда, в Дюнкерке, так же приложило, только через неделю оклемался. Тоже выворачивало неслабо.

Майер разлепил глаза — первое, что увидел офицер, был коптящий корпус подбитой «Матильды». И он вспомнил все — на этот раз атаковали яростно и умело, не считаясь с потерями. И с танками шли в наступление опытные солдаты, ухватистые и упрямые, в знакомой форме. Шотландская гвардия, прах побери этих юбочников!

— Да отбили мы их, командир. Хоть с трудом, думал даже, что конец пришел, но кое-как отбили. Сотни три положили, никак не меньше. Три танка пожгли, еще двенадцать наши «8–8» расколошматили. А там «тройки» помогли, сам старина «Зепп» 2-й батальон на помощь привел, сейчас обороной командует.

Майеру, и так себя скверно чувствующему, стало еще более тоскливо на душе, прямо горько и отвратительно. Если столько англичан удалось побить, то потери в его роте не просто большие, а чудовищные, и не иначе. Пулеметчик словно понял, что переживает офицер, тихо сказал, начиная бинтовать тому голову:

— Там еще с десятков наших парней пораненных лежит. И это все, что осталось от роты. Но мы их сегодня остановили, гауптштурмфюрер, и долг перед рейхом исполнили до конца.

Рейкьявик

Вице-адмирал Гюнтер Лютьенс стоял на мостике флагманского линкора «Шарнхорст», закутавшись от соленых брызг бунтующего океана в прорезиненную штормовую накидку.

Мысли были невеселые, грозные, под стать волнующимся волнам. Он не хотел идти в море, повинувшись Редеру, что выработал план этой десантной операции, что даже не была авантюрой, а сродни безумию. Однако все вскоре кардинально изменилось, в том числе и отношение самого адмирала к этой высадке в Исландии.

«Гюнтер, Исландия есть большой непотопляемый авианосец, направленный на Европу. Не потому ли англичане захватили этот остров, наплевав на датчан и международное право? Не им о правах говорить, они их никогда не соблюдают. А потому, Гюнтер, мы должны отобрать остров — как только сапоги наших солдат встанут на землю метрополии. Иначе Исландию приберут к рукам американцы, и она станет вечной нам угрозой. Я могу, но не хочу приказывать, я просто прошу вас, адмирал. И верьте — у нас все получится!»

Слова фюрера, с которым он встретился в Берлине три недели тому назад, до сих пор звучали в голове. И сейчас на мостике адмирал снова слышал спокойный и уверенный голос.

Да, рейхсканцлер Адольф Гитлер слов на ветер не бросает — теперь в этом уверился не только весь немецкий народ, но даже самые упертые из генералов и адмиралов, пребывающих в самых стойких оппонентах «выскочки ефрейтора». Дерзок и расчетлив фюрер, и главное, ему благоволит фортуна. В этом Лютьенс уже убедился на собственном опыте, получив 29 мая приказ из Ставки выйти в море и перехватить эвакуируемые из Норвегии британские и французские войска. Гросс-адмирал был против ненужного, по его мнению, риска, но Гитлер настоял на своем.

И был полностью прав — в предрассветных сумерках 8 июня с флагманского

«Шарнхорста» разглядели силуэт трехтрубного корабля, чья средняя труба была шире крайних. Тяжелый крейсер британцев, «графство», попался в расставленный капкан и, отвернув от флагмана, угодил прямо на «Гнейзенау». Конечно, британец мог удрать, но ему не повезло, или, наоборот, невероятно потрафило немцам. Третьим, последним, залпом линкор поразил крейсер, и тот резко сбавил прыть.

Судьба «Девоншира» была предрешена — он затонул, расстрелянный линкорами с близкого расстояния. Хотя сопротивлялись британцы отчаянно, угодив тремя снарядами во флагмана. Но опять же — в башни ГК и броневой пояс, отлично выдержавшие попадания. Повезло!

Но фортуна продолжала благоволить к Лютьенсу — в 70 милях броненосец «Адмирал Шеер» в сопровождении крейсера «Кельн» буквально напоролся на английский авианосец «Глориес», шедший в сопровождении эсминцев. И первым залпом «адмирал» поразил двумя 11-дюймовыми снарядами ангар — авианосец бросился в бегство, а эсминцы прикрыли отход, удачно атаковав торпедами. Броненосец кое-как доковылял до базы, а англичане заплатили за свою отвагу собственной гибелью — только с «Ардента» крейсеру удалось выловить 17 матросов с офицером. И это были все спасшиеся из двух храбрых экипажей эсминцев, расстрелянных в упор.

Однако бегство не спасло поврежденный авианосец — капитан выбрал крайне неудачный курс, выведя свой корабль прямиком на два германских линкора. Поднять авиагруппу британцы не могли, а избиение шло всего четверть часа — «Глориес» превратился в гигантский костер. Однако из воды выловили более четырех сотен моряков, в дополнение к тем двумстам англичанам, что были спасены с крейсера.

Одно несколько портило настроение, но не слишком. На «Дортесшире» погибла в полном составе норвежская королевская семья — 330-килограммовый снаряд поразил командирский салон, в котором она находилась...

Лютьенс тряхнул головой, отгоняя нахлынувшие и несколько неуместные мысли. И неожиданно ощутил всем естеством — а ведь не авантюра этот поход, и фортуна снова улыбнется удачливому «ефрейтору». А значит, и ему самому от нее перепадет немного счастья!

«Фельзеннест»

— Мой фюрер, я не авиаконструктор, но инженер, а потому сам сделал кое-какие расчеты. — Шпеер пристально посмотрел на Андрея, и тому стало несколько неуютно от этого взгляда, в котором плескалось нечто непонятное. — Но вы приказали мне говорить правду, какой бы она ни была.

— Я внимательно слушаю вас, — только и смог сказать Родионов, лихорадочно напрягая извилины и пытаясь предугадать, что за «камень» сейчас будет вывален.

— Ваше настойчивое пожелание абсолютно невыполнимо!

— Да? — Андрей сморщил лоб: «Интересно, что же я такое невыполнимое пожелал, что сам не припомню».

— Изготовить тяжелый четырехмоторный бомбардировщик в двадцать с лишним тонн, способный донести три тысячи килограммов бомб на две тысячи миль и сбросить их в цель с отвесного пикирования, технически невозможно. Нет, конечно, войти в пикирование он войдет и даже поразит цель в случае совершенно невероятного стечения обстоятельств. Но ведь только потому, что выйти из пике не сможет, превратившись, по сути, в огромную неуправляемую бомбу с экипажем из восьми человек, обреченных на напрасную гибель.

Родионов молчал, роясь в памяти — когда же он отдал такое безумное приказание, если о нем ничего не помнил. Не иначе как «визави» брякнул, не подумавши. Да и не шутка это —

Шпеер смотрел чрезвычайно серьезно, без малейшей искорки иронии.

— Вы требуете выполнения абсолютно разных технических параметров. Четырехмоторный стратегический бомбардировщик с большой бомбовой нагрузкой — это одно, а пикирующий на поле боя легкий одномоторный самолет, для того чтобы поразить малоразмерную цель, такую, как танк или орудие, — совсем другое. И совместить не удастся ни при каком проектировании. Я беседовал со специалистами из института люфтваффе, и они в один голос сказали о том же. И статс-секретарь по авиации генерал-oberst Мильх считает, что отдел вооружений люфтваффе напрасно тратит время и деньги на изготовление подобных монстров, абсолютно никуда не пригодных.

Андрей молчал — крыть было нечем. Даже ему, с гуманитарным и незаконченным образованием, было ясно, что пожелание настоящего фюрера из разряда совершенно идиотских. Так что не зря генералы вермахта в своих мемуарах очень нелестно отзывались об «озарениях» Адольфа Гитлера.

— Кроме того, есть еще один недостаток, и серьезный, мой фюрер. Винтомоторная группа крайне ненадежная. Два двигателя, работающих на один винт, может, и оригинально по исполнению, но технически пагубно. Это четырехмоторный бомбардировщик может без ущерба выполнить задачу при остановке или повреждении одного двигателя, но не самолет с такой... непригодной установкой.

— Да уж, — не нашелся что сказать Андрей и вернул свое любимое слово, но на немецкий лад. Оказывается, в Германии пытались изготовить стратегический «бомбер», но волюнтаризм Гитлера накрыл эту затею большим медным тазом. И Геринг ничего не говорил — с чего бы это?

Родионов задумался, ища ответ на вопрос. И здесь Мильх — этот хитрец сильно недолюбливал своего начальника. И удар нанес по его ставленнику, известному асу минувшей мировой войны Удету, что у толстого Геринга отвечал за принятие новых самолетов на вооружение.

«Руками Шпеера захотел свалить конкурента, ну и шельма». — Андрей только покачал головою, а тот продолжал что-то объяснять, выкладывая на стол листы с текстом и чертежи. Но фюрер слушал его уже в пол-уха, размышляя о своем. Все равно в этой технике он ни ухом ни рылом, свинья в апельсинах и то лучше разбирается.

— Я настаиваю, мой фюрер, на незамедлительном снятии с производства двухмоторного истребителя «Мессершмитт». Все фронтовики, опрошенные мною, говорят о его неэффективности для сопровождения бомбардировщиков. В воздушном бою уступает всем английским истребителям, в том числе и устаревшему «Харрикейну». Можно использовать данный самолет только как скоростной бомбардировщик, но с этой задачей великолепно справляется наш новый «Юнкерс-88». Гораздо полезнее вместо одной этой машины выпускать два одномоторных истребителя «Мессершмитт».

— Я понял, Альберт. Поставьте вопрос на совете, урегулируйте с фельдмаршалом. Ограничивать вас не собираюсь. Нам нужна победа, а ее без отличной техники не достичь.

— Тяжелый бомбардировщик необходимо доработать и лишь тогда запускать в серию. Я считаю, что генерал Удет торопится с его принятием на вооружение, так же как и нового двухмоторного истребителя, который будет вообще малоэффективным.

— С первым самолетом согласен, а почему столь низкая оценка второго? Объясните, но только без своих технических штучек, Альберт.

— Тяжелый, до шести тонн весом. А потому не маневренный и не пригодный для воздушного боя. Может успешно бороться только против тяжелых бомбардировщиков, но их у англичан нет. Как у других наших возможных противников. Так зачем выпускать

дорогостоящую машину, мой фюрер, если для нее нет целей.

— Резонно.

— Лучше нарастить мощность мотора в полтора раза, доведя его до тысячи восьмисот лошадиных сил, — сейчас над таким, но с воздушным охлаждением, начали работать в «БМВ». Новый истребитель, который проектирует «Фокке-Вульф» с данным мотором, окажется намного эффективней.

— Вы правы, мой милый Шпеер, — протянул Андрей с удовлетворением — он читал в книгах, что этот пресловутый «фоккер» оказался очень «крепким орешком», попортившим немало крови пилотам антигитлеровской коалиции. А значит, против американцев будет в самый раз...

Кале

— Шпандель, «штукасы» должны быть готовы для удара, как только английские корабли минуют устье Темзы.

Генерал-оберст Кессельринг возбужденно потер руки. А ведь фюрер оказался прав, когда на его сомнения ответил русской пословицей. Еще бы — всего час назад командующий 2-м воздушным флотом не находил себе места, дожидаясь результата массовой атаки торпедоносцев. Сомнения грызли поедом, слишком несопоставимы казались ему силы.

Всего восемьдесят «Хейнкелей-111», половина из которых была вооружена новейшими авиационными торпедами, но едва натаскана учебными атаками на Балтике в июле-августе, против трех десятков кораблей «Гранд Флита», вышедших из Розайта, своей главной базы.

И что?!

По пути их атаковали подводные лодки — разведывательные самолеты доложили, что один из линкоров отправился назад, крейсер на буксире повели к ближайшему порту, а эсминец затонул. И это не могло радовать. Тем более что, к великому удивлению штабных операторов, английскую эскадру не прикрывали истребители.

Кессельринг приказал нанести по кораблям главный удар тремя группами «Хейнкелей-111» согласно отработанному на учениях плану. Первыми эскадру должны были атаковать бомбардировщики и попытаться отвлечь на себя все внимание средств ПВО. На успех в штабе никто не рассчитывал — вероятность попадания бомбы, сброшенной с горизонтального полета в маневрирующий корабль, была ничтожно малой, почти равной нулю. Но на это никто и не надеялся, хотя в душе многие рассчитывали на пресловутую «золотую пулю».

С небольшим запозданием, но почти одновременно, в боевом порядке «звезды», с разных курсов, чтобы в любом случае неотвратимо поразить торпедой корабль, заходили эскадрильи. Теперь предстояло проверить теоретические выкладки не в учебном, а реальном бою, против сильнейшего на море противника. И главное — атаковать все пилоты должны были только самые крупные корабли британцев, выполняя наказ фюрера: «Выбивайте только большие лоханки...»

— Майн герр!

Кессельринг чуть ли не вскочил с кресла, видя сияющую физиономию начальника штаба. Неужели успех?

— Самолеты сопровождения докладывают — линкор типа «R» перевернулся, получив три торпеды, так же как и тяжелый крейсер типа «Графства» — того поразили тоже три торпеды. И, судя по всему, две были выпущены по неподвижному кораблю подводной лодкой.

— Это великолепно, Шпандель. Такие лавры и поделить можно!

— Это еще не все, майн герр. Второй линкор отвернул к базе, в него тоже угодила торпеда. Сюда идут только крейсера с эсминцами и один линкор типа «Нельсон» с тремя башнями на

носу.

— Немедленно радируйте подполковнику Динорту мой приказ утопить этот линкор всеми силами. Он не должен войти в пролив! Вы представляете, Шпандель, что может наделать этот монстр?!

— Для наших барж и паромов, майн герр, хватит и эсминцев. Хотя линкор, конечно, более опасный противник.

— Вы сказали верно, Шпандель. Но не так все плохо — наш фюрер снова прав, когда недавно сказал нам русскую пословицу. Как там... не так страшен черт, как его малюют!

Гастингс

Макс Шмеллинг уже в сотый раз проклял тот день, когда он поддался честолубивому порыву и решил принять непосредственное участие в боевых действиях, дабы заработать вожделенный Железный крест. И сейчас, сидя около последнего ящика со снарядами, бывший чемпион впал в какое-то состояние полного отупения и равнодушия — война оказалась совсем не такой, какой он ее представлял.

Совсем иной! Страшной, аж жуть берет!

За эти дни Макс привык к виду крови и вывалившихся из распоротого осколком живота дымящихся кишок. И этот запах войны, щедро приправленный пороховой вонью и едкой гарью от сгоревшей взрывчатки, уже не вызывал рвоты, как и приторно сладкий, до блевотины, запах начавших разлагаться человеческих тел, щедро усеявших поле. Вроде то самое, на котором чуть ли не тысячу лет назад норманны устроили резню саксам.

— История повторяется?! Вонючее дерьмо!

Ругань немного облегчила душу, и Макс заскорюзлыми пальцами достал из пачки сигарету. Он никогда не курил, но тут поневоле закуришь, чтобы перебить витающий везде запах смерти и животного ужаса, раздирающего душу кровавыми когтями.

— Не журишь, чемпион, — фельдфебель Вилли Шнайдер пихнул боксера локтем в бок. — Крест ты уже за «языков» заработал, еще один тебе за эти бои положен.

— Ага, положен, — пробурчал Шмеллинг. — Вон вяз стоит, из него мне крест и состругают...

— Зачем так печально, солдат. Я с поляками на Бзуре сражался, так они намного яростнее англичан лезли, прямо дикие звери. Выстоим и тут, не забудут, помогут. Каждую ночь самолеты садятся.

Транспортные Ю-52 каждую ночь приземлялись на аэродром, забирая раненых и высаживая то по пятьсот, то по тысяче человек. Все в десантных комбинезонах, но без знаков парашютиста на груди — посадочные батальоны «новых» бригад. Но это было крайне мало, и защитники плацдарма таяли прямо на глазах. Лучше бы на побережье высадили, там, по крайней мере, морем можно раненых вывезти. А тут...

Шмеллинг за трое суток спал несколько часов, проваливаясь в темноту забвения. Днем воюешь до одурения, а ночью до посинения утрамбовываешь воронки да рытвины на взлетно-посадочной полосе, которую англичане обстреливали постоянно. Пища в глотку не лезет, на каждый куст блюешь. Вот так он и провел все это время, которое казалось ему вечностью.

— Макс, не вешай нос, — фельдфебель хмыкнул. — Ты заметил, что сегодня «томми» атаквали вяло? Это раз. И самолеты их впервые в небе не летали и по нам не стреляли! И не бомбили их «спаниели» вот уже сутки. Наши же здесь, вон крутятся «мессершмитты». Это два. А в третьих...

— В-третьих? — В Шмеллинге впервые проснулось любопытство, и теплота надежды согрела сердце.

— Где-то англичанам жару поддают. Хорошо поддают! Оттого задавить нас и отбить аэродром они уже не пытаются. Да и пушки стрелять стали намного меньше. Это отлично, Макс. У них нет резервов, чтобы на нас кинуть. А значит, нужно совсем немного продержаться...

«Фельзеннест»

Флотские дела угнетали, если не сказать больше. Отставка Редера лишь подчеркнула то, что было создано gross-адмиралом, но еще больше, что тот саботировал всеми своими силами.

Взять подводный флот, к примеру. В июне Родионов беседовал с его командующим контр-адмиралом Деницем. Удивительная вещь — три четверти атак U-ботами завершились неудачей именно из-за отказавших торпед. Денниц осыпал Редера рапортами, а тот их, чисто по-русски, даром что немец, «под сукно» положил.

Но с назначением Шпеера дело с неисправными торпедами, имевшими не обычный, а какой-то то ли электрический, то ли магнитный взрыватель, — к своему стыду, Андрей так ничего и не понял о заумной хрени, положившись на нового рейхсминистра, приняло совсем скверный оборот. Флот их принял без должной проверки, чуть ли не по «филькиной грамоте». А потому Редер, как водится, дабы отвести от себя упреки, всю вину списал на подчиненных — один адмирал с табунком офицеров попали под суд.

Дальше — больше!

Выяснилось, что кригсмарине совершенно не готовы к будущей войне в океане с Соединенными Штатами, с Британской империей. Сравнивать было совершенно нечего — а то, что имелось, не выдерживало никакой конкуренции с противником.

Два единственных новых линкора рейха, «Шарнхорст» и «Гнейзенау», в Норвежской операции столкнулись со старым линейным крейсером «Ринаун», построенном на четверть века раньше, еще в Первую мировую войну. И вот тут немцы потерпели жуткое фиаско — линкоры, имея по девять 11-дюймовых орудий, еле удрали от «англичанина», что смог противопоставить им всего шесть, но зато 15-дюймовых орудий, чей снаряд весил чуть ли не втрое тяжелее.

Андрей плохо разбирался во флотской истории, но даже того, что он узнал, находясь в шкуре фюрера, хватило ему выше крыши. Оказалось, что настоящий Гитлер считал германские линкоры недовооруженными, предлагал сменить главный калибр на шесть 380-мм пушек. Если бы замена состоялась, то уносил бы «ноги» английский линейный крейсер, чья «тонкая шкура» просто бы не выдержала попаданий чудовищных снарядов. Однако неготовность новых башен могла передвинуть сроки на год, чему яростно воспротивился Редер.

— Мля! На дворе двадцатый век, а адмиралы в пиратство играть принялись. Детишки, прямо слово, им бы в трусиках бегать! Нет, ну какие придурки возглавляют кригсмарине!

Потрясение было велико — целые конструкторские бюро, полторы тысячи человек бездельников, работавших по-немецки крайне добросовестно и усердно, занимались напрасным переводом бумаги, получая при том вполне приличное жалованье. На хрена проектировать еще полудюжину линкоров, перед которыми «доходягой» выглядит не только новейший «Бисмарк», но даже японский гигант «Ямато».

Причем gross-адмирал Редер предлагал использовать все линкоры рейха не для уничтожения английских собратьев по классу, а только для рейдерских операций в океане. А кроме того, построить 12 штук линейных крейсеров поменьше «Шарнхорста», с 380-мм орудиями и чрезвычайно тонкой, почти не способной противостоять бомбам и снарядам, броней и лишь с шестью зенитными пушками в 105 мм. И это когда английские самолеты перетопили германские крейсера в Норвегии, как худых котят!

— Пираты, мля! Разогнать их к такой-то матери! Нет, пусть лучше делом заниматься

начнут, а не дурью с этими линкорами маются!

Андрей перелистал предложения Шпеера, найдя их вполне резонными. Потому подписал бумаги без излишних тревожений. Флот действительно нужен для войны с англо-американцами, больно ощущать, что возможностей для его усиления просто нет. Закладывать новые линкоры не нужно, да к тому же их постройка года четыре займет, и то если все ресурсы рейха на эти бесполезные железные ящики бросить.

В настоящий момент времени все крупные корабли, которые могли бы усилить кригсмарине в ближайшие два года, можно было посчитать на пальцах, причем одной руки. Через год мог войти в строй линкор «Тирпиц», систершип «Бисмарка», которого уже вовсю осваивал экипаж.

С достройкой тяжелого крейсера «Зейдлиц» возникли серьезные проблемы: турбины, поставленные на корабли данного типа, оказались жутко прожорливыми, как голодные студенты, и ненадежными, как путана на Тверской. Потому Родионов принял решение продать этот корабль СССР, вслед за «Лютцовым», — и Сталин оценит такой шаг, и сырьем можно взять бартером много. Даже непристойно много для бедной ресурсами Германии.

Имелись еще авианосцы, в *той* истории недостроенные рейхом. «Граф Цеппелин» кое-как доделывали на плаву, его младший собрат, названный в честь известного аса Первой мировой, «красного барона», застыл на стапеле из-за безденежья, все работы на нем остановлены. Красота!

Главное оружие на море, Его величество Авианосец, оказался неоценен в Германии, и все потому, что Геринг с Редером до сих пор не могли выяснить, кому принадлежит небо над морем, а значит, самолеты. Теперь, конечно, «лед тронулся», но вот время упущено безвозвратно — раньше конца 1941 года первый корабль в строй не введут. А второй так вообще только в сорок третьем, не раньше, выпустит с палубы первые самолеты.

Впрочем, насчет их боевых качеств Андрей сильно засомневался. Ибо вместо того, чтобы забить в авианосец лишний десяток самолетов к штатным тридцати, конструкторы предпочли поставить 150-мм пушки, дабы корабль мог действовать как лихой рейдер, безжалостно топить своей грозной артиллерией транспорты и даже вступать в бой с крейсерами.

Причем пушки устанавливали не в башнях, как на американских авианосцах, а в казематных установках и впервые в мире (это надо до такого додуматься, не иначе как «косяки» наперебой курили да шнапсом сверху придавливали для возбуждения фантазии)... в спаренных установках.

Да уж, немецкие адмиралы в солдатики не играют, они кораблики в тазике предпочитают пускать и мыльные пузыри. И совести нет, вечно Россию шпыняют за глупость, а сами такие затейники...

Рейкьявик

Радиограмма ошарашила вице-адмирала Гюнтера Лютенса, одновременно вселив в сердце радость. Еще бы — не прошло и полгода, как его линкорам предстоит новая встреча с «Ринауном», что оказался вместе с авианосцем «Игл» у берегов Исландии.

В другое время гросс-адмирал категорически запретил бы ввязываться в бой, но не сейчас, когда за германскими линкорами идут три лайнера с великолепным «Вильгельмом Густловым» во главе. На них пять тысяч горных егерей генерал-лейтенанта Дитля, герои Нарвика, которым предстоит вышибить англичан с острова. И солдаты сделают это — Лютенс не имел ни малейших сомнений, главное, их высадить на остров.

Адмирал прекрасно знал, что в порту Рейкьявика стоит старый британский легкий крейсер, несколько не менее устаревших эсминцев да вооруженные лайнеры, превращенные во

вспомогательные крейсера. С ними немцы расправились за час, но известие о «Ринауне» и «Игле» стало бы ошеломляющим, если бы не одно «но».

Линейный английский крейсер был атакован U-ботом, всадившим в высокий борт две торпеды. Факт попадания зафиксировал не только разведывательный «Кондор», что без помех кружили сейчас постоянно над районами бывших датских колоний — от Фарерских островов, Исландии до Гренландии, но и служба радиоперехватов, которая немедленно уведомила Адмирал-штаб, а тот немедленно переправил ее Лютъенсу.

— «Атаковать в любой ситуации и высадить десант, даже ценой потери линкора», — командующий флотом негромко повторил запомнившуюся ему строчку из приказа фюрера. И, стиснув зубы, прошипел, словно превратился в змею, пропитанную ненавистью: — Надеюсь, что сегодня фортуна будет на нашей стороне, как прошлый раз с «Глориесом».

Надежды Лютъенса на «госпожу удачу» были небеспочвенные — под его флагом шли те самые четыре корабля, что устроили англичанам разгром в Норвежском море, потопив за одно утро авианосец, тяжелый крейсер и два эсминца. И хоть сейчас крейсер противника линейный, но две торпеды в борт наверняка уменьшили ему прыти, чем весьма ослабили. А значит, шансы велики, успех как нельзя близок и потопление искалеченного «Ринауна» стоит повреждений одного из германских линкоров. А если удастся настичь и утопить вдобавок «Игл», то тогда весь риск возможных потерь оправдан.

— Если они там стоят, то с рассветом нужно нагрянуть, не позже. Тогда на авианосце не успеют поднять самолеты в воздух. Никак фортуна снова благоволит нашему фюреру...

«Фельзеннест»

— Геринг «загнул», когда говорил генералам о полутысяче самолетов! Хорошо приврал, как раз наполовину.

Родионов усмехнулся — главнокомандующий люфтваффе был в своем репертуаре и врал не краснея. Нет, по бумагам все выходило красиво, но ведь война всегда уменьшает штаты любого соединения, а отнюдь не увеличивает. Потери есть не только в бою, в авиации катастрофы и аварии как раз и составляют чуть ли не половину выбывших с учета самолетов. Ничего не поделаешь, такова в ВВС специфика ремесла.

Так что рвущийся к Па-де-Кале флот встретили на подходе всего сорок торпедоносцев, однако массированный удар по кораблям произвел на англичан прямо удручающее впечатление — количество линкоров, упрямо ползущих к Каналу, сократилось до одной единицы.

Теперь в игру должны были вступить Ю-87 числом в семь десятков натасканных экипажей. В Ирландском море они уже проявили себя во всей красе, и, как браво докладывал командующий 3-м воздушным флотом генерал-oberst Шперле, 37 «штука» удалось повредить три крейсера и утопить пару эсминцев — остальные корабли британской эскадры отвернули от выбранного курса. Это бегство приятно удивило не только фюрера, но и генералов, что переживали за снующие по проливу десантные средства — ведь упрямство островитян давно вошло в поговорку.

Однако главные силы «Гранд Флита», ползущие на восемнадцати узлах от Розайта, а именно столько мог дать отлично вооруженный, но тихоходный линкор, упрямо шли вперед. И это вызывало у Андрея определенные опасения, хотя его и пытались рассеять как начальник штаба кригсмарине Шнивинд, так и адъютант фон Путткамер. Оба моряка наперебой твердили, что англичане сделали большую ошибку, им нужно было бросить вперед только быстроходные крейсера и эсминцы. Тогда бы они избежали на переходе и массированных атак люфтваффе и намного легче прорвали бы завесу подводных лодок. Ну а потеря нескольких кораблей в ночном проломе минных заграждений — не столь высокая цена за потопление скопища немецких лоханок и полный срыв «Морского льва».

Утешили, бля!

Он чуть на бешеный крик тогда не сорвался, но переборол внутри себя очнувшегося от ярости настоящего Гитлера. Но ничего поделать с этим было нельзя — прорыв за минное заграждение представлял собою крайнюю опасность. Однако даже там имелаась определенная страховка в виде ночного боя с двумя десятками германских миноносцев, поддержанных таким же числом торпедных катеров.

В качестве дополнительного бонуса для немцев, главной цели для снарядов английских крейсеров, у захваченных плацдармов встали полдюжины броненосцев — два германских, солидного размера, и совсем маленькие корабли береговой обороны — датские с норвежскими. Последних было по паре, захваченных целыми и невредимыми в апреле и с лихорадочной спешностью введенных в строй как раз для «Зеелеве».

Но главная сила, способная устроить английским эсминцам и шлюпам, прорвись они через минные заграждения (у англичан их сотни, и потратить приличную часть их на это форсирование они могли не колеблясь), хорошую трепку, была укрыта во французских портах. Здесь в полной готовности стояли корабли, не потребовавшие Лютьенсу в его набеге. Тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер» с легкими крейсерами «Эмден» и «Нюрнберг», плюс

восемь эсминцев с одним новейшим, что вооружили солидной артиллерией в 150 мм, вполне адекватной любому английскому старому крейсеру типа «С». Остальные имели хоть и такое же число орудий, но поменьше калибром — в 128 мм. Однако и это было все же более внушительным аргументом для их английских коллег со 120-мм и 114-мм пушками.

— Мы можем выиграть морскую войну у Британии, — тихо произнес Андрей, поднимаясь с дивана и открывая дверцу заветного шкафчика. Налив и выпив стопочку, он закончил свою мысль совсем тихим голосом: — Но только на локальном участке, таком, как Ла-Манш, и исключительно авиацией. А ведь Черчилль потому в позу встал, что за его спиной янки, а до них ну очень широкий океан, который на барже не переплывешь. Нужен флот!

Вот только его и не имелось. Большие корабли Третьего рейха можно было пересчитать по пальцам рук, и то лишние бы остались. И усилить флот невозможно, в отличие от тех же американцев.

Янки во Вторую мировую войну, как знал Андрей, лихорадочно строили боевые корабли, как же им без этого, превратившись в «повелителя океанов», пинком согнавшего с трона «владычицу морей», что стала замызганной служанкой. С размахом мастрячили американцы свои кораблики, по тоннажу вдвое превышающие число подобных, спущенных на верфях всех стран мира, вместе взятых.

Достижения судостроительной промышленности за океаном впечатляли намного больше, чем трудовые подвиги любых стахановцев. Считать стали построенные корабли не поштучно, а куда большими величинами. Только тяжелых авианосцев типа «Эссекс» изготовили две дюжины да три дюжины легких крейсеров «Кливленд», включая легкие авианосцы на их базе. Тяжелых крейсеров «Балтимор» соорудили полтора десятка. Новейших линкоров, калибру которых в 16 дюймов не было равных в мире (отчего и прозвали их «большими дубинками дяди Сэма»), с десятков. Ну, если не брать в расчет чудовищных японских исполинов, но их-то в Стране восходящего солнца с превеликим трудом построили всего две штуки, а третий переделали в авианосец, потопленный в первом же походе.

Добавьте к этому океанскому кулаку сотню конвойных авианосцев, по несколько сотен эсминцев и подводных лодок, тысячи других боевых кораблей — десантных, разных шлюпов, тральщиков, фрегатов и прочих, не считая тысячи транспортов, что пеклись чуть ли не со скоростью пирожков, то куда там немошному рейху состязаться в войне один на один с заокеанской державой, которая вот-вот в войну вступит. Даром, что ли, Рузвельт делает все возможное, чтоб столкновение с рейхом организовать и всей мощью поддержать отлупцованную тевтонами Британию...

Па-де-Кале

Впервые в жизни подполковник Оскар Диннорт испытывал столь двойственные чувства. С одной стороны, он хотел сейчас быть со своими пилотами, отчаянно пикировавшими на британские корабли, прорываясь сквозь завесу разрывов, что поставили зенитные орудия. А с другой — в душе подспудно тлело некое чувство облегчения, что ему не придется подставлять свою голову под «косу старухи».

Ибо в настоящий момент командир эскадры «штукас» кружил вокруг английской эскадры на неуклюжем «Хейнкеле-111», наблюдая за атакой и отдавая командирам эскадрилий приказы по радио. Запрет участвовать в бою он получил от самого фельдмаршала Геринга в самой категоричной форме и препровожден и усажен в бомбардировщик не улыбочивыми офицерами из штаба люфтваффе, разгадавшими его хитрости.

Но только сейчас Диннорт понял, что командующий люфтваффе был полностью прав — развернувшаяся внизу панорама боя завораживала и впервые дала ему возможность командовать

своими самолетами. А ведь кроме «штукас» в атаку пошли и два десятка торпедоносцев — летящие над самым морем «хейнкели» с угловатыми скошенными крыльями было хорошо видно. Да везде копошились остроносые «мессершмитты», снующие над кораблями как стрижи, раз за разом заходя в новые атаки.

— Бруно! Заходи с угла пять, атакуй!

— Вольф, твоя очередь!

— Вперед, Малыш!

Эфир разрывался голосами, постоянно сыпались соленые словечки — в бою не до этикета, что понятно. Но подполковник сейчас вспомнил свой первый бой с английскими эсминцами в мае — сколько же они тогда совершили ошибок, заходя в атаку по одному. И еще одна глупость заключалась в том, что корабельная артиллерия легко отобьет нападение небольших групп самолетов, что раньше практиковали в люфтваффе, не достигая нужных результатов и неся более значительные потери.

Однако действенность ПВО станет неэффективной, когда навалится большая группа, проводя комбинированную атаку торпедами и бомбами, что будут сброшены из крутого пике. Да еще истребители пройдутся своим пушечно-пулеметным огнем по палубам и надстройкам кораблей, сметая смертоносным железом расчеты скорострелок и уменьшая в разы интенсивность и эффективность зенитно-артиллерийского огня.

Этот прием эскадра Динорта впервые применила в бою три дня назад, атаковав английские корабли охраны пролива, вышедшие из Саутгемптона. И добились победы, сразу выведя из строя три крейсера и утопив или повредив добрый десяток мелких по водоизмещению кораблей.

Опыт пилотами был приобретен просто бесценный — и теперь Диннорт собственными глазами видел, как организованно и без суматохи германские самолеты, выстроившись в смертельную карусель, наносят разящие удары...

Чудовищный взрыв тряхнул самолет — «Хейнкель-111» подпрыгнул в воздухе. Диннорт не поверил собственным глазам — из второй, возвышенной башни огромного линкора вырвался высоченный огненно-черный клуб, принявший форму уродливого гриба, чуть не достигшего облаков. Корабль распался на две половины прямо на глазах — носовая часть с уцелевшей башней стала стремительно уходить под воду.

— Ну дает Малыш!

— Новичкам всегда везет!

Пилоты оживленными криками стали обмениваться впечатлениями от увиденного, и Диннорт нажал танкету передатчика:

— Молодцы, парни! Вольф! Выводи своих парней. Бейте «графство», оно не должно уйти!

Рейкьявик

— Наши мастера из люфтваффе «умеют» вести разведку! Не смогли отличить «Игл» от этой древней каракатицы. — Лютьенс скривил губы, не скрывая своего разочарования. Потому англичане и попытались удрать на смешных 16 узлах, и «Шарнхорст», давая вдвое больше скорости, легко и быстро, за полчаса догнал первый в мире авианосец, построенный еще в ту войну. И бил не главным калибром — все же настоящий «Игл» хоть и старый корабль, но был перестроен из чилийского линкора «Альмиранте Кохрен», а потому имел солидное бронирование. Но и полудюжины орудий в 150 мм хватило древнему и беззащитному «Аргусу» за глаза — он пылал от носа до кормы, превратившись в большой погребальный костер.

Немцы одержали в утреннем бою ошеломительную победу — два новейших линкора дружно навалились на серьезно подраненный «Рипалс», который хотя и выпрямил крен, затопив отсеки на противоположном борту, но еле ковылял. Да и стрельба британца была просто

отвратительной для такой пистолетной для морского боя дистанции.

Через сорок минут все было кончено — горящий линейный крейсер, чья «тонкая» броневая шкура не превышала 9 дюймов супротив германских 14, получил в пострадавший борт три торпеды с «Кельна», перевернулся и пошел ко дну. Спасти удалось около двухсот человек — у них выяснили, что «Ринаун», от которого германские «собратья» борзо убежали в апреле, сейчас в Гибралтаре, а под «раздачу» попал его «систершип».

Вот только победа над «подранком» досталась слишком дорогой ценой — «Гнейзенау» выглядел крайне плохо, и о его участии в операции не могло быть и речи. Вторую башню «Бруно», возвышающуюся над носовой, заклинило, а в кормовую «Цезаря» попал тяжелый снаряд, но, к превеликому счастью, не взорвался.

Повезло! Фортуна снова показала свое благоволение!

Хотя при этом башня вышла из строя, а расчет перемолото в колбасный фарш. Еще раз повезло, когда третий снаряд пробил толстую броню борта и разнес несколько отсеков. Попади ниже ватерлинии, так принятие нескольких сотен тонн воды и исходящий из этого крен были бы обеспечены. А так отделались небольшим пожаром, который опытные моряки быстро потушили. Но потеряли при этом еще несколько человек, сгоревших или смытых волнами за борт.

Но потери не столь значительные, а успех впечатляющий, достойный побед знаменитого адмирала Хиппера в Ютландском бою. Мощный линкор, авианосец и два эсминца (то, что удалось утопить устаревшие и поврежденные корабли, можно не припоминать, когда имеешь дело со столь опасными врагами, как британцы) — достойный вклад флота и лично его в общую победу рейха. Теперь бы еще удачно высадить десант, и можно подавать в отставку во всем блеске.

Тут Лютьенс усмехнулся своим мыслям — на такой волне нужно успеха достигать, а не завершать многолетнюю морскую службу. Теперь чин адмирала от него никуда не уйдет, как и прочие заслуженные почести. Главное, удачно завершить операцию двумя оставшимися кораблями — искалеченного «Гнейзенау» он решил отправить обратно в сопровождении легкого крейсера. О чем уже сообщил в Ставку фюрера, уверив главнокомандующего, что выполнит задачу с оставшимися кораблями.

Конечно, гибель нового линкора была бы очень неприятным делом, но отнюдь не катастрофой. Сейчас готовы вступить в строй линкор «Бисмарк» и тяжелый крейсер «Принц Евгений», на верфи достраивается и будет готов в следующем году линкор «Тирпиц». Оба линейных корабля имеют по четыре башни с парой 15-дюймовых орудий и способны дать бой сильнейшему линкору британцев «Худу».

И повреждение «Гнейзенау» пойдет тому на пользу. Лютьенс был знаком с планом перевооружения имевшихся под его командованием этой парочки «слабаков» на 15-дюймовые орудия, по два ствола на башню вместо нынешних трех. Причем в следующем году, и уже принялись заранее готовить пушки и башни, а потому уложатся в шесть-семь месяцев. Заодно максимально будут усиливать зенитную артиллерию, заменив 150-мм орудия таким же числом универсальных пушек в 128 мм и натыкав где только можно системы управления ЗА и мелкокалиберные скорострелки.

Благое дело затеяли, ведь перевооруженные «Шарнхорст» и «Гнейзенау» будут уже не убегать от английских линкоров, а представлять для них страшного противника, способного догнать и отправить на дно намного быстрее, как они это только что проделали с «Рипалсом». А уж с уцелевшим «Ринауном» можно будет сразиться и один на один — теперь все преимущества станут на стороне германского линкора.

«Фельзеннест»

— Мой фюрер! Только что прилетел фельдмаршал Геринг и просит вас принять его незамедлительно.

— Надобно, так примем, — отмахнулся Андрей, вдыхая теплый, пахнувший травами вечерний воздух. Такие прогулки он устраивал себе постоянно, отдыхая от суровых трудовых будней. Редко когда такие променады не приводили его в хорошее настроение...

— Мой фюрер! — Геринг шагнул вперед, выпятив живот. На лице расцвели розы — главным образом пребывал в приподнятом, словно принявши убойную дозу кокаина, настроении. — Мои люфтваффе отправили «Гранд Флит» на дно!

— ...?!

От столь громкого заявления Родионов оторопел, но радость толстяка была настолько искренней, что сразу засомневался, стоит ли ему вызывать крепких не улыбочивых парней из охраны «лейб-штандарта» со смиренной рубашкою, а также пригласить доброго старичка-психиатра.

— Линкор «Родней» поразили бомбой в башню, и он взорвался! Утопили два крейсера и полдесятка эсминцев. — Фельдмаршал говорил взахлеб, словно боялся, что его остановят. Глаза возбужденно блестели. — Два старых линкора получили по торпеде еще раньше и отправились зализывать раны! Пикировщики из 3-го флота потопили британские крейсера в Ирландском море. — Геринг хмыкнул, похоже, данное словосочетание его несколько забавляло. — Это величайшая победа, мой фюрер! Люфтваффе показали свое преимущество над «Гранд Флитом».

— Я доволен вами, мой милый Герман. — А что еще мог сказать настоящий фюрер! Этот толстяк оказался не затрапезным болтуном, за свой «базар» отвечал конкретно.

— Это все ваша гениальность, мой фюрер, и то, что ваше решение провел в жизнь я!

От такого пассажа Родионов устался на Геринга в полном обалдении — такую лесть в свой адрес он еще не слышал, как и то, что так лихо, оказывается, можно и примазаться к «великим свершениям».

— Вашу идею наносить удары по кораблям противника массированным налетом, бомбами, торпедами и штурмовкой одновременно, и притом руководить операцией в небе, как это сделал подполковник Диннорт, мои парни проверили в бою и добились столь невероятного успеха. Это только ваша заслуга, мой фюрер, и вашего великолепного гения!

«Явно напрашивается на подачку. Да какое там напрашивается — требует в самой наглой манере. А льстит-то как, толстяк, льстит. Явно что-то выцоганит серьезное, даром что немец, а хватка как у ростовщика иудея».

— Произвести в полковники и наградить достойно!

— Мечами к Рыцарскому Железному кресту?!

— Только так, и не иначе. А кто линкор поразил?

— Молодой пилот, лейтенант Ганс Ульрих Рудель. Он не прошел отбор после обучения, но, когда вы приказали собрать всех летчиков, что пилотировали «штукас», его зачислили. Это его третий боевой вылет!

Андрея уже не удивляла подобная феноменальная память Геринга на своих пилотов. Иногда казалось, что толстяк знает их чуть ли не всех, причем досконально. Он усмехнулся, но тут память, его собственная память, внезапно открыла ларчик:

«Так ведь я встречал эту фамилию. Ну точно, это же тот немецкий ас, что раздолбил на своем пикировщике полтысячи наших танков и утопил в Кронштадте линкор „Марат“, угодив бомбой тому прямо в башню. Ну надо же, какие кренделя может выписывать история! Но пусть он лучше англичан с американцами топит, чем с русскими парнями воюет. А еще лучше этих толстосумов, что миром править желают, рука об руку оттузить. Совместно, бригадным

подрядом, как Горбачев любил приговаривать».

— Геринг, представьте списки отличившихся. Хотя... представьте к награждению всех — такие победы — плод коллективных усилий, а потому награждать нужно совокупно. У рейха сейчас... — Андрей остановился и вспомнил известное выражение российского императора Александра III и решил его переиграть: — У рейха сейчас две мускулистых руки с крепкими кулаками. Это армия и флот!

— А мои люфтваффе?! — На ошарашенном лице Геринга застыла странная смесь от полной растерянности до начавшей бурлить ярости. И чтобы она не выплеснулась, Родионов быстро закончил:

— А люфтваффе, мой милый Герман, есть разящие мечи. У Зигфрида он был один, зато у рейха в руках должны быть два священных Бернира, против которых не устоит ни один враг! Мне нужны два Бернира!

— А-а... — облегченно протянул Геринг, а фюрера подбросила на месте неведомая сила. Он, подскочив к толстяку, схватил того за мундир, тут же стал орать, брызгая слюной во все стороны:

— Пока Бернир взлетает с земли, это один меч! А мне нужны два! Рейху нужны морские аэродромы и самолеты, что могут часами находиться над огромными океанскими просторами. Иначе мы не справимся с американскими плутократами. Ты понял это, Геринг?!

— Я сделаю все, мой фюрер. — Толстяк напыжился еще больше, грудь выперла колесом, что в сочетании с животом выглядело убойно. — Не пройдет и года, как у вас в руках будет два Бернира!

Рейкьявик

— Счастливо!

— Семь футов под килем!

Столпившиеся на берегу десятки егерей оторвались от занятий на прощальный гудок огромного лайнера, что доставил их на этот далекий приполярный остров. Они оживленно помахали уходящим морякам своими кепи, погалдели и принялись снова растаскивать в разные стороны огромную кучу грузов, что была свалена прямо на причале. Их суета поневоле напоминала разворошенный в лесу муравейник, в котором на первый взгляд творился хаос, но каждое движение шло по четко намеченному плану.

Так и тут — высадившиеся егеря готовились к упорному бою, как в самом маленьком городке, так и с дальнейшим отходом в глубь заснеженных гор и дымящихся вулканов, покрытых ледниками. Если, конечно, англичане пожелают всерьез взяться за них, подгонят к острову немалую эскадру с транспортами и перевезут на берег как минимум дивизию.

И то вряд ли...

Генерал Дитль напряженно смотрел за тем, как уходят в туманную дымку несколько кораблей, их билет на обратную дорогу домой. Но солдатское дело таково, что где приказано сражаться, там и будут. Тем паче здесь, на затерянном посреди океана острове.

Стрельбы в маленьком городке уже не было слышно — неполный батальон Королевской морской пехоты рассеялся в первый же час высадки. Да и никак не могли триста англичан сопротивляться против четырех тысяч закаленных в боях егерей. Пленных британцев отправили на «Густлове», не идти же такому кораблю в обратный рейс порожним.

Остатки гарнизона разбежались как крысы, уйдя в горы, и теперь придется тщательно прочесать местность, вылавливая этих незадачливых партизан, которые рискуют умереть с голоду. Они же не датчане, а потому немногочисленные жители вряд ли испытывают к ним симпатию.

Англичане заняли Исландию в мае, но за это столь короткое время успели сделать на острове много полезного, чем немцы не преминули воспользоваться. Обустроенные причалы, у которых встали две подводные лодки, еще несколько У-ботов находилось в океане, на дальних подступах к острову. И вначале британцам придется прорываться через них, а это не столь легкое занятие, ведь лихие парни Деница перетопили в океанах и морях не так уж и мало вражеских кораблей и транспортов.

На берегу копошились матросы, приводившие в порядок береговую батарею старых орудий, что были установлены недавними хозяевами острова. Главным являлось то, что в исправности удалось захватить взлетно-посадочную полосу аэродрома, способную принять как торпедоносцы «Хейнкель-111», уже вылетевшие из Тронхейма, так и дальние разведчики «Фокке-Вульф», которые именовали «Кондорами».

Тем паче что богатые британцы не поскупились на оборудование баз на захваченном у датчан острове и завезли сюда очень много полезных грузов, от топлива до продовольствия.

Дитль улыбнулся — его бригада могла сражаться в полном окружении, даже если помощь не будет оказана в течение месяца. А если британцы не станут беспокоить в течение двух-трех недель, то вышибить потом немцев с острова будет крайне затруднительным делом.

Лондон

— Это катастрофа!

Премьер-министр Великобритании Черчилль пребывал в крайне подавленном состоянии. Такого страшного по своей силе удара сэр Уинстон не испытывал никогда в своей причудливой, богатой на взлеты и падения жизни политика. Но то себя лично, а сейчас на карту было поставлено само существование Британской империи, и именно он, потомок герцогов Мальборо, недавно крупно ошибся и проиграл, оказавшись вместо каре тузов с парой валетов в дрожащих руках.

Потеря под Дюнкерком кадровой армии оказалась губительной для Англии — высадившихся немцев не удалось скинуть обратно в пролив. Да что там говорить — даже десанты парашютистов, имевших только легкое вооружение, без пушек и танков, оказались не по зубам безусловно храбрым, но толком не обученным ополченцам.

И это потому, что воздушное наступление, начатое люфтваффе в августе, оказалось намного сильнее, чем ожидали британские РАФ, разыгрывая даже самые пессимистические варианты. «Боши» бомбили все аэродромы и радары, пункты связи и хранилища и днем и ночью.

Воздушные армады Геринга пытались остановить доблестные «спитфайры» и «харрикейны», но напор был слишком силен. Потери среди истребителей не восполняло ежедневное производство, а главное, слишком велик оказался расход опытных пилотов, гибнувших в боях.

И когда началось вторжение, то под рукою оказалось всего десяток эскадрилий в резерве, которые растаяли в первые два дня. Да еще немцы вывели все радары, ослепив их, сведя с ума своей фольгой, и система централизованного направления истребительной авиацией вышла из строя, смешав все расчеты. Бои приняли хаотичный характер, и англичане впервые стали нести потери большие, чем противник. Попытка бросить в бой плохо обученную молодежь еще больше усугубила положение, деморализовав пилотов, разница с ветеранами Геринга, асами, великолепно владеющими тактическими приемами, оказалась слишком велика.

На аэродромах Южной Англии, еще способных выпускать и принимать самолеты, осталось всего полторы сотни истребителей, большинство которых были изношенными и не могли противостоять вездесущим «мессершмиттам», которые начали буквально охоту, сбивая

брошенные в бой без прикрытия бомбардировщики пачками.

Скрепя сердце маршал авиации Даунинг вчера приказал перебросить оставшиеся истребители на аэродромы Средней Англии, отдавая небо неприятелю. Теперь воздействовать на германские конвои было нечем, и хуже того — «боши», накопившись на плацдармах, начали наступление на Саутгемптон, и потеря оставшихся срединных баз на юге, с их заводами и портами, — вопрос ближайших дней, если не часов.

Остановить немцев сейчас нечем, заслоны сметаются, ибо сотни самолетов расчищают путь танкам и пехоте, сметая английские войска бомбами и штурмовыми налетами.

— Прах подери!

Какое-то несчастье преследует всю страну. Неожиданно германские линкоры перехватили торпедированный «Рипалс» у берегов Исландии, который сопровождал авиатранспорт, вывозивший с острова истребители и несколько десятков опытных летчиков, что должны были помочь в небе Англии. И их потопили безжалостно! Да еще высадили десант с лайнеров.

И теперь если немцы перебросят на исландские аэродромы самолеты, а они непременно это сделают, то остров превратится в огромный непотопляемый авианосец, который запрет всю Северную Атлантику. Но это не важно — ими можно будет заняться потом, когда удастся отстоять метрополию.

Но как сделать последнее? Как?!

И Черчилль неожиданно приподнял свое тучное тело с удобного кресла рывком, прошептав еле слышно, продолжая сжимать губами неизменную сигару:

— Боже, спаси Англию!

«Фельзеннест»

— Мой фюрер!

Манштейн светился от радости, как только что отчеканенный пятак. Еще бы ему не радоваться — именно он предложил нанести отвлекающий английский флот удар. Дерзкая операция, которая могла прийти в голову только «сапогу» с генеральскими лампасами, ни один адмирал в рейхе на такое бы не подписался.

Да на ум бы никому не пришло, включая бывшего главкома кригсмарине, столь нагло бросить вызов «владычице морей». Это как фокстерьеру выхватить из пасти бульдога кость и умчаться с добычей, а перед этим зверски искусать брыли оппонента.

Можно себе представить, какую ярость сейчас испытывает Черчилль. Вот только сделать сейчас британцы ничего не смогут, а посылать корабли после недавней трепки «Гранд Флиту» они не станут.

Нечего им посылать!

Тут думать нужно, как в Канал влезть, что под зонтиком люфтваффе находится, а не о том, как награбленное вернуть. Слишком велика империя, и какой бы у нее ни был большой флот, но удержать весь океан он не в состоянии. Тем паче когда сейчас решается судьба самой метрополии. Нет, ничего британцы не предпримут, а янкесам месяц нужен, а то и больше, чтобы раскачаться. Да и подготовка должна быть серьезная, и общественное мнение подготовить, куда ж за океаном без этого. Так что пара месяцев у генерала Дитля есть, чтоб остров в крепость превратить.

Защищать Исландию нужно до упора, бросив немалые силы и построив там полдесятка аэродромов как минимум. Потому что это заноза, нет, целый гвоздь, вбитый по шляпку в американскую задницу. Не смертельно, но жизнь качественно отравит!

— Немедленно радируйте адмиралу Лютьенсу мою самую искреннюю благодарность. И от имени всего немецкого народа. Да-да, именно адмиралу, он заслуживает этого чина. Это за

потопление «Рипалса» и уничтожение английской эскадры. А за успешный десант на остров...

Андрей задумался на минуту, пробежался по кабинету, принимая решение. Остановился возле стола и заговорил торжественным голосом, радость от такой морской победы переполняла эмоции:

— Генерал-адмирал Лютьенс заслуживает Мечей к Рыцарскому Железному кресту. И более того, я назначаю его новым командующим кригсмарине. Он этого достоин. Не так ли, фельдмаршал?

— Так точно, мой фюрер! — Геринг просиял, будто его самого только что наградили. «Вот только куда ему награды вешать, разукрашен как новогодняя елка, мест на мундире нет. Может, в рейхсмаршалы его произвести, крутой чин, вроде генералиссимуса. Таких в Германии вроде парочка была, вряд ли больше. Толстяк доволен будет, да он этого и заслуживает».

— И вас благодарю, мой дорогой Манштейн!

Андрей повернулся к генералу и бросил на него такой многообещающий взгляд, что тот вытянулся, как юнкер, с вожделением ожидая, что фюрер ему что-нибудь пожалует. Вот только у Родионова имелись совсем другие планы, раскрывать которые он не торопился.

— Давайте, господа, выпьем по рюмочке, отметим столь славную победу нашего флота. Прозит!

...Сон был прерван самым бесцеремонным образом — сильная ладонь тряхнула его за плечо.

— Мой фюрер!

Встревоженный голос Шмундта нагло влез в сон, и на самом интересном месте. За эти дни Андрей привык к бессонным ночам и дремотному состоянию днем, когда сон прямо накатывал на глаза. Но бодрился перед всеми, призывая отдавать все силы на победу рейха, хотя делать это в возрасте, перешагнувшем пятидесятилетний рубеж, было нелегко.

— Скверные новости...

Лондон

— Прах подери!

Злое ругательство Черчилль приберег для самого себя. Он ошибся, и теперь за эту его оплошность может расплатиться империя, служению которой сам отдал свою жизнь.

Танки 1-й дивизии нужно было бросать в бой немедленно, и всей массой, дабы уничтожить врага в наиболее опасном и узком месте, где пролив Па-де-Кале можно пройти за несколько часов даже на самой тихоходной барже. Однако он придержал одну бригаду, отправив тяжелые «Матильды» на запад, где немцы высадили наиболее опасную, как ему показалось тогда, группу Гота. Но это был обман, вместо удара серпом, как думалось несколько дней назад, пытаясь предугадать действия противника, «боши» просто нанизали южное подбрюшье на острые «вилы» танковых групп, ударив с запада и востока.

Его собственные ошибки оказались бы не столь существенными, если бы флот разогнал снующие по Каналу немецкие суденышки. Но могучие линкоры и крейсера, на которых всегда зиждилось могущество империи, оказались совершенно беззащитными перед угрозой с воздуха.

— Годдем!

Черчилль выпустил клубок сигарного дыма — разве можно было представить в ту войну, что неуклюжие полотняные этажерки превратятся в хищного зверя, смертельно опасного для любого корабля. И вот здесь не его просчет, тут фатальную ошибку, недооценив грозного противника, сделали их лордства, по заказу которых на британских верфях были построены заведомо ослабленные крейсера и линкоры.

Все корабли Его Величества оказались плохо вооруженными даже против единичных атак

малых групп, что впервые продемонстрировали германские самолеты в Норвежской операции, искалечив тяжелый крейсер «Лондон». А против массированных атак авиации, как показали вчера немцы, бросив в бой полторы сотни самолетов, не устоит даже эскадра из трех линкоров, пяти крейсеров и почти двух десятков эсминцев.

И вместо того чтобы пройти в пролив и смести шквалом снарядов с поверхности моря всех немецких недомерков, флот, как трусливая шавка, убрался в базы, как в будку, где начал зализывать раны. Осталась всего одна надежда, единственная...

— Сэр! — Радостный выкрик адъютанта, столь не свойственный этому всегда сдержанному офицеру, истинному джентльмену, вывел Черчилля из мрачных раздумий. Руками именно таких сынов отечества создавалась самая великая империя мира. Сэр Уинстон поднял голову, и радость неожиданно разлилась по телу, как добрый бокал шустовского коньяка.

— Получена радиограмма от адмирала Соммервилла! Соединение «Н» прорвало западное заграждение, и сейчас линейные крейсера «Худ» и «Рипалс» прорвались в Канал. Их сопровождают тяжелый крейсер «Норфолк» и семь эсминцев. Потеряли на минах...

— Прах подери, не о потерях речь! — неожиданно взорвался Черчилль. Он надеялся на идущую от Гибралтара эскадру, которая перетопила «лягушатников» в Алжире в начале июля, и правильно сделала — нечего им предавать Англию, и тем более их линкоры могли попасть в руки немцев.

— Они уже топят огромный конвой, сэр! А потом пройдут по проливу, считая все на своем пути. Они... — Офицер запнулся и произнес явно свои слова, которых просто не могло быть в радиограмме: — Сделают нечто похожее на волка, который забирается в овчарню, сэр!

Черчилль с превеликим облегчением вздохнул, выронив из губ потушенную сигару. Его последний джокер выскочил на стол в самый нужный момент и смешает противнику всю партию. Нет, грешно сомневаться в божественном провидении, которое всегда оберегало берега благословенного острова от захватчиков. Как шторм разметал «Непобедимую армаду», так линкоры Соммервилла сметут все на пути. А десанты, оставшиеся без подкреплений, рано или поздно будут уничтожены.

— Моя молитва была услышана!

«Фельзеннест»

— Мой фюрер! Получена радиограмма из штаба фон Рундштедта. Два английских линкора в сопровождении крейсеров и эсминцев прорвались через западное заграждение, уничтожили или рассеяли наши транспортные соединения, а сейчас направились на восток.

Сон мгновенно улетучился, и Андрей, откинув одеяло, соскочил с койки. Мельком глянув на часы, он отметил, что сейчас только половина четвертого — до первого доклада Манштейна еще четыре часа.

Веселенькая ночь получается!

Стоявший наготове камердинер тут же бросился к нему со своей помощью, в четыре руки Родионов стремительно облачился в мышиную униформу, задав на ходу несколько вопросов:

— Откуда взялись линкоры? Их же там не было! Или через Шотландию перевели?! Но мы же установили всех, они были под контролем!

— Один линкор имеет четыре башни, другой три...

— Три?! Это не ошибка? А то в темноте наши солдаты могли и перепутать, особенно если над головою 15-дюймовые снаряды пролетают!

— Нет, мой фюрер! Моряки уже сообщили, что в пролив вошли линкор «Худ» и линейный крейсер «Ринаун», с ними идет одно «графство» и примерно семь или восемь эсминцев.

— А, задницы в ракушках! Очухались! Кто сообщил?

— С броненосца «Шлезииен», еще до того как он затонул, мой фюрер. И с «Одина», бывшего норвежского броненосца, — их тоже расстреляли.

— Хорошенькие дела! Погибли два наших корабля, пусть старых, даже ветхих, а я ничего не знаю?! Вызовите Манштейна, незачем спать, раз тут такое побоище началось!

— Генерал и послал меня к вам. А сам говорил в это время по прямому проводу с Шербуром. Он еще не ложился спать в эту ночь.

— Выгораживаете вы его, Шмундт. Ну, и правильно, у него и так служба нервная, как и у вас!

Родионов усмехнулся, вспышка ярости, ожидаемая ввиду непоседливости внутреннего «визави», так и не состоялась. А это было хорошо — после таких гневных приступов и вспышек Андрей чувствовал себя крайне прескверно, будто бы на него самого орали и топали ногами.

— Разрешите, мой фюрер?

— А, это вы, фон Путткамер. Как раз и нужны. Что там происходит?! Вы можете внятно доложить?!

— Да, мой фюрер! Я только что говорил по телефону с начальником штаба кригсмарине. В Ла-Манш вошло соединение «Н» адмирала Соммервилла. Наши «кондоры» прошляпили, другого слова тут просто не применить, бросок его быстроходных кораблей, и они в темноте, миновав минные заграждения, ворвались в пролив. — От лица морского адъютанта можно было прикуривать, настолько оно раскраснелось от еле сдерживаемого гнева.

— Так, значит, — с угрозой в голосе прошипел Андрей, крылья его носа раздувались от ярости, как капюшон кобры.

Крайний был найден, и им оказались люфтваффе, прозевавшие стремительный бросок линейных крейсеров. Ведь «Худ» — это усиленный «Рипалс» с дополнительной башней и более толстой броней.

Ютландский бой показал, насколько тонка «шкура» линейных крейсеров, придумки

адмирала Фишера, так называемых его «кошек» — «Лайона» и «Тайгера».

И если «Рипалс» имел 6-дюймовую броню, кое-где усиленную до девяти, то «Худ» бронировался намного крепче, мало в чем уступая иному линкору.

— Фельдмаршал Геринг знает?

— Так точно, мой фюрер!

— Угу, — только и сказал Андрей, иссякнув запалом.

Крайнего, конечно, найдут, и быстро. Им окажется какой-нибудь генерал или полковник, что не обеспечил плотный полет «кондоров» дальней морской разведки.

А собственно, за прорыв искать никого не придется, ибо он изначально имеется — командующий 3-м воздушным флотом отвечает именно за это направление.

Ну а там пойдет по нисходящей. Живо выяснят, кто и где расслабился, предчувствуя скорую победу на острове.

— Разрешите, мой фюрер...

— Я ожидаю вас, Манштейн. Надеюсь, что не все так скверно, как мне сообщили уже адъютанты?!

— Могло быть и хуже, мой фюрер. Но если и в следующую ночь англичане пройдут по проливу так же, то вся наша армия, высадившаяся на острове, будет обречена. Воздушным путем ее снабжение в полном объеме провести будет невозможно.

— Умеете вы обрадовать меня, мой дорогой Манштейн. Эрих, я просто поражаюсь чувству вашего искрометного оптимизма!

— Вы шутите, мой фюрер? — Тонкие губы генерала расползлись в подобие улыбки. — Но мы этой ночью потеряли на западном участке примерно треть плавсредств, которые были в море. Это приблизительная оценка, и без восточного участка, где бой продолжается...

— Да? — искренне удивился Андрей. — Там продолжается ночной бой?! Почему?

— В Па-де-Кале на помощь Соммервиллу подошел из устья Темзы Хамберский отряд крейсеров, с ходу прорвав наше восточное заграждение. Данные о потерях еще не поступали, но думаю, что они у нас там намного больше, чем на западном участке. И это по самому оптимистическому подсчету, мой фюрер!

— Час от часу не легче!

Андрей натурально схватился за голову. Стоило так тщательно готовить операцию, учитывать все детали, бросить в бой массу войск и средств, чтобы все усилия целой страны перечеркнуло разгильдяйство, и, может быть, всего одного человека.

— И что вы намерены предпринять, генерал?

— Уже предпринял, мой фюрер, и отдал распоряжения от вашего имени, не желая терять ни минуты времени...

Фолкстоун

— Купание не в моем возрасте, Венк! Тьфу! А говорили, что по проливу можно плыть спокойно! Тьфу!

Гудериан выплюнул соленую воду, продираясь к берегу. Ноги твердо чувствовали дно, но волны время от времени захлестывали генерала с головою. Отвратительное состояние!

— Так то днем, майн герр! А ночью тут черт знает что творится!

Адъютант заботливо поддержал командующего панцерваффе под локоть — он предпочел скорее бы сам утонуть, чем допустить гибель своего командующего. Но еще три десятка шагов — и они доберутся до спасительной сухой тверди.

— Лучше самому с «матильдами» сразиться, чем еще раз испытать такой ужас!

Генерал оживленно разговаривал и жестикулировал, как бывает с людьми после

перенесенного жесточайшего стресса.

А час назад был далеко не стресс, а оживший ночной ужас, смертельный кошмар, когда огромная махина английского линкора, заслонившая, как ему показалось, половину неба, тускло освещенного печальной луною, внезапно опоясалась огнем, будто разверзлось жерло вулкана.

Им невероятно повезло, что танково-десантная баржа шла в авангарде, успела выскочить из зоны поражения орудий и укрылась в темноте.

Море, оставшееся у них за спиной, неожиданно взорвалось огромными столбами воды, чудовищным грохотом и дикими криками насмерть избиваемых людей, которые ничто не могло заглушить.

Генерал, несмотря на то что прошел несколько войн и видел немало смертей, испытал приступ животного страха от унижительного чувства собственной беспомощности.

Да, ему повезло проскочить, но тысячи танкистов из 1-й панцер-дивизии со своими боевыми машинами были принесены на заклание кровожадным морским богам.

Он хотел плакать, видя, что нет никакого спасения, и даже начал молиться, хотя делал это крайне редко.

Но случилось чудо: темнота по левому борту баржи взорвалась добрым десятком пульсирующих вспышек и тут же выплеснула четыре длинных языка пламени.

Огромный английский корабль содрогнулся — генерал собственными глазами видел, как на нем вспухли два разрыва, словно по танку, пусть и неимоверно большому, запустили фугасом. Это был, вне всякого сомнения, германский корабль, и все находящиеся на барже заорали от восторга.

Но смолкли от ужаса, когда спустя минуту английский линкор ответил — то, что увидел Хайнц, было чудовищным.

Языки пламени главного калибра вытянулись струями гигантского огнемета, а грохотнуло так, что все машинально пригнулись, оглохнув. Темнота осветилась жуткими взрывами, которые вскоре накрыли огромным пожаром героический немецкий корабль...

— Венк, у вас есть шнапс? А то мы все рискуем простыть, но позволить это нельзя, — произнес сиплым голосом «отец панцераффе», на плечи которого подбежавшие солдаты набросили теплое одеяло. Это не курорт, и ночное купание может закончиться фатальной пневмонией.

— Ух, — выдохнул воздух генерал, хорошо хлебнув из протянутой фляжки, и заговорил злым голосом: — На море мы беспомощны, но не здесь. Венк, я должен знать, сколько у нас танков под рукой. Надеюсь, что британцы дорого заплатят за безнаказанное и жестокое истребление моих танкистов. И очень скоро, прах их подери!

Гастингс

Самолет был не военным, а мобилизованным и принятым от «Люфтваффы», потому комфортабельным. Вместо откидных полок удобные кресла у иллюминаторов, на которые усадили легкораненых, в проход, покрытый ковровой дорожкой, поставили носилки с тяжелоранеными, среди которых находился командир парашютно-десантной бригады Ойген Мандль.

Макса Шмеллинга усадили рядом с ним, бережно пристроив искалеченную осколком ногу и зафиксировав лежащую на повязке руку. Война для экс-чемпиона мира по боксу закончилась — с такими ранениями списывают не только с парашютных частей, но и вообще со службы.

Кошмарная неделя закончилась, дни тянулись месяцами, полными крови и ужаса, однако Макс не жалел ни о чем, увидев ту изнанку войны, о которой старались не писать, отдавая страницы газет героям и совершенным ими подвигам.

Но ведь в Берлине не стреляют в упор, а репортерам из «Фелькишер Беобахтер» не надо подставлять свою голову под пули и нюхать вонь вывернутых человеческих потрохов.

Шмеллинг скосил глазом вниз — командир бригады лежал неподвижно, закрыв глаза, сквозь толстый слой бинтов на животе проступали кровавые пятна. Выживет ли?

За эти дни он оценил командира в должной мере — и командовал умело, и труса не праздновал, и из полковников генерал-майором стал, вот только новые петлицы на комбинезон пришить не успели да погоны из толстого жгута перецепить.

Самолет затрясло, гул моторов усилился, Ю-52 дернулся и, набирая скорость, понесся по ВВП. Пробежка была не столь длинной, и через минуту Шмеллинг уже покачивался в воздухе, разглядев внизу освещенную автомобильными фарами полосу аэродрома.

— Война закончена, — прошептал Макс, — через два часа я буду в Берлине у лучших врачей.

Вообще-то всех раненых доставляли во Францию, но для заслуженного генерала и героев-парашютистов было сделано исключение.

А вскоре их встретит сам фюрер, и для него лично начнется мирная жизнь. Он будет просыпаться, когда хочет, пить кофе, читать в кресле газету и не втягивать в голову плечи, страшась разрыва снаряда...

— Бог ты мой!

Макс с ужасом взирал вниз — море превратилось в kloкочущий огненный смерч. В языках пламени горящих судов и выстрелов был хорошо виден царящий внизу кошмар. Самолет дрожал и поднимался все выше в небо, как бы желая побыстрее покинуть развернувшийся апокалипсис.

Крепкая ладонь сжала его колено, и Макс сразу наклонился — глаза генерала смотрели требовательно, по лицу стекали капельки пота.

— Что там?! Английский флот вошел в пролив?

Макс только кивнул на еле слышный шепот генерала. А что ему было говорить, если и так понятно, почему с нескрываемым ужасом на лицах все легкораненые смотрят в иллюминаторы.

— Это ничего, чемпион. Это не страшно...

Генерал растянул в улыбке белые тонкие губы, и от этого оскала, заметив его краем глаза, боксер еще больше ужаснулся, слушая хриплое дыхание и прижав свое ухо к лицу командира.

— Небо за нами, Шмеллинг... Им с утра покажут...

«Фельзеннест»

— Мой фюрер! Мы понесли большие потери!

Голос Манштейна звучал ровно и спокойно, без малейших эмоций — так может говорить только истовый военный профессионал.

— Потоплено и сильно повреждено свыше трехсот плавающих средств, примерно столько же мы потеряли за все дни операции от ударов морских и воздушных сил противника. Погибло или утонуло до десяти тысяч наших моряков/солдат и офицеров. Основная масса потерь пришлось на 21-ю пехотную и 1-ю танковую дивизии.

— Что с генералом Гудерианом?

Андрей первым делом спросил о наблевшем за эту бесконечно долгую ночь и тянущееся с рассветом утро.

За это время штабу ОКВ удалось воссоздать более-менее реальную картину произошедшего побоища. Но в данный момент Родионова беспокоила судьба «Шнелле-Хайнца» — ведь потеря «отца панцерваффе» стала бы для его планов серьезным ударом.

— Он уже в Фолкстоуне, приводит в порядок части 1-й танковой дивизии. Генерал-оберст не пострадал, хотя ему пришлось искупаться!

Усмешка еле видимая, но все же пробежала по губам генерала Манштейна, хоть мгновенно, — Андрей знал, что тот не совсем хорошо относится к новоявленному любимцу фюрера.

«Ревнует, что ли? Прямо как бабы, а еще с лампасами!»

— Что с кораблями охраны?

— Потери крайне серьезные. — Манштейн поднял красные воспаленные глаза. — Из крупных кораблей эскадры уцелели крейсера «Адмирал Хиппер» и «Нюрнберг», «Эмден» потоплен. Артиллерией линкоров потоплены или серьезно повреждены все наши броненосцы, за исключением «Тора». Кригсмарине потеряли девять эсминцев и миноносцев, три десятка катеров, включая семь торпедных. И две подводные лодки, одна из которых погибла в результате внутренней аварии.

— А что с соединением Соммервилла?

— Крейсер «Норфолк» потоплен торпедами, а линкор «Рипалс» укрылся в Портсмуте, потеряв ход от двух торпедных попаданий. По крайней мере, его вели в базу на буксире. Линкор «Худ» ушел из пролива перед рассветом вместе с хамберовским отрядом, из состава которого подорвался на наших минах и затонул легкий крейсер «Белфаст». Кроме того, противник потерял старый крейсер типа «С», потопленный броненосцем «Тор», шесть эскадренных миноносцев и около десятка мелких судов. Данные еще поступают и уточняются.

— В общем, как я понял, нам крепко поддали, Манштейн. Бог мой — полтысячи лоханок мы потеряли, и если завтра будет еще одна такая ночь, а потом и день, то мы будем вынуждены свернуть морские перевозки, ибо у нас не останется плавсредств...

— Мой фюрер! Все не так плохо. Уже закончена сборка трех десятков паромов «Зибель» и начата проводка семи танково-десантных барж, которые заменят примерно четверть от потерянного тоннажа. Практику ночных конвоев нужно отменить и вести их только днем.

— Это целесообразно?

— Да, мой фюрер! На южное побережье Англии уже переброшены не только истребители, но и четыре группы «штукас», что позволит им совершать в день до шести вылетов. Этого достаточно для отражения любой угрозы хамберовской флотилии и со стороны Ирландского моря. Фельдмаршал Геринг заверил, что теперь английские эскадры не смогут зайти в Канал днем, ибо наша авиация господствует на всем протяжении Ла-Манша. А гипотетические потери от дневных налетов английских бомбардировщиков будут на порядок меньше случившихся сегодня ночью.

— Хорошо, Манштейн. — Андрей дернул подбородком и задумался, потом медленно заговорил: — Передайте фельдмаршалу, чтобы люфтваффе не сильно резвились и перестали топить англичан. Нужно их только повредить хорошо, хода лишить и стреножить таким образом, пусть остаются в базах на ремонте.

— Я понял вас, мой фюрер. — По губам Манштейна промелькнуло подобие улыбки. — Я уже позвонил начальнику штаба люфтваффе с этой просьбой. Английские корабли со временем можно будет отремонтировать и использовать в войне против американцев.

— Манштейн, вы стали читать мои мысли, а это меня пугает!

— Нет, мой фюрер, просто я привык хорошо выполнять свои служебные обязанности...

Лондон

— Необходимо этой ночью нанести повторный удар по конвоям. Даже если мы потеряем все линкоры, но очистим пролив от немцев, то любые жертвы окажутся во благо империи!

Черчилль пыхнул сигарой, и сейчас он напоминал флегматичного английского бульдога, который, однако, имеет мертвую хватку, и попадаться между его челюстей крайне

нежелательно.

— Сэр, мое соединение практически перестало существовать. Но мы выполнили ваш приказ. Да, ваш, сэр!

Адмирал Соммервилл сверкнул глазами, в которых светила затаённая ненависть. Премьер-министра он считал неудачником, ухитрившимся благодаря своему политиканству взлететь высоко: в ту войну был Первым лордом Адмиралтейства, а сейчас возомнил себя флотоводцем!

— Я понимаю вас, Джеймс Скелли. — Черчилль снова пыхнул сигарой, с которой весь мир знал его на фотографиях. — Но Англия у нас одна, а кораблей у Его Величества много. Так что любые, я подчеркиваю, любые, пусть даже значительные, потери не должны остановить нас! Вы готовы выполнить свой долг перед королем, адмирал?!

— Да, сэр. Но мне не с чем выходить в Канал!

Соммервилл усмехнулся, но мысленно. Как беда или нужно провернуть какое-нибудь поганое дело, типа расстрела несчастных союзников, как он проделал с французами в Алжире, то зовут его. А минует надобность, так задвигают в самый дальний шкаф, завидуя славе.

И это не только его судьба, так поступают и с однокашником, вечным соперником, адмиралом Каннингхемом, которого «наш добрый толстяк Уини» услал командующим на Средиземное море. И как тот будет выкручиваться всего с двумя линкорами против итальянских пяти? И все благодаря «мудрому» управлению Черчилля и «умелому» командованию адмирала флота лорда Паунда, в чьих руках находится сейчас судьба империя. Остался только флот Его Величества, ибо авиацию и армию уже погубили.

— Держите свой флаг над «Худом», адмирал, полученная им одна торпеда — это пустяк для сильнейшего корабля империи. И принимайте под командование крейсера хамберовского отряда и те, что подходят с Розайта. Вас поддержит от Ирландии отряд Дракса. Идите, адмирал, теперь в ваших руках судьба Британии!

Берлин

— Дагмар, это мой долг, пойми!

Майор Ханс фон Люк с мягкой улыбкой взглянул в лицо любимой женщины и вздохнул, вспомнив, сколько пришлось пережить за этот месяц, борясь за свое счастье.

Он встретился с ней случайно, на одной светской вечеринке, — и влюбился с первого взгляда.

Люк пользовался у женщин определенным успехом, еще бы: герой недавней победоносной войны, майор, с Рыцарским Железным крестом на шее. Да еще с аристократической приставкой «фон»!

И внешность привораживала: высокий, белокурый, широкоплечий — истинный ариец, каким должен был всякий немец, если судить по эпосу о Нибелунгах.

Вот только, к своему огромному огорчению, ему вскоре пришлось узнать, что все достоинства могут стать недостатками, если предпринять некоторые шаги к изменению холостяцкого статуса.

Дагмар сразу сказала ему, что хотя ей дали все арийские права, но она на одну восьмую часть еврейка, а вот мать еврейка на четверть, а потому некоторых прав лишена.

Евреи «наполовину» уже за людей в рейхе не принимались. А уж о чистокровных юде и речи быть не могло, лишь желтая звезда на груди, как проклятая метка.

Фон Люка Нюрнбергские законы не испугали, и он, познакомившись с родителями жены, милыми людьми с происхождением и взглядами космополитов, решился поговорить с Дагмар всерьез и сделал ей предложение руки и сердца.

Та ответила согласием, как и родители, и обрадованный аристократ тут же подал рапорт по

команде с просьбой разрешить сочетаться браком с женщиной своего круга.

Отказ майор получил мгновенно. Оказывается, по правилам, утвержденным главкомом ОКХ, он не имеет права жениться на женщине, что принадлежит категории «одна восьмая».

Фон Люк от столь расистской формулировки потерял дар речи, но опомнился и вежливо поинтересовался в причине.

Оказалось все просто — будь он обычным капитаном, без креста на шее и родового «фона», то бракосочетание можно было бы организовать немедленно. Но так как Люк — старший офицер, «рыцарь» и аристократ, то пусть подберет женщину с незапятнанной кровью или хотя бы на «одну шестнадцатую».

Генерал Роммель ничем помочь не мог, но сделал все, чтобы отчаявшегося майора принял «отец панцерваффе». Но и Гудериан не смог прошибить с налета безумный закон. Однако, как ни странно, на помощь пришел сам главком люфтваффе фельдмаршал Геринг, имевший на самого фюрера влияние.

Герр Герман мог не то чтобы благословлять какие-то свадьбы, а вообще принимать в авиацию на службу тех, в ком хоть и течет еврейская кровь, но он сам или его предки имеют заслуги перед Германией.

ВВС считались чуть ли не расадником «истинно арийского происхождения» и были, как жена Цезаря, вне подозрений со стороны чиновников от НСДАП.

То ли несчастная любовь майора-танкиста, героя минувшей войны во Франции, тронула сердце фельдмаршала, то ли его хорошие отношения с Гудерианом, но главком воспылил гневной тирадой по отношению к бездушным формалистам и уверил Люка (хотя тому показалось, что в большей степени «Шнелле-Хайнца»), что немедленно уладит это несчастье.

К щекотливому делу тут же подключились юристы из люфтваффе. Опытные стряпчие быстро установили, что один из прадедушек Дагмар отличился в битве при Седане, был там ранен и награжден крестом.

Потому не имелось препятствий для того, чтобы разрешить девушке вступить вольнонаемной работницей с трехмесячным контрактом на службу в авиацию. И все — обычная немка «с одной восьмой» пропала, и фон Люк сразу получил добро на бракосочетание...

— Пойми, я не могу иначе, — фон Люк поцеловал теплую ладошку своей невесты. — Бракосочетание можно будет организовать весной, ведь требуется три месяца, а я должен выполнить приказ — мою дивизию направляют в Африку. Я обязан быть рядом со своим генералом, который нам так помог. Ты не беспокойся — Англия продержится еще пару недель, а там капитулирует. А значит, мне не придется воевать с британцами среди песков и барханов...

«Фельзеннест»

Несмотря на раннюю осень, в душе царил настоящая весна. Андрей чуть не подпрыгивал от распиравшего его душу ликования.

Какую пустышку вытянули англичане, сунувшись этой ночью в пролив, ставший впервые пустынным за эти горячие дни «Морского льва».

Вернее, не совсем таким и покинутым. В эту ночь германские конвои отстаивались в портах, зато все боеспособные корабли и катеры, способные нанести удар по крейсерам «Гранд Флита», были стянуты в Ла-Манш.

Два десятка подводных лодок, миноносцы, торпедные катеры приготовили англичанам горячую встречу, руководствуясь нехитрым, но знакомым Андрею способом, который на русском звучал весьма образно — «шире грязь, навоз плывет». И хоть последняя субстанция в воде вообще-то не тонет, но вот по отношению к продукции верфей это не относится.

Из крупных кораблей в проливе у немцев остался только один — счастливец «Тор»,

бывший датский «Нильс Джуэль», с успехом переживший несколько схваток с мелкими британскими кораблями (плюс еще пара совершенно случайно спасшихся эсминцев).

«Датчанин» уцелел потому, что вместо пары крупнокалиберных орудий, которыми вооружали этот тип кораблей, а потому бесполезных против стремительных эскадренных миноносцев, что гвоздили «броненосцы берегами охраняемые», как язвительно острили моряки, торпедами и массированным огнем скорострелок.

Это было великолепно продемонстрировано еще в Норвежской операции, когда немецкие эсминцы капитана цур зее Бонте лихо и без потерь отправили на дно два норвежских броненосца «Эйсвольд» и «Норге».

С «Тором» у англичан сей номер не прошел, даже когда его атаковал старый крейсер с пятью шестидюймовыми пушками: в ответ они получили залпы из десятка таких же орудий, к которым присоединились зенитные автоматы «Бофорс» — изделие шведских заводов считалось лучшим в мире.

Так что два крейсера, пусть и времен прошлой мировой войны, эсминец и пять более мелких британских кораблей стали жертвами удачливого «датчанина», отомстившего таким образом высокомерным британцам за временную оккупацию Исландии.

Родионов моментально сделал вывод: теперь все зависело от Шпеера, что обещался закупать шведские зенитки на «корню», как говорится, и главное — развернуть производство спаренных стабилизированных 40-мм установок на германских заводах.

Подобного эффективного оружия рейх не имел, и нужно было подсуеетиться первыми сделать заказы. Дело могло выгореть — в Стокгольме находился министр иностранных дел рейха фон Нейрат, который вел весьма непростые переговоры со шведами...

— Мой фюрер! Я считаю, что операцию «Стража на Темзе» следует начинать немедленно!

Начальник абвера генерал-лейтенант Йодль чуть ли не умоляюще посмотрел на Родионова, и тот правильно понял его взгляд. Действительно, десантники, летчики, моряки и танкисты овеяны славой, а три тысячи головорезов-диверсантов из военной разведки уже пять дней пребывают как на иголках, ожидая каждую минуту приказа.

Андрей сознательно придерживал в своем личном резерве столь грозную силу, надеясь всей душой на успех «Морского льва».

— Вы правы, мой милый Альфред!

С генералом Родионов был предельно ласков, тот зарекомендовал себя просто превосходно — разведка потрудились на славу, подавая «на верхи» проверенную и чрезвычайно важную информацию. Это стоило отметить, но не сейчас — награда должна стать более весомой, по крайней мере равноценной чину, что имел прежний руководитель абвера, виртуозно помогавший коварным англичанам.

— Сейчас порты и базы набиты искалеченными кораблями, особенно после вчерашнего разгрома, что получил их адмирал Соммервилл, попавший в подготовленный в Ла-Манше капкан и добытый утром нашими «штукасы». Вы не должны им дать взорвать или затопить флот — он потребуется рейху. И главное — верфи и заводы должны попасть к нам целыми и желательно с неповрежденными кораблями, которые на них строятся. Эти новейшие линкоры и авианосцы с крейсерами могут сослужить нам неплохую службу, ведь американцы вряд ли будут долго стоять в стороне. А мы должны успеть подготовиться к войне с ними!

Портсмут

«Ганомат» быстро катил по хорошей дороге, ничем не уступавшей по качеству знаменитым германским автобанам. После прорыва, в который в составе 1-й танковой дивизии панцерваффе был брошен «Лейб-штандарт», наступление протекало как по маслу.

Нет, англичане продолжали драться яростно, хотя и без прежнего накала и страсти, совершенно удивительных для всегда хладнокровных островитян.

Но именно драться, а не воевать по уму — храбрость имелась в избытке, а вот умения, подкрепленного танками и двухфунтовыми пушками ПТО, явно не наблюдалось, в отличие от боев у того же Дюнкерка.

И еще одно явление сильно удивляло рвавшихся вперед немцев: местное население не запрудило дороги, спасаясь в дикой панике от наступающего врага, как в Бельгии или Франции, нет, оно оставалось, причем совершенно спокойно, в своих домах.

Жители не выказывали страха, но и радушия тоже. Ну, это понятно — ни одного врага с подарками не встречают, но не так же: нет ни заискивания, как у французов, ни услужливости с тлеющими углями ненависти, как у тех же поляков, ни нордического спокойствия, что показывали датчане.

Англичане встречали немцев с надменным и нарочитым равнодушием, будто прибыли какие-то сборщики налогов. Уверенно общались, но рукопожатиями не обменивались и вели себя предельно вежливо и корректно. А власть оставалась на местах, а не бежала первой, как показали гастрономические почитатели квакающих лягушек.

Немцы поначалу совершенно искренне недоумевали, но вскоре все разъяснилось: британцы получили приказ правительства не покидать селения, дабы не затруднить маневр войскам, и сочли за честь его досконально, как они это и умеют, выполнить. И выстрелов не звучало, хотя те же поляки в первые дни войны начали партизанщину.

Даже эсэсовцы облегченно вздохнули — хоть и нужно, но все же крайне неприятно устраивать экзекуции и расстреливать заложников, взятых из родственного германцам народа.

Сам Майер объяснял столь нарочито выдержанное поведение британцев тем обстоятельством, что несколько долгих веков на остров не ступала нога завоевателей.

Вследствие этого местные жители, привыкшие чувствовать себя властелинами в любой стране мира, не говоря уже о колониях, сейчас просто не знали, как себя вести, и поступали согласно привычке, но учитывали, что в руках незваных гостей имеется оружие, каковое отсутствует у хозяев. Да и сами немцы сдерживались в проявлениях инстинкта победителя, вели себя скромно и вежливо с представителями властей, старались платить за каждую мелочь.

Приказ из ОКВ, подписанный фюрером, был суров и категоричен — любой злоупотребивший, независимо от чина и занимаемой должности, будет немедленно предан военно-полевому суду со всеми вытекающими последствиями.

А то, что фюрер не остановится в случае чего и перед страшной децимацией, никто не сомневался, благо во Франции имелся один прецедент. И хватило за глаза и победителям германцам, и побежденным галлам, которые сейчас, волею судьбы, стали союзниками, — уж больно обидели последних англичане, устроив наглое избиение их флота по всему миру, с ненавязчивым выдавливанием из колоний недавних хозяев.

Глава восьмая

«ГРОМ ПОБЕДЫ РАЗДАВАЙСЯ»

«Фельзеннест»

— Мой фюрер! Танковые группы генералов Гота и Гудериана соединили свои фланги у Саутгемптона. Все побережье Южной Англии в наших руках на восьмой день операции. Дальнейшее наступление развивается строго по плану — группе Гудериана к Уайтфорду с дальнейшим обходом Лондонского укрепленного района с северо-востока, а танковым дивизиям Гота на Оксфорд и в дальнейшем на Бирмингем...

Указка Манштейна уверенно ходила по карте, расчерченной синими стрелами и массой значков, в которых Андрей узнавал ромбы — обозначение танковых соединений.

Впечатляло — синих было вдвое больше красных. Но ряд других значков для Верховного главнокомандующего Третьего рейха так и остались за возможностью понимания, и ему зачастую приходилось делать только умный вид.

И вообще за последнее время он пришел к стойкому убеждению, что фюрер-то на капитанском мостике вермахта и не нужен. Дела в большинстве своем шли совершенно без его участия, и в большинстве случаев начальник штаба ОКВ ставил его в известность постфактум.

«А нужен ли я здесь?»

Родионов в который раз задавал себе этот вопрос, ставший чисто риторическим. И не только — Германия его продолжала удивлять и шокировать: все текло само собой.

Стоило ему отпустить вожжи и начать прижимать партийных функционеров, как сразу выяснилось, что реально управляют страной чиновники, а не партийные функционеры и гауляйтеры, поставленные или навязанные сверху, то есть от НСДАП, а точнее, им самим.

И если убрать сие крикливое, весьма наглое и вороватое руководство из старых партайгеноссе, от которого больше вреда, чем какой-либо реальной пользы, то это пойдет только на пользу стране.

«Дойчланд юбер аллес!» — «Германия превыше всего» — именно под таким девизом он начал кампанию по очищению страны как от «старых борцов» и тех, кто поддался разлагающему влиянию власти со всем производным от этого (даром что немцы, но рвачи могут быть похлеще русских), так и тех, кто ничего не вкусил, а потому остался вельми злобен на фюрера, что «предал социальную революцию».

Прямо троцкисты-утописты пивного разлива — рука так и тянется к ледорубу! Истинные большевики, «старые коммунисты» или «ленинская гвардия», только на немецкий лад.

Хорошо хоть «папаша» Мюллер оказался под рукою — старая полицейская ищейка имела на всех превосходное досье и прямо вцепилась, будто снова наступили двадцатые годы и он получил приказ пересажать всех активистов НСДАП.

Однако, к искреннему удивлению Андрея, оказалось, что Третий рейх есть относительно правовое государство — вожденная мечта советской интеллигенции времен перестройки.

Ни-ни, тут фюреру крепко били по рукам законники, попробуй он не то чтобы приказать расстрелять, а просто засадить надолго. Не то что в СССР с его 1937 годом и удобной, все объясняющей и основополагающей «пятьдесят восьмой статьей» и не Конституции, а самого «гуманного» УК — Уголовного кодекса.

Но партийные дела оказались внутри НСДАП, и тут можно было вовсю крутить, используя «подковерную» борьбу и всякие интриги. А потом обнаружилось, что есть и иные возможности, на которые его прямо натолкнул начальник гестапо, старый «папаша» Мюллер...

— Безвозвратно потеряно потопленными, сожженными и подлежащими ремонту до

тысячи двухсот плавсредств. Временно вышло из строя ввиду повреждений еще до четырехсот единиц. Потери частично восполнены за истекшее время передачей 78 паромов «Зибеля», 10 быстроходных десантных барж и переводом 42 транспортов. Данные меры позволили за счет большего тоннажа полностью обеспечить потребности войск на плацдармах и начать перевозку войск второго эшелона...

«Это англичане крепенько постарались — вся операция балансировала на острие ножа!»

Андрей только теперь понял, что «Морской лев» оказался не просто дерзкой, а немыслимо наглой операцией. Если бы люфтваффе не захватили воздушного господства, не перебросили истребители на плацдармы, да не будь заранее подготовлены две эскадры для нанесения ударов по кораблям, то вся затея с оккупацией Туманного Альбиона закончилась самой настоящей катастрофой.

Ведь тогда бы «Гранд Флит» и Королевские ВВС потопили не половину собранных с миру лоханок всевозможных видов, а все. И так еле удержали англичан, но продлись бои в Канале еще пару ночей, то все, хана. Как пишут на киноленте — конец фильма.

Повезло! Еще как повезло!

Лондон

«Что делать?»

Именно этот извечный русский вопрос крутился сейчас в голове сэра Уинстона Черчилля. Битву за Британию он не считал проигранной, ведь не раз бывало в истории, когда один день или случайность спасала не то чтобы армию, а государство.

А в голове маленькими молоточками стучали слова, им и сказанные четыре месяца назад, когда все парламентарии, даже самые тупые из «тори», осознали до глубины души и поняли, что только он, потомок славных герцогов Мальборо, способен вызволить страну из нарастающего военного кризиса. И привести, пусть через тернии, к победе, что сохранит Британскую империю, над которой никогда не заходило солнце, к новой славе, с новыми приобретениями, как бывало всегда.

«Вы спрашиваете, в чем состоит наша политика? Я отвечу: она в том, чтобы вести войну на море, на земле и в воздухе и использовать для этого всю нашу мощь и всю нашу силу, которую может дать нам Господь; вести войну против чудовищной тирании, равной которой нет в мрачном и достойном сожаления перечне человеческих преступлений».

Словно наяву проступили в памяти лица депутатов Палаты Общин — растерянные, непонимающие. Тогда еще никто не предполагал, какой катастрофой окончится для английской армии стремительное наступление нацистских орд, этих гуннов XX века.

Никто не ожидал тогда, что ситуация станет настолько скверной, но атмосфера сгустилась за эти дни, да и у многих неприятно сосало под ложечкой, словно у боксера в предчувствии сокрушительного удара в челюсть.

Только он, Уинстон Черчилль, в те минуты осознал, что поведет корабль империи через рифы и мели, штормы и качку, к вожденной бухте, где она обретет спокойствие и славу. Он должен передать это знание другим, а потому гордо бросил им свои слова:

— Вы спрашиваете, в чем состоит наша цель? Я могу дать ответ одним словом. Победа! Победа любой ценою! Победа, несмотря на весь ужас! Победа, как бы долог и тернист ни был путь к ней, ибо без победы не может быть жизни.

— Нет, война не проиграна! — Черчилль решительно поднялся с кресла. — И я вобью в голову министрам эту мысль!

Он твердо знал одно — империя может проиграть бой или сражение, но никогда Британия не проигрывала войну, пусть даже третью по счету, если первые две не приносили нужного

результата. Да и, в конце-то концов, силы Германии тоже не беспредельны!

Портсмут

По губам Хайнца Гудериана блуждала ироничная улыбка, проявляясь в уголках рта. Командующий панцерваффе с видимым интересом разглядывал первый крупный город, занятый немцами.

Действительно, очень приличных размеров город, с развитой заводской и ремонтной инфраструктурой, портом и военно-морской базой, а не те мелкие курортные местечки, которые были захвачены в первые часы операции.

Британцам не удалось разрушить портовые сооружения, или они не успели этого сделать (а может, просто не хотели этого делать), а потому снабжение высадившихся армейских групп теперь станет намного проще.

Разгрузка настоящих транспортов позволит содержать войска в полной мере и наладить переброску тяжелой техники, которая ранее доставлялась на плацдармы с превеликими трудностями.

Это будет не то прежнее нудное «кормление в час по чайной ложечке», что было, а нормальное, на котором можно сделать самые серьезные расчеты по наращиванию темпов продвижения танковых дивизий в глубь острова.

Генерал Гудериан еще раз скользнул взглядом по серым корпусам военных кораблей с изуродованными от взрывов надстройками и явственным следами многочисленных пожаров.

Однако в этом нечего было винить британцев — не их рук дело, не привыкли они уничтожать свои корабли собственными руками. Не переживали они и позор Скапа-Флоу, когда немецкие моряки затопили на этой английской базе полтора десятка линкоров «Флота открытого моря».

На брошенных крейсерах, среди которых выделялся огромными размерами «Ринаун», повсюду копошились маленькие человеческие фигурки.

Налаженная машина вторжения учитывала даже самые мельчайшие нюансы, а потому уже ночью были доставлены опытные германские инженеры и рабочие, которые должны восстановить порт и подготовить его к разгрузке транспортов, а также начать ремонт трофейных кораблей.

Так произошло в Дании, Норвегии и Голландии, где приспособили для кригсмарине все, что оставалось там на плаву, — экономным немцам годилось все — от маленьких, полностью устаревших броненосцев береговой обороны, построенных чуть ли не в начале века, до совсем ветхих крейсеров, что, наверное, помнили и век прошлый.

А тут, только в одном порту, в руки неожиданно свалилось такое невероятное богатство, что позволит полностью восполнить все потери, понесенные кригсмарине уже в эту войну, с лихвою, и даже больше...

— Ну, кто знал? — еле слышно пробормотал «отец панцерваффе», размышляя.

Действительно, цепь случайностей и привела его сюда как инспектора, но сейчас ставшего командующим танковой группой. Что поделаешь, на войне неизбежны потери. Прежний командующий Эвальд Клейст, под началом которого сам Хайнц бросил в наступление свои танки в Арденнах, погиб вместе со своим штабом той злополучной ночью, когда английские корабли прорвались в Ла-Манш.

«Фельзеннест»

«Нет, проводи „Зеелеве“ немцы *тогда*, то операция бы закончилась катастрофой!»

Андрей слушал доклад Манштейна, а сам продолжал размышлять о минувшем. При тех

условиях захватить господства в воздухе люфтваффе просто не смогли бы, ведь даже сейчас, после принятых еще в конце мая чрезвычайных мер по усилению фронтовой и морской авиации, с невероятным трудом удалось выиграть эту жизненно важную борьбу.

Однако потери оказались не просто большими, они приближались к чудовищным.

В двух воздушных флотах, что начали наступление на Британию, за месяц ожесточенных боев осталась в строю едва половина от прежнего парка, и это несмотря на все возрастающее производство истребителей и пикирующих бомбардировщиков, как и то, что в резервах фельдмаршалу Герингу удалось накопить вдвое больше экипажей, чем имели англичане. И едва хватило, что еще тут можно сказать!

Андрей был доволен — его план обескровить вермахт и люфтваффе не просто выполнен, а перевыполнен самым ударным трудом.

ВВС лишились около тысячи опытных экипажей, и эти потери продолжают ползти вверх по нарастающей.

В Канале же утонуло чуть ли не двадцать тысяч солдат и офицеров, полная дивизия по новым расширенным на четверть от прежнего штатам. И это очень большая цифра, ведь в боях на острове германская армия потеряла убитыми едва половину от этого числа.

— Мой фюрер! Английские истребители используют любую возможность для атаки наших гидросамолетов, занимающихся спасением летчиков. Они ведут огонь, невзирая на отчетливо видимые красные кресты!

«И правильно делают! Какая уж тут спасательная операция, если сбитый летчик снова садится за штурвал и пилотирует свой самолет на следующий день. Тут „Красный крест“ лишь так называемая военная хитрость, нарушающая нормы войны. Однако эти бестии британцы, поступая таким образом, действуют сугубо по двойным стандартам, поднимая в прессе вой, когда противник платит им той же монетой. И так же, с абсолютным цинизмом, действуют американцы!

Мы, мол, люди культурные, цивилизованные, и если там крошим кого-либо, добывая раненых, то поступаем так не из природной лютости, а по необходимости. Зато наши враги есть варвары, презирующие все нормы международного права, а потому с ними следует только так и обходиться. Приучая соблюдать великие демократические ценности.

Да тьфу на вас!

Полмира под себя подмяли, людей в колониях даже за скот не держат — ибо животное, если к ней плохо относиться, сама перемрет, и доход от худящей коровки не получишь. А негры, или сипаи, или еще кто — ну разве это цивилизованные люди, с точки зрения англо-американцев?! Были бы, так к пушкам бы не привязывали или не травили оспой одеяла, щедро раздаваемые индейцам, от которой те дохли словно мухи, очищая для джентльменов территорию с ее богатствами. Типичные двойные стандарты, замешанные на лжи, цинизме, жестокости и алчности!

Как там их президент Рузвельт сказал: „Господь предназначил только нам управлять и владеть миром!“. Сказано открытым текстом — и еще есть полные идиоты, что им продолжают верить и в рот заглядывают. А на массу совершенно противоположных примеров эти одурманенные безумцы или подлецы, что одно не отменяет другого, просто не обращают внимания. Очарованы сладкими напевами заокеанской пропаганды! И не помнят, что нужно верить не словам, а только делам! Нет, этот номер сейчас у них не пройдет, и если все закончится так, как я решил, то мы со Сталиным их под нары пинками загоним, где самое место!»

— Подготовьте меморандум, Эрих. Пусть ваши офицеры наглядно опишут все случаи творимого британского зверства! И рейхсминистр Геббельс еще добавит от своего ведомства

фактов, да и исторических примеров достаточно. И мы немедленно примем ответные меры, и такие жесткие, что навсегда отучим их творить военные преступления!

Лондон

— Джентльмены, еще не все решено! Исход нашей справедливой борьбы зависит от стойкости как нашего народа, так и правительства. Война должна вестись до победного конца!

Черчилль говорил с яростным напором, ибо сам верил в то, что сейчас говорил министрам своего правительства, многие из которых стали предаваться совершенно неуместному пессимизму. Особенно это касалось тех министров, что курировали социально-экономическое положение, а оно стало далеко не блестящим.

Отвечавший за пищевую промышленность собственно Британии лорд Вульстон довольно мрачно оценивал перспективы продолжения упорной борьбы, отмечая быструю перспективу нарастающего голода, ибо внешнее поступление продовольствия из колоний и нейтральных стран значительно сократилось.

Определенную роль сыграло в этом именно то неблагоприятное политическое положение, в котором очутилась страна, и в не меньшей степени минирование портов, проводившееся немцами с воздуха. А голод, как известно, весьма страшный противник, которого не победить пустыми политическими декларациями.

Его поддержал министр снабжения Герберт Моррисон, обрисовавший незавидное положение промышленности вследствие перебоев в поставках сырья.

И хотя немцы практически не бомбили ряд важных заводов, но производство истребителей, достигавшее полтора десятка машин в день, сократилось в половину, а то и на две трети. Это касалось и других отраслей, везде прослеживалось падение промышленных мощностей, вызванное парализацией железных дорог, которые настойчиво выводились из строя бомбежками люфтваффе.

Упаднические настроения выступавших усугубил министр внутренних дел Джон Андерсон, который рассказал о ряде вопиющих случаев, когда среди британцев, воюющих за свою страну, находились в большом количестве те, что занимались мародерством.

Немалую роль сыграли в этом листовки и радиопередачи коварного врага, а также группы диверсантов, что начали свою подрывную работу, сталкивая страну, и так балансирующую на краю, в бездну хаоса.

Но Черчилль парировал тем, что империи немедленно помогут США, а имеющиеся в английских домах запасы позволят продержаться несколько недель до прибытия масштабной и весомой помощи.

Также сэр Уинстон упомянул про большой конвой, следующий из-за океана, — бывшая колония всячески старалась помогать метрополии, и не за просто так, как думали министры правительства Его Величества.

Цена, заломленная Америкой за свое участие, оказалась прогнозируемой. Куски имперского тела — вот чем можно было насытить родственную по языку и крови страну.

Первый шаг Черчилль сам охотно сделал вперед — за полсотни устаревших и слабых эсминцев, построенных еще в прошлую войну, он отдал на полвека в аренду предприимчивым янки военно-морские базы в Вест-Индии.

Корабли Британии были не нужны, своих хватало, но тут главным являлось то, что формально нейтральную Америку удалось таким образом фактически втянуть в войну.

Сейчас сэр Уинстон Черчилль собирался сделать второй шаг, без которого в США вряд ли скоро сформируется нужное «общественное мнение», и промышленно-финансовые круги, стоящие за президентом Рузвельтом, уже открыто начнут военные действия против рейха,

ослабление могущества которого должно стоять первым вопросом, без ответа на который бороться за мировое господство невозможно.

Черчилль тяжело вздохнул, чувствуя, что империя может превратиться в «навечно младшего брата» заокеанского партнера. Но, по крайней мере, выгоднее поделиться со своим, может, что-нибудь перепадет от него и обратно, чем отдавать непосильным трудом нажитые владения врагу.

Вот только как-то нехорошо получится, ведь такой шаг придется делать в ущерб и за счет английского народа, ценой его жертв, но другого выхода не оставалось, и сэр Уинстон Черчилль решительно начал говорить...

Хельсинки

— Странные дела творятся в королевстве датском! Весьма странные, я бы так сказал...

Голос престарелого маршала глухо прозвучал в тишине кабинета. Карлу Густаву Маннергейму, бывшему генерал-лейтенанту русской армии, обрусевшему шведу, ныне ставшему главнокомандующим финской армии, герою «зимней войны», в последнее время стало очень неудобно. В душе, а не физически: было отчего задуматься. И не только ему...

Маршал взглянул на фотографию и краешками блеклых губ улыбнулся последнему российскому императору Николаю Александровичу Романову, которого зверски убили вместе со всей семьей и прислугой большевики в далеком 1918 году.

Но те странные слова, относящиеся к Гамлету, которые он сейчас произнес, относились не к Датскому королевству, а к той непонятной политике рейха, которая стала осуществляться в последнее время. Очень даже странная политика!

Маршал, этот старый аристократ, откровенно презирал большевиков и нацистов, ставя их на одну доску. Но к их лидерам отношение было другим — к Сталину опасно-уважительное, а к Гитлеру в большей мере брезгливое. И вот этот «бесноватый» фюрер начал выкидывать номер за номером, что заставляло усомниться в его ненормальности и истеричности.

В мае финские политики, боясь очередной войны с СССР и лихорадочно ища союзников, провели зондаж в Швеции, в соседской стране, что являлась когда-то метрополией и от которой Финляндия была оторвана русскими после войны 1809 года. Речь шла об унии двух государств под скипетром престарелого короля Густава: вполне понятная для соседей мера — над шведами нависали нацисты, захватившие Данию с Норвегией, а над финнами падала гигантская тень СССР, только что отнявшего в недавней войне всю приладожскую Карелию с перешейком.

Тогда все кончилось крахом — нацисты с коммунистами встали в третью позицию и пригрозили, что если данная уния состоится, то...

Шведы с финнами отступились сразу — угроза была настолько действенной, что спровоцировать судьбу эти два близких скандинавских народа не стали — слишком дорогой могла оказаться цена за несговорчивость. И стали готовиться к обороне в одиночку, молясь в душе, чтобы великие державы не поделили их между собою полюбовно.

Как ни странно, но данная позиция «мышь под веником» принесла определенный успех в июньские дни, когда Сталин начал кардинально разрешать прибалтийский вопрос.

Маннергейм в эти дни испытывал раздирающие душу противоречивые чувства и затаенную горделивую печаль от ощущения, что русские начали собирать имперское наследие, вот только устанавливая большевистские порядки, которые ни один нормальный здравомыслящий человек принимать не пожелает, только под угрозой расстрела.

Было и тихое злорадство над прибалтийскими странами, которые, струсив, оставили финнов воевать в одиночестве, а сами предпочли унизиться. Теперь они платят по счетам, еще раз подтвердив старую истину. Но для жителей земли тысячи озер это лишь отсрочка времени и

повторной войны с СССР — в Москве не успокоятся, пока не покончат со строптивым соседом.

— Если то, о чем говорят в Стокгольме, окажется правдой, — прошептал маршал, боясь даже громким словом сглазить появившуюся надежду, — хотя бы наполовину, то, значит, наш «бесноватый» фюрер приобрел ум. Но... Но тогда переговоры мы будем вести не с нацистами. Нет, не с нацистами, а просто с немцами. А это совсем другое дело, ибо, избежав одного зла, мы попали бы в объятия другого!

«Фельзеннест»

— Гром победы, раздавайся, веселися, храбрый росс!

Андрей во весь голос подпевал допотопному магнитофону с весьма посредственной записью русских песен. Он делал поразительные успехи, ухитрившись за три месяца восстановить знание русского языка.

Впрочем, для его ближайшего окружения лингвистическое трудолюбие фюрера уже вошло в поговорку, а потому никто не удивлялся успехам, их принимали как должное, как еще одно несомненное свидетельство гениальности фюрера.

Много ли человеку надо в суровые трудовые будни — песни послушать для разрядки, пару рюмок принять для снятия стресса да хоть на немного отключиться от изматывающих тело и душу обязанностей.

За эти десять сумасшедших дней он и спал чуть-чуть, вроде только прикрыл глаза, и на тебе — вставайте, вершите судьбу кампании, Адольф Алоизович, сукин вы сын!

Но все хорошо, что хорошо заканчивается. Сегодня Андрей впервые уверовал в благополучный исход Британской кампании. Да, у англичан имелось на острове три десятка дивизий, из них две танковых, примерно полмиллиона человек в их рядах...

Только танков едва триста штук осталось, треть из которых легкие в пять тонн, по сути танкетки. Вот она цена глупого и безграмотного использования бронетехники. Вместо того чтобы объединить обе дивизии в кулак, поступив по принципу Гудериана — «бить так бить», и скинуть немцев с близкого к Лондону плацдарма, британцы одну раздергали чуть ли не по эскадронам, а вторую разделили на две бригады и кинули в бой, причем одновременно, на оба плацдарма.

Да еще глупо атаковали — без поддержки пехоты и артподготовки, прямо на знаменитые «8-8», которые их превратили в груды дымящегося железа. Правильно утверждают злые языки, что британцы уперты до ослиного упрямства. Бои во Франции их ничему не научили, и они совершили те же самые ошибки, не пропустив ни одной.

Так что просто несправедливо, когда говорят, что самый любимый вид спорта у русских — наступить на грабли. Англичане тут вполне могли бы посостязаться и даже вырвать венок победителей.

А потому Андрей без смеха встретил донесение авиаразведки — судя по снимкам, островитяне пошли на беспрецедентные меры — сняли с постаментов и вытащили из музеев танки времен Первой мировой войны, эти ромбовидные чудовища с тонкой броней, и вполне серьезно рассчитывали, что им удастся отразить германское продвижение в глубь острова.

Орудий в английских дивизиях ощущалось, несмотря на принятые меры по их производству, как говорится, полное наличие отсутствия: не более трех десятков стволов плюс дюжина двухфунтовых ПТО. Последних катастрофически не хватало, и как остановить германские танки таким мизерным количеством, сами британцы совершенно не представляли.

Дрались отчаянно, тут все немцы, от солдата до генерала, отдавали им должное. Но неумело, неорганизованно, оттого их плохо обученные солдаты несли огромные и совершенно напрасные потери.

Так что прибытие войск второго эшелона вермахта ставило жирный крест на попытках остановить вторжение — теперь судьба Туманного Альбиона была предрешена.

Однако имелся один фактор, который несколько портил радостное предвкушение триумфа и с которым ничего нельзя поделать.

Погода начинала портиться, ожидались весьма вероятные сильные ветра с дождем и, возможно, шторм. Вот это самое плохое — если пролив будет опасен для прохода транспортов, то ситуация на фронте может крепко осложниться для немцев. Правда, Манштейн был убежден, что даже в случае недельного шторма германские войска удержатся, слишком очевидным являлось их преимущество в силах над противником.

Причем не в численности, удалось высадить только дюжину дивизий, и еще четыре стояли в очереди на погрузку, а в подготовке солдат и тактике ведения боя. Так что полностью прав великий Суворов: «Воюют не числом, а умением!»

Андрей встал с удобного кресла, подошел к шкафчику, достал бутылку, налил рюмку и посмотрел в зеркало — там улыбался фюрер с косой челкой и узкими усиками над губой, торжествующе сверкая глазами. Да еще поднял рюмочку, приветствуя, падло!

— Прозит, Адольф Алоизович. За ваше здоровье, лучший друг немецких физкультурников! Теплая сладкая жидкость обожгла пищевод, и Андрей зажмурил глаза от удовольствия. Неплохо! Жаль, что мало. Но за здоровье выпить не грех, а потому между первой и второй перерыва не случилось.

Состояние того, за что он только что выпил, за последние месяцы, несмотря на нервную должность, значительно улучшилось. Отказ от вегетарианского питания привел к прекращению газообразования, и Андрей теперь не маялся с животом и перестал глотать таблетки горстями.

А то как-то нехорошо получалось — идет совещание, и тут издаются неприличные звуки. Генералы, правда, воспитанные люди и вида не подают, будто не слышали ничего порочащего. Зато что они подумали, понятное дело, остается неизвестным, но предположить можно. Крепким словом, это уж точно, мысленно выражались!

Лондон

— Мы должны показать всему миру нашу решимость вести борьбу с захватчиками, несмотря на некоторые затруднения, с которыми столкнулись! И дать адекватный ответ их бомбежкам нашей земли. А потому следует нанести удары по Берлину, Гамбургу и другим городам Германии, дабы подлые агрессоры убедились в этом!

Решительное заявление Черчилля произвело определенное впечатление — министры переглянулись. У всех на лицах практически одновременно появился один животрепещущий вопрос: «А что будет с нашими городами, если немцы ударят в отместку?!»

— Да, я понимаю, что бомбардировка ночью подведет к тому, что наши «веллингтоны» могут попасть в жилые кварталы, а это неизбежно приведет к жертвам среди мирного населения. Но идет война, господа, и подобные издержки на ней обычное дело. Мы можем только выразить свое самое искреннее сожаление подобным случаям, но предотвратить возможные промахи не в состоянии...

Премьер-министр сделал весьма многозначительную паузу и обвел притихших министров взглядом. Затем продолжил крепчающим с каждой секундой голосом:

— Если же эти современные гунны нарушат все обычаи ведения войны и прибегнут к террористическим бомбежкам мирного населения Англии, наш народ сплотится в своей справедливой борьбе против этих закостенелых и жестоких варваров, которых не знала история со времен Аттилы. А весь свободолюбивый мир, увидев новые гнусные преступления нацистов, встанет на нашу защиту, за торжество демократии и прогресса!

Министры молчали, но и повода у них не имелось — как-то не принято в среде джентльменов называть вещи своими именами. Но если новые жертвы вражеских бомбардировок позволят подтолкнуть Америку к войне, то они пойдут на благо империи. А потому зачем тогда комментировать столь нужное заявление главы кабинета?

— Джентльмены! Мы должны навязать нацистам борьбу за каждый фут нашей земли! Божественное провидение никогда не оставит нашу страну, как в те дни, когда к английским берегам шла «Непобедимая армада» испанцев. Об этом говорят и в метеорологической службе — осенние шторма придут рано и будут долгими!

Лица министров вытянулись от радости, несмотря на традиционное британское хладнокровие.

Вот это было крайне важно — в осенние шторма, если они будут сильными и долгими, немцы много не перевезут на остров. Даже если перебросят что-нибудь, так это будет малость.

Нет, божественное провидение — слишком серьезная вещь, которая уже однажды спасла Англию! И раз эта прожженная политическая лиса прибегла к последней надежде на нее, то дела будут швах, если приближающаяся непогода не захлестнет весь Ла-Манш высокими волнами. Вот тогда...

А Черчилль, почувствовав верхним чутьем политика некоторый наметившийся перелом в настроении, продолжал напористо наседать на своих собратьев по министерским портфелям.

— Мы должны выиграть время. Главное для нас — время, которое потребуется для затягивания войны! Оно позволит провести реорганизацию нашей армии и получить долгожданное вооружение и истребители из Америки, которые прибудут на днях. Как и большая партия пилотов ВВС этой страны, что решили волонтерами принять участие в нашей совместной борьбе против злейшего врага рода человеческого!

Глава первая

«БУДЬ ЗДРАВ, БОЯРИН»

Берлин

— Мой фюрер, такое событие мы должны отметить!

Молодая женщина посмотрела с такой мольбой во взоре, что Андрея чуть ли не передернуло.

За эти два месяца он разобрался, наконец, со статусом Евы Браун. Вроде как любовница, но которую нельзя показать никому, но можно попользоваться втихую — ибо германский вождь должен оставаться в глазах всего народа абсолютно целомудренным.

С другой стороны, у молодой женщины, которую настоящий Гитлер запрятал в своем Бергхофе, возложив на нее обязанности домохозяйки, конкретно «съезжала крыша» от нереализованных желаний — от социальных до гормональных. Отсюда и некоторые странные поступки. Ну, ладно бы гольшом купаться в горах или на турнике крутиться, ведь там она полновластная хозяйка. Но в рейхсканцелярии?!

— Хм!

Родионов хмыкнул, улыбка тронула его губы — просто он увидел однажды, что, проходя мимо комнаты любовницы фюрера, куда была раскрыта дверь, молодой фельдъегерь заглянул внутрь и споткнулся, едва не налетев лбом на стенку, и с пунцовым лицом чуть ли не промчался мимо, не заметив рейхсканцлера. Андрей тогда сильно заинтересовался происходящим и сам заглянул, тихонько, на цыпочках подобравшись к двери.

Стриптиз, право слово...

— Достань-ка бутылку из шкафчика. Ты права — за такое выпить не грех, а великая польза!

У женщины чуть вытянулось лицо, и Андрей подумал, что она, по бабской своей сущности, будь хоть немка или русская из Рязани, несколько превратно истолковала произнесенные им слова. Вроде как «отвяжись, милая, я не стебарь, а бухарь».

«Ни хрена, ты уже привычная. Сама ведь знала, что нужна Гитлеру в качестве средства удовлетворения редких физиологических потребностей, ибо ничто человеческое нашему Адольфусу было не чуждо. Кроме души, конечно. А теперь хочешь, даже жаждешь изменить свой статус, получить права если не жены, то признанной любовницы. Оттого и гольшом скачешь, на глаза другим попадаешься в весьма соблазнительном виде. Ревность вызвать хочешь? Ну-ну, флаг тебе в руки и барабан на шею».

Мысли текли медленно, а слюнки так вообще не появились, пока Ева Браун, соблазнительно изгибаясь, заставляла маленький столик блюдами, водрузив на него бутылку настоящей русской водки с запотевшим стеклом и капельками влаги.

Картина достойная кисти великого художника.

— Прозит! — Андрей поднял заполненную до краев рюмочку и закончил на русском: — Будь здоров, боярин!

— Ваше здоровье, мой любимый вождь...

Хорошая водка остановила свой ход по пищеводу, обжигая его, — от русских слов, произнесенных женщиной, Родионов поперхнулся. Еще немного, и выпитая рюмкой водка пошла бы обратно, но усилием Андрей сдержал этот произвольный позыв, задавил на корню малосольным огурчиком. И полегчало, хотя на глазах выступили слезы.

— Ну, ты даешь, так и подавиться можно. Как ты выучила язык? Он же трудный для немца, по себе знаю.

— Я не понимаю многое, что вы сказали. Очень быстро...

— А, понял!

«Это же понт, она не знает языка», — спохватился Родионов и повторил им сказанное уже на привычном немецком языке, продолжая пребывать в состоянии некоторого ошеломления.

— Я видела, как вы настойчиво изучаете язык, и пригласила в Бергхоф несколько знающих специалистов русской речи. Они из СС, а один от доктора Геббельса. Сейчас все, зная, что Россия есть наш союзник, и видя, какие титанические усилия вы, мой фюрер, прилагаете для изучения языка, тоже взялись за его освоение.

— Однако, — только и сказал Андрей, покрутив головою. И будто в первый раз в жизни посмотрел на женщину, сидевшую напротив. Ева была в простой одежде — вышитая народная рубашка, чем-то напоминающая славянскую, хорошо сочеталась с такой же длинной юбкой. Сплошная деревенская пастораль!

Но она-то и тронула сейчас его сердце, напомнив знакомый с детства хутор в предгорьях своенравной Кубани. Он посмотрел на стол, только сейчас поняв, что закусил огурцом, а не сухим печеньицем, что было слопано во время первой их встречи.

А ведь ждала и все его вкусы учитывать стала, взяв поваров с русской кухни. Все знали, что по вторникам и воскресеньям фюрер стал предпочитать славянские блюда, вот и расстарались под приглядом хозяйки.

К чудненькой водочке предлагалась разнообразная, но в крайне ограниченном количестве весьма приличная закуска — маленькие соленые огурчики, тончайшие пластики буженины и сыра, кусочки копченой оленины, несколько овощных салатов в крохотных чашечках и рыбное заливное с кружочками моркови.

А хлеб его личный — хорошо пахнувший ржаной, в полном соответствии со вкусами «визави» — тому он так понравился в гостях у одного пекаря, что выпекался им по старинному особому рецепту. Потому эти ржаные хлебцы доставляли ежедневно, для чего задействовали небольшой самолет связи, прикрепленный с другим авиапарком к рейхсканцелярии.

— Я твой должник, Ева, — совершенно искренне произнес Андрей после второй стопки, налегая на закуску. — В Ставке кормят из солдатского котла, вкусно и питательно. Но разнообразно, а ты молодец!

— Я обязана сделать все для вашего удовольствия, мой фюрер!

Женщина произнесла слова очень тихо, но с такой завлекающей хрипотцой, что внутри ярким костром вспыхнуло желание. Ну что ж, сегодня он этой ночью отблагодарит ее так, что Ева сие надолго запомнит. И это верно — ведь долг завсегда платежом красен!

Лондон

— Это катастрофа!

Сейчас, находясь в одиночестве в кабинете, Черчиллю не было нужды обманывать самого себя. Он преждевременно раскрыл карты и оказался в проигрыше — Гитлер его, старого прожженного циника, обхитрил как младенца. И теперь он должен покинуть свою родину, дабы не оказаться в плену у этого чудовища, потому что будет посажен в железную клетку в Берлинском зоопарке, где каждый посетитель, попивая пиво и смеясь во всю луженую глотку, сможет вдоволь посмотреть, потыкать в его сторону толстым пальцем, как на редкую диковину.

— Я буду продолжать борьбу и еще схвачу Адольфа за глотку! Он заплатит за это унижение!

Черчилль не рыкнул львом, что красовался на коронном гербе, а скорее прошипел коброй. Он прекрасно понимал, что ничего сделать уже не сможет. И его имя, потомка славных герцогов Мальборо, войдет в историю страны рядом с именем несчастного короля Гарольда.

Вот только погибать напрасно, защищая с винтовкой в руках лондонские баррикады, сэр

Уинстон не желал категорически — его жизнь еще потребуется Англии, которой он и послужит, и приведет к триумфу.

Злая судьба посмеялась — все надежды пошли прахом!

Осенние сентябрьские шторма оказались слишком слабы. Их бы хватило на те мелкие лоханки, что англичане топили десятками и сотнями. Теперь за них это сделали морские волны, но...

Запоздалая оказалась помощь погоды — проклятые «боши» захватили на побережье порты и смогли приводить туда большие транспорты, которым шторма не являлись такой серьезной преградой, как баржам, понтонам и катерам. Если бы Королевские ВВС продержались хоть на пять дней больше, то помощь из США и пилоты прибыли бы вовремя. Тогда немцы не смогли бы захватить аэродромы или ввести их в действие до штормов, а там...

Слишком много этих самых «если» получается, и странно то, что все случайности пошли на пользу Гитлеру, будто тот их подгадывал, а не Британии. Бомбежка Берлина должна была вызвать налеты на Лондон, но этого не произошло. Наоборот, даже пресса нейтральных стран, несмотря на все давление Форин-оффис, осудила действия РАФ, приведшие к жертвам мирного населения. Что же говорить о яростных обличениях доктора Геббельса, который, как показалось Черчиллю, словно поджидал эти ночные бомбардировки как манну небесную!

Нужный эффект не был достигнут, а потому настойчивые попытки вовлечь в войну США оказались бесплодными. Сформировать нужное общественное мнение оказалось непосильной задачей, ибо позиции изоляционистов, проириландского и прогерманского лобби оказались прочнее, чем виделось на первый взгляд.

И, хуже того, именно американцы уже начали дележ наследия своей бывшей метрополии, баз в обмен на эсминцы им оказалось мало, они только раззадорили чудовищный аппетит заокеанской державы.

Париж

— Такого в моей жизни я еще не видел. — Старый маршал тяжело поднялся с кресла — все же давным-давно разменял девятый десяток. — Прямо уподобились валахам, для тех привычное дело из лагеря в лагерь переходить. И мы туда же!

Анри Филипп Петен вздохнул, глядя в окно президентского дворца на поднимающийся шпиль знаменитой Эйфелевой башни. А ведь он хорошо помнит те почти забытые людьми времена, когда этого решетчато-ажурного-сооружения не имелось и в помине, а все французы, как один, жаждали реванша за отторжение пруссаками Эльзаса и Лотарингии.

Победа пришла через три десятка лет, и провинции снова вернулись в лоно Франции, хотя цена была взята кошмарными потоками пролитой на полях сражений крови.

И вот новая война, в которой его страна, воюя с немцами один на один, потерпела столь же жуткое поражение, даже катастрофа произошла в одном и том же месте — под Седаном. Он не воевал тогда, слишком молодым еще был, но на всю жизнь запомнил вражеских улан в островерхих касках, что с высокомерием на лицах рассматривали Париж и весело переговаривались на лающем языке.

Но то, что произошло после заключения перемирия, ошеломило старого вояку ничуть не меньше, чем внезапный, а оттого устрашающий разгром, что устроили «боши» наследникам славы Марны и Вердена.

Предложения, сделанные Гитлером в Компьене французской делегации, были настолько невероятными, что Петен в них поначалу не поверил. Но не может же враг быть настолько великодушным?!

Так просто не бывает!

Но удивление прошло, уступив место признательности, чувству, которое зачастую неведомо политикам, но военным близко. И то, что те условия немцами строго придерживались, без малейшего желания принести себе наибольшую выгоду из победы, несколько рассеяли недоверие и подтопили лед вражды между народами.

И самую большую и неожиданную роль в укреплении взаимоотношений сыграла Британия! Да-да, именно англичане, устроив беспощадное избиение французского флота в алжирских портах, вызвали всплеск оскорбленного самосознания.

И это варварство, без объявления войны, коварно и подло, что свойственно англичанам, совершили так называемые союзники. Недовольство, а потом и ненависть к высокомерным джентльменам приняли широкий размах. Народ не понимал, зачем британцам нужно было истребить тысячи французских моряков, особенно после действительно великодушных германских предложений, которых никто не мог представить даже в самом остром приступе маниакального пацифизма и всемирного гуманизма.

И перед всеми истинными патриотами моментально встал вопрос: так кто же истинный враг и погубитель Франции?!

Немцы, которые не воспользовались плодами победы, или англичане, что стали рвать побежденного союзника на части, прибирая к рукам его наследие?!

Берлин

— Милый Шпеер, я познакомился с результатами вашей деятельности на посту рейхсминистра по делам вооружений и доволен достигнутыми результатами!

Андрей говорил правду, ничуть ни кривя душою, а искренне радуясь, что сам отобрал столь нужного и преданного человека, не боящегося с ним спорить и доказывать свою правоту.

Молодой архитектор оказался просто дьявольски сообразительным — вот оно, преимущество инженерного образования, математического мышления и строительной смекалки. Да еще совершил невероятный подвиг, хотя и оттоптал многим чинушам любимые мозоли, наведя порядок в военно-технических свершениях Третьего рейха.

Одним из первых накрылось изготовление чудовищного монстра — огромной пушки калибра 800 мм, под чудным названием «Дора». Какая моча ударила настоящему Гитлеру в мозги, что приказал создать на многие миллионы марок это уродство, абсолютно ненужное?

С любой задачей, что могла совершить эта пушка, выбрасывая одним выстрелом труд сотен рабочих, легко бы справился «лаптежник» — тихоходный пикировщик Ю-87. А стоимость и сравнивать бесполезно, это как настоящий, навороченный всеми прибабасами «600-й» «мерин» охреневшего от шальных денег «нового русского» рядом с детским пластмассовым автомобилем замызганного мальчика из трущоб, с мелкими выплавленными буквами «маде ин чина».

И пошло, и поехало — под «реформаторский нож» пошли мощные пушки на железнодорожном ходу, строительство бетонных укреплений и береговых батарей, проектирование чудовищных суперлинкоров и прочие «большие игрушки» для маленьких генералов и адмиралов.

Не наигрались, дяденьки, растратчики бюджета! А еще пеняют на традиционную русскую расхлябанность и вороватое чиновничество!

В конце концов Шпеер добрался до СС — к великому изумлению Андрея, оказалось, что данная организация «сосала» бюджет Германии со скоростью мощного пылесоса. Причем львиная доля марок, с доход не совсем маленькой европейской страны, уходила на таинственную работу загадочного института «Аненербе», или «Наследия предков».

Настоящий фюрер не мог не знать, конечно, чем эта структура занимается и для чего

нужны полсотни разного рода научно-исследовательских учреждений, с тысячами работников и закрытыми лабораториями, с весьма приличными окладами жалованья. Родионов не удержался от любопытства и потребовал самого детального отчета, на ознакомление с которым потребовалась неделя напряженного чтения и размышлений.

Творчество Вагнера, таинственный Грааль, катарские секреты Монсегюра и Бальмунга, легендарного меча Зигфрида — многие тысячи других проектов, изучающих чуть ли не все страницы истории, с ее загадками и легендами. Все это дело не просто финансировалось — крайне экономные германские чиновники не скупились даже на самые невероятные исследования типа изучения музыкальных тактов.

Родионов сгоряча хотел прихлопнуть эту лавочку, на которые уходило средств на порядок больше, чем потратили прагматичные янки на создание ядерной бомбы. Но, хорошо подумав, впал в оцепенение. Большинство исканий не больше чем глупость, однако имелись и такие, что поневоле придешь к выводу — создание «вундерваффе» было не пустой угрозой шарлатанов, а зиждилось на весьма реальных и перспективных наработках. Начиная от звукового оружия на высоких и низких частотах и кончая странными аппаратами, похожими на «летающие тарелки».

Вникать глубоко Родионов не стал, опасаясь конкретно сдвинуться «по фазе» от чудовищного объема информации, и с нескрываемой радостью и облегчением в душе переложил все это дело на Шпеера, дав тому все нужные прерогативы.

Теперь же с удовлетворением, попивая натуральный кофе с прекрасным ликером, Андрей знакомился с итогами работы Министерства вооружений за летний квартал. Подспудно он вспоминал минувшую ночь, невольно краснея от полученного неслыханного прежде им, в смысле фюрером, удовольствия, но, быстро отринув из головы понравившуюся теперь и ему самому женщину, полностью сосредоточился на работе.

Новые разработки стали вестись целеустремленно и с истинно немецким педантизмом. Реактивные истребители, баллистические и крылатые ракеты, вертолеты, панцерфаусты, радиоуправляемые бомбы, автоматы под промежуточный патрон, радиолокационные установки, океанские подводные лодки с мощной аккумуляторной батареей (Андрей припомнил про знаменитые проекты кригсмарине конца войны с поточной сборкой) и многое другое — все это начало разрабатываться, строиться и усовершенствоваться, не считаясь с тратами.

Особое место заняла подготовка к созданию атомного оружия. Родионов вывернулся перед Шпеером чуть ли не наизнанку, выдав все, что знал — про плутоний и графитовые стержни, коснувшись мимоходом и полупроводников. До открытия последних, как он знал, больше десяти лет.

На разработку и создание действующего образца ядерной бомбы фюрер отвел никак не больше четырех лет, со снятием всех ограничений по любым, в том числе расовым, статьям, для привлеченных к делу нужных ученых и специалистов.

Причем дал личную гарантию и по членам семьи и родственникам. Да что там махровый еврей, пусть хоть чистокровным негром знающий ученый будет, но маститые чиновники из расовой службы в два счета и с пеной у рта докажут, что прадедушка у того был абсолютно чистокровным, истинным арийцем. Сомнение в том будет рассматриваться как государственная измена со всеми вытекающими последствиями!

А чтобы избавиться от гестапо и СС, да еще потом высокомерно смотреть на парней Гиммлера и на их фуражки с черепами на тульях презрительно поплевывать, господи ученые, доценты с кандидатами, наизнанку вывернутся, за малым перпетум мобиле изобретут, а не то что «ядерную бомбу». Но дело это нужное и крайне важное и мелочиться в нем нельзя, бросив все для достижения нужного результата — ибо против такого аргумента даже наглые янкесы не попрут, хватит сообразительности.

И пальцы высокомерно гнуть не станут — это им не Нагасаки с Хиросимой в пепел обращать, ибо на развалины Сан-Франциско и Вашингтона они вряд ли захотят любоваться!

Лондон

— Сын старой шлюхи Гудериан просто берет нас за горло!

Черчилль грязно выругался, всеми фибрами души ненавидя командующего танковыми войсками Германии, в то же время отдавая ему должное, ибо страх помимо воли все чаще и чаще показывал себя.

Германские бронированные клинья распороли страну ровно посередине и теперь расходились в стороны, устремляясь одной группой к Ливерпулю, а другой глубоко обходя Лондон с севера и быстро двигаясь к восточному побережью Англии. «Боши» могли позволить себе бить не крепким кулаком, а растопыркой стальных пальцев — слишком велик их перевес в силах, и уверенность оттого только больше возрастала.

Измученные и обескровленные в долгих боях британские войска отходили. Вначале пятась и ожесточенно огрызаясь, теперь, после прорыва фронта, отход кое-где превратился в паническое бегство с надеждой добраться до ближайших портов и эвакуироваться за океан. И ничего с этим нельзя было поделать — все военные, от солдата до генерала, прекрасно понимали, что оккупация Англии — вопрос нескольких дней.

Осознал это и премьер-министр Англии, разрешивший начать эвакуацию, хотя некоторые мероприятия были сделаны по его тайному приказу заблаговременно, ибо решимость сражаться и призывать к кровавой борьбе до конца других — это одно, а осторожная предусмотрительность политика — совсем иное дело. В Ливерпуль уехали почти все министры и депутаты парламента, королевская семья, правительства стран, занятых немцами, — Польши, Голландии, Норвегии.

И главное, перевезены весьма значительные ценности, накопленные Британией за столетия тотального ограбления колоний, — все это было уже в портах и сейчас лихорадочно грузилось на военные корабли и транспорты, что должны отправиться за океан.

Вопрос с местом пребывания правительства Британской империи и королевской семьи решился только после бурных и ожесточенных дебатов. Канада отказалась стать убежищем почти наотрез — премьер-министру Кингу перспектива перейти на второстепенные роли в собственной стране совершенно не улыбалась. К тому же многочисленная французская диаспора, чья родина или праматерь объявила Великобритании войну за вероломное нападение на ее колонии, базы и корабли по всему миру, могла перейти к открытому неповиновению, что было чревато определенными сложностями.

Но, слава богу, у Британии имелось много колоний по всему миру, поэтому утверждаться в доминионах не было никакого смысла. Временным убежищем избрали Вест-Индию, а центром Ямайку, в столице которой, Кингстоуне, предстояло поселиться на первое время. К США поближе, ибо только эта страна могла утвердить справедливое господство избранного провидением народа, говорящего на одном языке.

Улетать из Лондона сэр Уинстон Черчилль пока не собирался, однако время уже поджимало. Нужно было срочно проделать еще одну крайне нужную вещь, что полностью отведет все его грехи в сторону и покажет народу истинного козла отпущения.

Париж

Маршал Петен прошелся по кабинету, мягкий ковер глушил шаги. И думал — нет, он все сделал правильно, другого выбора у него не оставалось. Можно презреть договоренности с Гитлером и, выбрав благоприятный момент, нанести удар в спину.

Но главная проблема в том, что война один на один окончится катастрофой, а пережить третий Седан ни он сам, ни народ окажутся не в состоянии. И ради чего снова воевать с немцами?!

Лотарингия и Эльзас, за исключением небольшой части последнего, населенного германским большинством, остались у Франции. Конtribusiю на страну Гитлер налагать не стал, хотя имел возможность свести счеты за Версальский мир.

Союз с Советской Россией?

Для Петена это было абсолютно неприемлемым, да и ради чего?! Чтобы укрепились позиции коммунистов в Европе и всем устроили сплошную большевизацию с коллективизацией?!

Нет, нет и еще раз нет. Гитлер во сто крат лучше, тем более что явно начал менять свои взгляды. А это видно — вместо погибшего в авиакатастрофе Иоахима Риббентропа новым министром иностранных дел Германии стал фон Нейрат, и «Новый порядок» был сразу забыт, уступив место «Единой Европе», причем Германия предложила создать триумvirат, включающий на равноправных условиях великие державы — Германию, Францию и Италию. С возможным включением в будущем других держав, таких, как «новая» Англия или Испания, или союзов. Именно в таком порядке, а это наводило на многие мысли. Тем более, а это маршал Петен хорошо знал, что в Стокгольме шли тайные переговоры о создании «Скандинавского союза».

И тогда маршал решился определить свою позицию. Подписанное между фон Нейратом и Лавалем соглашение полностью устроило французское правительство, которому народное собрание республики подавляющим большинством голосов вручило власть.

Франция не только не поступалась ничем жизненно важным, но и с чужой помощью сохраняла свое, на которое нашлось много охотников, хоть в ряд их выстраивай — Британия, Италия, Япония, Испания, ну и США, куда же без них в этом увлекательном деле.

А потому, когда германские войска высадились в Англии, маршал обрадовался, но занял выжидательную позицию, пока победитель не выявился со всей определенностью. Медлить было пагубно, и Франция объявила Британии войну, решившись отплатить сторицей за избиение флота в Мерс-эль-Кебире и предательство в Нормандии.

Берлин

— Интересно пишет, собака, складно излагает. Учитесь, Киса! — Андрей отложил в сторону книгу. — Да, если все это любой интеллигент увидел бы собственными глазами, то сразу в антикоммунисты подался, тут к бабке не ходи. Махровым антисемитом еще в дополнение!

Занявшись скандинавскими делами в июле, Родионов имел долгую беседу с новоявленным премьер-министром Норвегии Видкуном Квислингом, тем самым коллаборационистом, расстрелянным после войны.

Андрей удивился, причем искренне — русофобом этот нацист не был, причем даже женат на русской — Марии Пасечниковой. Просто в начале двадцатых норвежец работал в миссии помощи голодающим в России, которую возглавлял Фритьонф Нансен, знаменитый полярный исследователь.

Увиденное там настолько поразило Квислинга, что он позднее написал книгу «Россия и мы», направленную против большевистского режима и евреев, по его мнению, олицетворявших собою власть. И полную действительно теплых слов и сочувствия к русскому народу. Позднее этот норвежец стал местным фюрером или ферером, на своем языке, партии «Национальное собрание». Многовато оказалось нацистов в этой северной стране, в этом Андрей уже убедился,

а потому решил отодвинуть их чужими руками в оппозицию.

Он с нетерпением ждал сообщений, которые, согласно его чаяниям, встряхнут не только старушку Европу, но и произведут определенное впечатление в мире, потому поглядывал на часы, но продолжал размышлять о наболевшем.

Теперь Вторая мировая война выглядела в его понимании совсем иной — внутри каждой, буквально каждой страны текла своя внутренняя война, везде были свои нацисты, если так можно сказать.

Представляли они собой вполне конкретные слои населения, стремящиеся сделать общество не разменной монетой в политических игрищах и не достоянием одних лишь толстосумов, а, если так можно сказать, социально ориентированным государством. И ценности выдвигались весьма понятные. В той же Франции, как он знал, Петен заменил «Французскую Республику» на «Государство» и вместо «свободы, равенства и братства» (абсолютно лживого, а потому привлекательного лозунга) выдвинул главными другие приоритеты — «труд, семья, отечество». То же самое в Италии, где фашисты пришли к власти в результате выборов.

В принципе стремление к консервативным ценностям можно приветствовать, ибо некоторые «демократические», такие, как «все покупается и продается», однополая любовь и надругательство над верой, замена свободы слова промывкой мозгов через «свободную» прессу, — все это вызывало здоровые силы к сопротивлению. И если бы не Гитлер со своими уродами из СС, расовой теорией и газовыми камерами, то, возможно, история и пошла бы другим путем.

Андрей задумался, обхватив руками голову, — он вспомнил деда Павлика, что ненавидел коммунистов яростно. Но один раз ему сказал с тоскою в глазах — что если бы они не раскулачили народ, загнав в колхозы, с трудоднями без хлеба, да человечнее относились бы к народу, поприжав заодно своих партийных начальников, что дури много несли, дав людям спокойно вздохнуть, то о другой власти можно было бы и не мечтать.

И принялся загибать скрюченные от работы пальцы — образование всем дают, детишки в школу ходят, обеды бесплатные, детские сады и летние лагеря. Рабочему человеку почет и уважение, за добросовестный труд награды и продвижение, а хочешь, так поступай в институт, станешь мастером или инженером. И все бесплатно, общежитие студентам выделяют и стипендию.

Жилье получить в городе можно, квартиру отдельную — при царе только богатые могли купить дом. Квартплата небольшая, врачам платить не нужно. Много хорошего коммунисты делали, и если бы кровь не лили и дали на себя трудиться, как при НЭПе, то жить стало бы намного лучше. И добавил, что ум за разум заходит, как выбрать тут добро и зло, если они вперемешку, что гречневая каша с молоком, да солью с перцем щедро сдобренная...

Лондон

— Старый, выживший из ума пердун!

Черчилль в раздражении поднялся с кресла, густой сигарный дым встал перед его лицом небольшим облачком. Премьер-министр Великобритании был раздражен — старая прожженная лиса Ллойд Джордж оказался весьма остер умом для своего престарелого возраста и прямо ткнул носом своего молодого коллегу в то дерьмо, которое тот ему заботливо приготовил, и даже приукрасил фиговыми листками, чтобы непрезентабельный вид подарка не спугнул раньше времени.

Нет, как и положено двум уважаемым джентльменам, разговор шел вполне корректно — обоих политиков судьба империи беспокоила. Только Черчилль, проиграв все в пух и прах, наострил лыжи за океан, дабы оттуда продолжать борьбу, отказ от которой однозначно делал

его политическим трупом, никому не нужным и смердящим.

Да и по счетам тем же США нужно платить, иначе заокеанские дяденьки сами возьмут себе возмещение по выданным векселям. После этого кто захочет говорить со столь немощным правительством в изгнании. Но была одна закавыка — если правительство покинет остров, а это дело решенное, то кто будет представлять власть в Англии, ибо добровольно отдать ее оккупантам не есть разумное решение.

Вот тут сэр Уини и решил подложить порядочную свинью старейшему премьер-министру в отставке Ллойд Джорджу. И если сумеет уговорить старикашку принять власть, которая заставит контактировать с немцами, а потому в той или иной степени облегчит положение народа. Но опять же население, ненавидя всей душою оккупантов, начнет презирать и правительство, с ними сотрудничавшее.

А это самому Черчиллю пойдет во благо, ибо стоит американским войскам начать освобождение Англии от нацистов, как тут явится он, боровшийся до конца и возвративший империи свободу. К тому же виновных искать не придется — вот они — предатели, все наяву и под рукою, пригвожденные к позорному столбу (на них ведь можно еще и свои грехи с ошибками свалить, изменникам нации ни один человек не поверит).

И кто его вывести на «чистую воду» посмел?! Выживший из ума старикан Ллойд Джордж, но с приличным весом матерого политика, да рядом бывший министр иностранных дел, честолюбец изрядный и сволочь, каких только поискать, — Эдуард Галифакс, барон Ирвин.

Однако заманиваемые им в ловушку моментально разгадали хитрость Черчилля, о чем ему оба и сказали, пусть и порознь, а это сразу насторожило. Пусть обиняком, ведь среди джентльменов не принято называть мерзавца этим же словом, но уверенно ткнули носом в подложенное дерьмо. И тем не менее согласились принять власть, благо контроль над столицей сохранялся полный — немцы ее не пытались штурмовать и не бомбили.

— На что же они рассчитывают?

Черчилль уже в десятый раз задал себе этот вопрос — ответа на него пока не находил. Не простачки же они, явно увидели нечто, потому и согласились. Какую же перспективу узрели? — вот в чем вопрос.

Ответа на это сэр Уинстон пока не находил. Но будет еще время — через час бомбардировщик «Веллингтон» улетит на север над морем, где еще не летают «мессершмитты», и по большой дуге доберется до Ливерпуля. А там его ждет крейсер «Глазго», на котором он доберется до Ямайки.

Будет время подумать в долгой дороге!

Глава вторая

«ЭТОТ МИР ПРИНАДЛЕЖИТ НАМ»

Берлин

— Империи возникают и рушатся, если они подкреплены только одной силой!

Андрей поднялся из-за стола, окинув взглядом просторный и длинный рабочий кабинет рейхсканцлера, в котором практически не было мебели, если не считать стола, кресел и шкафов, затерявшихся, как одинокая копна в поле. Имелся еще здоровенный глобус, но он приказал его убрать подальше — неизвестно почему, но сей географический атрибут вызвал острое чувство искреннего раздражения.

— Еще Наполеон говорил, что штыками можно сделать все что угодно, кроме одного...

Родионов сделал паузу и посмотрел на своего собеседника, маленького, кривоногого, чем-то отдаленно похожего на мартышку. Только глаза блестели, выдавая недюжинный ум.

— Сидеть на них, мой фюрер, — закончил за него высказывание французского императора доктор Йозеф Геббельс.

Что-что, а придурком, в чем изощрялись в его адрес из враждебных лагерей, бывший министр пропаганды рейха никогда не был. Наверное, срабатывал один из стереотипов человеческого мышления, который не предполагает наличие за уродливым обликом ума.

А ведь на самом деле оно так и есть — природа щедро делится другим, если человеку от нее не досталось красоты. Достаточно вспомнить всю едкую иронию, выраженную обойденными слабым полом мужиками и язвительными от зависти женщинами в адрес длинноногих и прекрасных обликом блондинок.

— Потому нужно не захватывать территории, сколачивая разноплеменную империю, а оказывать на них влияние в требуемом направлении, — Андрей усмехнулся. — Людьми идея может двигать, но процесс идет намного лучше и быстрее, если под него подведена реальная экономическая составляющая, что несет осязаемые блага.

— Вы хотите сказать, мой фюрер, что человек видит желудком?!

— Великолепно, Йозеф, вы очень тонко подметили!

Удивление было искренним. Геббельс с момента их первого «знакомства» два месяца тому назад не переставал блистать остроумием. Полемистом и оратором он являлся блестящим, а потому и опасным. Но не для фюрера — тут главный идеолог рейха был верен до конца, что и продемонстрировал в реальной истории.

Идея же упразднить Министерство пропаганды принадлежала Родионову — нехорошее слово, не вызывает доверия, ибо любая пропаганда априори является ложью. Вернее, упразднили не министерство, а данное слово из наименования, а потому доктор Геббельс остался рейхсминистром просвещения, по делам печати и культуры. Ну и продолжал вещать на супротивников, нейтралов и союзников, конечно, но уже от лица правительства и одну «чистую правду».

Занятный человек, весьма занятный. Циник, скрытый жизнелюб, в отличие от сибарита Геринга, и главное — действительно верит в идею Третьего рейха. Тут, правда, Андрей уже отошел несколько в сторону от концепции выдвинутой «прежним» Гитлером, а кое-где дал отмашку попятиться, но сам Геббельс принял это как должное, исходя из принципа «меняются времена, меняются и обстоятельства», и всеми силами старался помочь рейхсканцлеру, уже увенчанному лаврами победителя.

— Нам не нужно воевать дальше, мы можем заполучить все мирным путем. Отсутствие значительных военных трат позволит обустроить страну, добиться действительного

социального обновления. А потому мы должны действовать по правилу «все для блага народа». Всего народа, что принял «новый порядок», независимо от уровня доходов или национальной принадлежности. Этот мир принадлежит нам, наследникам легендарной Гипербореи, а не нации торгашей, объявившей себя главной на этой земле и создающей свое благополучие на ограблении других наций!

Андрей вещал, и хотя внутренне посмеивался, но сам искренне верил в то, что говорил. Дело в том, что Геббельс чувствовал фальшь по наитию, а потому приходилось быть честным.

— Раскрашенные ими же самими бумажки они выдают за деньги, пряча вырученное за них золото в своих кладовых. — Рейхсминистр ощетинился, как голодный пес. — Они желают поставить всему миру в качестве идолов фунт и доллар и за них вытягивать промышленные товары, сырье, продовольствие. Они как клопы пьют кровь со всего мира, и этому нужно положить конец! С Британией вопрос решен благодаря вашей гениальности, мой фюрер. Этот народ отрекся от зова крови, подчинившись звону презренного металла, а потому будет наказан за свое предательство!

«Круто закладывает, я бы так не смог. И верно подметил — кризис начался в США, исчезло золото, и они стали втюхивать всему миру свои бумажки с мордами президентов.

Несогласных растоптали в мировой бойне, а союзников подсадили на „бакс“, как наркомана на иглу. И все — цель достигнута — им продают реальные товары, а взамен получают бумажки, которые, по сути, ничего не стоят.

Он умен — замечает все эти тонкости махом и разделяет точку зрения. А потому сработаемся — они с Герингом на пару мне любого нациста затопчут и сапоги месяц чистить не будут, гордится. Нет, нужны они очень, больно дело серьезное затеяно будет!»

Андрей нахмурился — партайгеноссе порядком бесили. И заместитель по партии рейхсляйтер Рудольф Гесс как-то странно стал на него посматривать. Он несколько раз заводил разговор о каких-то тайных партийных делах, а так как Андрей несколько раз невольно прокололся по незнанию, то некие подозрения еще больше усилились. Уж больно нехорошим стал взгляд, словно заподозрил в чем, сволота нацистская. И по имени прилюдно называет, подчеркивая, что он с ним равен, если уж не в государственном масштабе, то в рамках партии точно.

И другие старые партийцы гады еще те, казнокрады, лизоблюды, и, хоть об заклад бейся, предадут при первом удобном случае. Так что кончать их нужно всем скопом, пока своими нацистскими щупальцами не только всю страну не оплели, но и до него не добрались вплотную. Такие партии реформаторов шибко не любят, если кто рискнет на партийные привилегии покуситься, то тому кирдык полный станет и неотвратимый, как мировая победа коммунизма, пусть пещерного, после ядерной войны.

Недаром слухи нехорошие ходили да в статьях писалось, что именно партийная номенклатура, осознав, что реальную власть Сталин хочет передать Советам, изъязв таким образом у коммунистической партии рычаги управления, то его махом траванули как крысу. А разделить с ним яд Родионова как-то не тянуло, уж лучше оппонентов как этих самых крыс потихоньку передушить, благо возможности появились.

Триполи

Жаркий воздух Африки обжигал легкие, привыкшие к берлинской прохладе. Пот стекал ручьями по лицу и спине, казалось, что на тело щедро вылили ведро горячей воды.

Как предстоит воевать в такой жаре, фон Люк не представлял, но он — офицер и должен показать подчиненным истинную нордическую стойкость в пример.

Дела у союзников-итальянцев шли из рук вон плохо. Муссолини объявил войну союзникам

в самые последние июньские дни, когда даже тупому стало ясно, что Франция готова капитулировать с часу на час. А потому хитрые макаронники яростно желали оказаться в стане победителей, чтобы насладиться не только славой, абсолютно ими не заслуженной, но и плодами победы, связанными с дележом французских колоний.

— Прямо как торговцы на южном базаре!

Майор с улыбкой посмотрел на черноволосых итальянцев, что с экспрессией разговаривали друг с другом, оживленно помогая жестами, на первый взгляд весьма неприличными.

Но он — немец и не может знать местных тонкостей, а потому Люк удержался от вспышки, недостойной германского офицера, и понял — эти любители пасты такое же производное горячей апеннинской земли, как и их дуче, Бенито Муссолини.

В них нет нордического духа спокойствия, традиционного хладнокровия британцев или хотя бы галльской пылкости. Нет, это закипевшие чайники, что бурлят, выпуская пар из носика, но стоит отключить плиту, как быстро начинают остывать. Как здешняя африканская погода — днем жара до закипания мозгов, а ночью царит пронзительный холод, такой лютой, что зубы выбивают чечетку. Но главное, что поразило немцев, — совершенное нежелание относиться к войне как к трудной и грязной работе.

Нет, взбалмошные итальянцы рассматривали ее как веселый карнавал, в котором они всегда первенствуют, который почему-то должен окончиться признанием их как победителей, с обязательным увенчиванием лавровым венком, в духе прославленных римских легионов и их победоносных цезарей.

К великому разочарованию, все обстояло как раз наоборот. И стоило огромному итальянскому воинству вторгнуться в Египет, как через две недели война для них и закончилась, и не победой, на что рассчитывали стратеги из Рима, двинув 150 тысяч против английских 30, а жутким разгромом, завершившимся стремительным бегством.

Вот в нем итальянцы показали себя достойными славы древних марафонцев, преодолев на одном дыхании полтысячи километров пустыни, устремившись к своей сильнейшей крепости Тобрук. И все это за считанные недели, ибо с начала кампании в Африке не прошло полного месяца.

— Смотришь на этих пожирателей пасты, майор?!

— Нет, майн герр. — Люк повернулся к подошедшему из-за спины генерал-лейтенанту Роммелю: — Думаю, почему они бежали из-под Тобрука, это же сильная крепость, там можно отсидеться.

— Не верь причитаниям, они в этом похожи на плакальщиц. Любые крепости, фон Люк, сильны не укреплениями, а духом защитников. А потому мне порой кажется, что наши макаронники не наследники славы римских легионеров, а жалкие воры и самозванцы, что украли тогу с доспехами, но не умеют ее надеть на себя. Не верь им, и даже лучше не дружить, иначе и нас заразят своей трусостью. Хотя нет, Люк, многие из них действительно храбрецы, жаль только, что до первой атаки. На вторую их пылкости уже не хватает! Но на то есть мы...

Ливерпуль

С ужасающим ревом, разрывающим душу в клочья, с неба пикировали Ю-87. Эти неуклюжие самолеты, с уродливыми лапами шасси, обтянутыми обтекателями, теперь внушали животный ужас.

Наглые стервятники Геринга не тронули ни город, ни порт, ни одна бомба там не упала. Нет, цель у них была одна — уходящие в Вест-Индию и Америку корабли и транспорты. Причем они не собирались их топить, а только повредить одной или двумя бомбами и оставить в порту на ремонт. С большими повреждениями ни один капитан не выведет свой корабль в

долгий переход через штормующую Атлантику, ибо то есть самая кратчайшая дорога в царство Нептуна.

Премьер-министр Англии покинул столицу в самый последний момент и весь полет переживал, что может не успеть и германские танки войдут в Ливерпуль — фронт рухнул, и английские войска беспорядочно отступали в порты, предназначенные для погрузки на корабли.

Тогда бы пришлось лететь в Глазго — в Шотландии лихорадочно велись оборонительные работы, хотя многие военные прекрасно понимали, что даже в суровых горах удержаться до прибытия помощи мало шансов, да и на поставки не стоит надеяться, когда в небе полностью господствует вражеская авиация.

Теперь Уинстон Черчилль находился под защитой, пусть и тонкой крейсерской брони, но так он чувствовал себя уверенней.

«Глазго» в сопровождении эсминцев выходил в море, протискиваясь сквозь транспорты — уцелевшие и уходящие, и поврежденные, чья судьба остаться на родине определилась. Все, кто пожелал продолжить борьбу с нацистами, уплывали сейчас, ждать безопасного покрова ночи никто не пожелал — танки Гота стояли практически у самых ворот города.

— Сэр! Мы прослушали радиопередачу. Германия начала вывод войск из Норвегии и Дании, который будет завершен до конца октября, а странам будет возвращена полная самостоятельность. Простите, и сказано, что Норвежская операция в апреле была вынужденной мерой, чтобы остановить агрессию союзников, которую они продемонстрировали, высадившись не только в Скандинавии, но и оккупировав Исландию.

— И вольно вам слушать наглую брехню из Берлина и тем более передавать ее мне?! Геббельс известный выдумщик...

— Это не Геббельс, сэр, прошу простить. И передача велась не из Берлина, а из Стокгольма...

— Что?! Из Швеции?

— Так точно, сэр. Объявлено о временной унии Швеции и Норвегии, пока в последней не будут проведены парламентские выборы, гарантом которых станет шведский король. К унии могут присоединиться и те страны, что входили ранее в Шведское королевство. А с независимыми государствами, соседями и желающими держать нейтралитет и добрососедство Швеция предлагает заключить союзные договоры!

— Даже так, открыто?!

— Да, сэр. Шведская полиция уже введена в Нарвик, в котором немецкое командование отдало приказ гарнизону о возвращении в Германию.

— Фон Нейрат?!

— Именно он подписал совместное шведско-германское коммюнике, которое уже одобрено Гитлером.

— Идите, мне нужно подумать, — после долгой паузы прохрипел Черчилль и пыхнул сигарой — новости его порядком ошарашили, как большая бутылка коньяка, выпитая сразу, одним глотком, без малейшей закуски и на пустой желудок.

Берлин

— Процесс пошел!

Андрей произнес любимые слова последнего генсека КПСС с ехидной улыбкой и отключил радиоприемник. Новый «старый» министр иностранных дел фон Нейрат знал свое дело очень хорошо и пользовался немалым уважением коллег в сопредельных государствах. Но даже ему потребовалось больше двух месяцев, чтобы проверить это дело.

— Стронулся с места воз, главное — хорошо подтолкнуть, чтоб он дальше сам под горочку

покатился!

Теперь Андрей не сомневался ни на йоту, что «Стокгольмский пакт» вызовет чрезвычайное оживление во всем мире и резко поубавит антигерманскую риторику, в которой упражнялись за океаном. И британцам достанется на орехи — слишком зарвались и заврались в своей пропаганде, охраняя с пеной у рта «демократические ценности».

— Посмотрим, как они отплевываться будут!

Злорадство проявилось откровенно — даже один месяц, выигранный у заокеанских «промывателей мозгов», шел на великую пользу. Теперь, когда «челнок политики» заходил и начал ткать, появились определенные перспективы, хотя и очень слабые, не явные еще, не определенные. И они появились, в отличие от *той* истории...

Беспокоило другое — внешнеполитические задачи создания «новой Европы» напрямую зависели от того, удастся ли изменить ту откровенную ксенофобию, что прививали народу нацисты.

Он, Адольф Гитлер, мог изменить судьбу любого еврея в Германии, равно как и немца, по большому счету. Мог приказать принять на работу, сделать «половинку» чистым арийцем, да что там — даже правоверного иудея влёт «отмазать» от репрессий и происхождения.

Можно было сделать многое для облегчения людских судеб, но только конкретно взятого человека, ну, может, еще его родственников. А вот отменить действие расистских и антисемитских Нюрнбергских законов даже он, рейхсканцлер, был не в состоянии.

Только рейхстаг, а там нацисты могли затоптать его за столь откровенное «предательство» — и так большинство партайгеноссе волками смотреть стали, нехорошо так, словно подозревали: «А не спятил ли наш фюрер от любви к человечеству? И не пора ли его упрятать в психиатрическую лечебницу?»

— Мой фюрер, — адъютант от люфтваффе зашел в кабинет. — Самолет с генералом Гудерианом прибыл из Англии, совершив посадку. Через час он будет у вас!

— Это хорошая новость, Белов. Вы меня порадовали.

Андрей был доволен столь скорым прибытием — на «отца панцерваффе» делались серьезные расчеты, скрупулезно подготовленные Манштейном. Теперь, когда заговор подготовлен, малейший сбой мог привести к весьма непредсказуемым последствиям. Именно благодаря этой паре генералов и удалось повернуть все это дело.

Действительно, как фюрер и рейхсканцлер он не мог отменить Нюрнбергские законы и противостоять рейхстагу, подавляющее большинство депутатов которого составляли законченные нацисты, наотрез отказывающиеся отступить от своей гнилой идеологии.

Как Верховный главнокомандующий он вполне мог, опираясь на верный Германии вермахт, разогнать этих политических мошенников. Но одно большое «но»: только после того, как они примут весь пакет законов, что означал возвращение к Веймарской конституции без тех поправок, что внесла в нее головка НСДАП, узурпируя власть в своих ручонках.

И действовать нужно было быстро, пока не прошел угар от победы и немцы полны счастья. Ну, а те, кто встанет на дороге, будут сметены в сторону или безжалостно раздавлены — на то танков и панцер-гренадеров за глаза хватает, и тем более если глава гестапо сам участвует в перевороте. И попробовал бы «папашка Мюллер» отвертеться — попала собака в колесо, так пищи, но беги, и никак иначе. СС та еще структура, Гиммлер такого предательства бригаде-фюреру не простит.

Андрей усмехнулся и, мельком глянув на настенные часы, подошел к радиоприемнику и включил его. Потребовалось немного времени, пока лампы накалились и из динамика не пошел треск. Он покрутил колесико надстройки, поймав нужную радиоволну. Там передавали классическую музыку, и Андрей несколько минут в нее вслушивался, чувствуя приятную

расслабленность. Но тут неожиданно возникла пауза, и сквозь треск прорвался спокойный и уверенный голос:

— Мы передаем заявление, сделанное президентом Чешской Республики...

Хельсинки

Маршал Маннергейм выключил приемник и, вздохнув с нескрываемым облегчением, уселся в кресло. Вопрос с унией решился, и командующий финской армией не скрывал своего удовлетворения.

Только одно обстоятельство изрядно беспокоило старого вояку — реакция СССР хоть и просчитывалась, но могла быть неоднозначной. Все лето сорокового года Москва старалась всячески третировать своего соседа, включая прекращение торговли.

Однако финнам такая мера нисколько не помешала — 90 % их экспорта было переориентировано на Германию, включая поставку жизненно важных стратегических материалов. Особое место здесь заняли заполярные никелевые рудники в Петсамо, ранее являвшиеся британской концессией. Теперь вся добыча концентрата шла прямым путем в Германию, удовлетворяя львиную долю потребностей.

Именно никель, молибден и другие металлы, без которых невозможно производить качественную сталь и броню, и стали той нитью, что привязала интересы рейха и страны тысячи озер. Теперь, получив богатейшие финские рудники, Германия вряд ли захочет с ними расстаться, ибо этот шаг нанесет чудовищной силы удар по ее интересам и главной военно-политической силе — вермахту с могущественными танковыми войсками.

— Ввязываться в войну со Сталиным фюрер не хочет, но и не желает усиления СССР. — Маршал усмехнулся блеклыми губами. — В ту войну они компенсировали Швеции треть военных поставок, а сейчас дали еще больше, раз риксдаг пошел на такой шаг. А теперь к унии присоединится и Финляндия, а возможно, на союзных началах и Дания...

Нет, маршал прекрасно понимал, что Германия, несмотря на свои интересы, не станет защищать Финляндию открыто. Судя по всему, Гитлер резко изменил курс и, выступая за углубление отношений с Советской Россией и русскими, тем не менее искусно прячет для большевиков большой камень за пазухой.

— Мы, страны шхер, фьордов и скал, есть тот «булыжник»!

Маршал усмехнулся еще раз и уселся за стол — нужно было написать ряд писем, чтобы ускорить принятие унии со Швецией, пока в Москве не опомнились и не перешли к жесткому давлению.

Ливерпуль

Такого зубодробительного удара, сокрушившего все расчеты, сэр Уинстон Черчилль не испытывал давно. Ну, разве может сравниться отставка с поста Первого лорда Адмиралтейства за вдрызг проваленную Дарданельскую операцию 1915 года с такой катастрофой?

Однако, по большому счету, и положила руку на сердце тут и сопоставить нечего — тогда все являлось невинной детской игрой.

Хорошие прошли времена!

И, будучи майором, отправленным со столь высокого поста в армию, он тогда был намного счастливее, чем сейчас, премьер-министром Великобритании, покидая страну одним из последних, будто капитан, уходящий с мостика гибнущего корабля.

Сейчас он винил себя за излишний оптимизм, когда положился на «Гранд Флит», надеясь, что тот сокрушит неприятеля и не даст ему высадиться в Англии.

— Боже мой, какие бездарности командуют нашим флотом! Времена Нельсона прошли,

наступила эпоха «паундов»!

Именно Первого морского лорда он обвинял в произошедшей катастрофе, а вместе с ним и адмиралов, что не смогли отстоять метрополию. Бездари! Невозможно найти толкового флотоводца. И это в Британской империи, которая дала Дрейка и Хоукинса, да того же Нельсона!

Каким же бездарностям и трусам была вручена участь великой страны, которую они фактически сдали, несмотря на всю отвагу ВВС и армии, которые вступили в отчаянную схватку с заведомо сильнеешим врагом. И Британия бы победила, если бы не флот, что проиграл все, что можно! И он вынужден сидеть в железной каморке каюты и надеяться на невероятное чудо!

— Годдем!

Черчилль с чувством выругался и неторопливо раскурил сигару, приводя свои расстроенные чувства в порядок и начиная хладнокровно размышлять. И было о чем ему подумать — участь Лондона предрешена, в Шотландии вряд ли удастся надолго задержаться, пара недель, больше не отведено.

Ирландия сразу же объявит себя независимой — проклятые кельты уже сотни лет пьют кровь англичан, хуже этих гордецов скоттов. Плохо то, что, надеясь скинуть немцев в море, он не отдал распоряжение взорвать все поврежденные корабли, надеясь их отремонтировать и снова ввести в строй. А эти адмиралы сами не удосужились проявить инициативу и взять на себя ответственность!

Трусы!

Хуже того, высадив десанты и пользуясь наступившей неразберихой и паникой, немцам удалось захватить множество верфей неповрежденными и получить строившиеся или почти готовые корабли, включая линкор «Принц Уэльский» и новые авианосцы с бронированной палубой.

Так что теперь нацисты могут не только отремонтировать десяток тяжелых кораблей, поврежденных бомбами, но и достроить новейшие, которые станут самым серьезным джокером в океанских сражениях.

Черчилль непроизвольно поежился, предчувствуя гневную реакцию американцев. Их президент Рузвельт несколько раз звонил и просил, чтобы были приняты все меры, дабы предотвратить попадание британского флота в руки новых гуннов, и приводил пример собственной решимости Черчилля, когда речь в июне зашла о французских кораблях. А теперь отношения могут принять совсем не равноправный характер...

— Сэр! Приняты радиogramмы. И донесения нашего посла из Стокгольма! Расшифровка потребовала времени!

— Давайте. — Черчилль ожидал именно этих бумаг, ибо должен знать четко, что происходит на самом деле. Не вечно же слушать один треп Геббельса о путях построения «новой Европы»!

Берлин

— Вы знаете, что придумал Гиммлер?

Андрей с улыбкой посмотрел на генерала, что прибыл прямо из Англии с поля боя (даже толком не привел себя в порядок — торопился, несмотря на старательную чистку мундира, везде видны следы пыли), и подумал, что «Шнелле-Хайнц», как всегда, был в своем репертуаре — мчался, как всегда, впереди своих танков и руководил ими на поле боя, а не в штабном кунге за картой, как должен вести себя всякий уважающий свою жизнь штабник.

— Надеюсь, вы расскажете мне об этом, мой фюрер?

— Расскажу, мой добрый Хайнц!

Андрей рассмеялся настолько неестественно, что генерал на него встревоженно посмотрел.

— Вы знаете, что придумал рейхсфюрер СС? Он стал великим «банщиком», и его проект помывки заключенных в концлагерях, а такие есть, Хайнц, внедрен в жизнь. Представьте себе, сколько можно помыть человек в помещении пять на пять метров всего с шестью разбрызгивателями?

— Человек двенадцать, никак не больше, — после короткой паузы рассчитал Гудериан — вот что значит техническая специальность, знакомая с математическими расчетами.

— Вы ошиблись! — отрезал Андрей скрипучим голосом. — Туда можно набить сотню женщин и маленьких детишек.

— Женщин с детьми? Сто человек? Да там повернуться нельзя будет, да и не войдут просто.

— Их туда забивают, Хайнц. Прикладами забивают! А вся их вина в том, что эсэсовцы Гиммлера не считают их нашими согражданами только лишь потому, что в них мало арийской крови, хотя их предки сотни лет жили в Германии...

— Вы говорите о евреях, мой фюрер?

— О немцах, Хайнц. Они уже давно немцы, только расовая служба СС считает по-другому!

В голосе Андрея просквозила ярость от воспоминания о том, как в 1986 году их с классом возили в Польшу, и там они видели страшный Освенцим. Именно этот филиал нацистского ада он представил сейчас мысленно, и настолько ярко, что его затрясло от бешенства, а Гудериан это заметил сразу — и сжатые кулаки, и искажившееся от ярости лицо.

— И знаете, как их моют?

— Мыть невозможно, мой фюрер. — Голос генерала сел, лицо посерело. — Только из шланга и сверху. А это не помывка...

— Вот тут вы ошибаетесь, Хайнц. Хватает шести разбрызгивателей — из них подают «Циклон Б». Это ядовитый газ. И расходуют его экономно, оттого смерть наступает в ужасных мучениях и конвульсиях через полчаса. А потом специальные палачи из СС открывают бронированные двери и топорами разрубает человеческие тела, настолько они сбиваются и вплавляются друг в друга...

Андрей говорил отстраненным голосом, ибо не один нормальный человек не мог иначе, ибо сразу же сошел бы с ума.

Гудериан отшатнулся, лицо из серого превратилось в землистое — генерал поверил сразу и был не в силах представить кошмар. Он полностью уверился, что фюрер не обманывает, а говорит чистую правду, а потому стало на душе еще ужаснее.

— Потом куски тел кладут на вагонетку и отправляют в печь крематория, а пеплом посыпают поля, дабы вырастить хороший урожай. Видите, какие аккуратные эти эсэсовцы из «Тотенкомпф».

— Зачем вы это мне говорите, мой фюрер?!

Голос генерала зазвенел от едва сдерживаемой ярости, он сделал шаг вперед, впившись горящими глазами в лицо фюрера.

— Хайнц, я хочу прекратить все это кровавое безумие! Дело не в том, что завтра мы начнем, а в том, чтобы вырвать всю заразу с корнем! Сразу! И здесь я надеюсь на вас. Возьмите!

Андрей взял со стола несколько листков бумаги и протянул их генералу. Тот быстро пробежался по ним взглядом, чуть шевеля губами, затем вытянулся, застыл.

— Я выполню приказ, мой фюрер! Но возьму панцер-гренадерский полк «Гросс Дойчланд»!

— Начальник штаба генерал Манштейн все рассчитал до отдельного взвода, Хайнц. Сил у

нас привлечено сейчас намного больше, чем достаточно было на эту подготовленную операцию. Вам хватит, зачем привлекать лишние? Тем более элитный моторизованный полк.

— Бить так бить, мой фюрер. Резерв лишним не бывает, особенно когда придется иметь дело с такими «банщиками»! Прах их раздери! Это не солдаты, а гнусные палачи!

— А что сделают ваши танкисты, когда вы расскажете о таких фокусах этих мерзавцев, генерал?

— Намотают кишками на гусеничные траки, мой фюрер! И это будет для них самая легкая смерть!

— Я надеюсь на вас, Хайнц!

Андрей положил руку на шитый серебром погон. Теперь он был полностью уверен в том, что генералы пойдут до конца. Завтра все решится...

— В казармы «Гросс Дойчланда» я прикажу свести самых отпетых, как в свое время штурмовиков Рема...

Гудериан говорил спокойно, намекнув на давние события знаменитой «ночи длинных ножей», когда части рейхсвера при помощи СС взяли всю головку «штурмовиков», расстреляв руководство этой организации.

— Проскрипционные списки у Манштейна, а вы назначьте членов военно-полевого суда. И еще одно, Хайнц. Никто и никогда не должен узнать, что творили эти палачи. Нам такая огласка ни к чему!

— Так точно, мой фюрер! Потому попросил взять панцер-гренадеров на проведение акции!

— И еще одно. Рядовых членов «общих СС» перевести в инфантерию, там их научат настоящему солдатскому ремеслу. «Ваффен СС» я упраздняю, передав их в ваши панцерваффе. Чтобы не имели ничего общего с СС эти великолепные солдаты, которых мог морально загубить Гиммлер со своими палачами. Так что ваша задача — в будущем превратить свои дивизии в мощные соединения. Идите, генерал, я надеюсь на вас!

Проводив Гудериана, Андрей задумался о том, не переборщил ли он, так натравливая генералов вермахта, и так недовольных конкуренцией со стороны СС. А то, в случае быстрой и решительной победы, да еще при живом кайзере, военные могут прийти к мысли о ненужности фюрера. Опасно! Он и так балансирует на лезвии бритвы!

Но жалеть не о чем, не ясно, что будет в будущем, но сегодня одно нужно сделать точно — покончить с торжеством нацистов и сделать Германию нормальной страной без этой расистской ненависти.

Атлантический океан

В каюте плыли густые табачные клубы — Черчилль, забыв про все на свете, с увлечением читал бумаги, хотя в другое время он бы уже давно рвал и метал в приступе злобы.

Что ж — нацисты и здесь сработали на опережение, тут им не откажешь в расторопности, начисто вышибли основные козыри направленной против них пропаганды!

И как они на это шведов уговорили?! Хотя норвежская королевская семья погибла, хорошего правительства нет, а решение заранее predetermined, ибо наличия иностранных войск ни одна страна не потерпит, кроме вот таких случаев.

Выбор, по сути, невелик, и Гитлер великолепно провел шантаж, как этот сукин сын умеет делать. Но, скорее всего, он и шведам посулил что-то важное, очень похожее на создание «Великой Швеции», детища короля Густава-Адольфа, большие куски которой были потеряны в войнах с русскими. И теперь история повторяется...

— А ведь это оплеуха Сталину, — Черчилль усмехнулся. — Гитлер дает ему понять, что нарушать соглашение Риббентропа с Молотовым он не станет, но имеет на этот счет иные

взгляды. Вот только сможет ли «дядя Джо» со всей Скандинавией управиться, если едва сил хватило, чтобы только одних упрямых финнов выдавить?!

Черчилль задумался — возвращение независимости, понятное дело, что номинальной, сужало круг инструментов для создания нужного «общественного мнения».

То, что Франция решила не оставаться в стороне и тоже начать войну с Англией, говорило о формировании европейской коалиции, словно вернулись времена Наполеона Бонапарта с его континентальной блокадой.

Но сейчас для Британской империи ситуация намного хуже — метрополия потеряна, вместе с ее развитой промышленностью и огромным флотом. А вот захотят ли доминионы ее спасать и вести войну с полной нагрузкой, а значит, и дополнительными лишениями для населения — это вопрос. Да еще какой вопрос!

США сейчас вступить в войну не смогут, вначале пожелают развернуть свою промышленность на военное производство. Сколько на это времени у них уйдет? Полгода минимум, но и не год — столько ждать они не станут: рискуют многим.

Нужно продержаться, сделать так, чтобы с издыхающим, как врагам явно кажется, одряхлевшим британским львом в этом мире начали снова считаться.

— Все усилия нужно перенести на Средиземное море, а центром приложения усилий сделать Египет!

Черчилль говорил сам с собою, дымя сигарой. Это была реальная возможность продолжать войну, используя ресурсы Индии, Австралии и Южной Африки. Нанести по дуче сильный удар, вышвырнуть из Ливии и перетопить итальянский флот. Гибралтар не позволит вмешаться с помощью германских кригсмарине.

Эта победа переломит ситуацию, поможет побудить выступить потенциальных союзников — Югославию и Грецию, которые вряд ли горят желанием стать марионетками Берлина или Рима. Затянуть войну до решительного вмешательства США.

— Хм...

Действительно, история опять повторяется, как это ни странно. Вместо Франции — Германия, Наполеона заменил Гитлер, а Англия за океаном в виде США, до берегов которой ни один флот не доберется. Затянуть войну, а там и другие участники выступят.

Вряд ли Сталину понравится доминирование Германии, да еще когда дергают за усы «Скандинавским пактом». Пусть он воюет с Гитлером, пусть даже захватит и распространит коммунизм на ее центральную часть. Можно заранее пообещать ему все, до чего руки кремлевского горца дотянутся. И тогда они с Гитлером неизбежно на несколько лет сцепятся, полностью обескровив свои государства. А потом пусть победитель восстанавливает развалины, а им будет Сталин.

А там и до «дяди Джо» руки дойдут — в Европе никогда не любили русских, а тем более тех, кто большевизм принял. Нет, не все так плохо. Главное сейчас одно — так Сталина раззадорить, пообещав ему что угодно за участие в войне, с одной стороны, а с другой — раздуть угрозу со стороны Гитлера, чтобы коварный и недоверчивый кремлевский властитель сам на своего друга, «бесноватого» фюрера, напал.

А это станет победой для Британской империи и США: когда злейшие враги убивают друг друга, то не нужно вмешиваться, а только ждать, когда они перебьют друг друга как можно больше. Ну и помогать чуть-чуть, в долги вогнав! А потом без штанов оставив!

— Вот так и надо!

Черчилль повеселел, пыхнул сигарой — война не проиграна, хотя потеряна Англия. Империя продолжает войну... Желательно до последнего союзного солдата — русского, серба или там грека!

Глава третья

«ОДНА ПАРТИЯ — ГЕРМАНСКИЙ НАРОД»

Берлин

Такого состояния Андрей не испытывал никогда. Полная эйфория, будто «дурью» по glandy залился, как водкою. В нем сейчас жили два человека — первый чуть ли не орал во всю глубину легких, сыпал словами, делал эффектные пассы руками, словно экстрасенс на телеэкране. Только челка подпрыгивала да узкие, знакомые всему миру усы встопорщились от возбуждения, такого, что любое сексуальное и рядом не стояло.

И вещал, вещал, паразит — умеет же, сволочь австрийская! Тут не откажешь в ораторском мастерстве. Такие штучки заворачивал, что сотни собравшихся в огромном зале ревели от восторга и время от времени подпрыгивали со своих мест.

Коллективное камлание, мля!

Второе «я» жило своей жизнью, с ледяным хладнокровием смотря на себя со стороны. Это было собственное сознание, оставшееся в полном рассудке, а первое оказалось вырвавшимся на свободу гитлеровским «я».

К великому удивлению Андрея, «вещал» настоящий фюрер его мысли, здорово перетолмачивая на доступный себе и собравшимся в зале лад, щедро добавляя от себя жгучей не по-немецки экспрессии. Куда там ораторам перестройки, которых наслушался в свое время в Москве Родионов, время от времени посещая «злачные» места политических тусовок и митингов. А ведь там нехилые умельцы имелись! Как же ему самому так удалось — не в жизнь бы раньше не поверил.

Симбиоз, однако!

На трибуну рейхстага, украшенную огромным орлом, держащим в своих цепких когтях свастику, Родионов поднимался скованным. Он понимал, что сейчас ему будет трудно добиться главного — убедить большую часть собравшихся нацистов в зале принять необходимые поправки к законам и новые акты одними голыми словами. И тем более не будучи никогда оратором. Риск был не просто большой — чудовищный!

Но чувствовал себя Андрей хоть и неуютно, но спокойно, видя, как вытянулись морды собравшихся в рейхстаге нацистов. Тут присутствовала вся головка рейха — гау и прочие лайтеры, партийные бонзы в роли депутатов и прочие, прочие.

Тоталитарная диктатура, что ж вы хотели, о многопартийности речи уже не будет. Мы победители, мы чемпионы!

Как бы не так!

Пока нема, но ощутимая угроза заставила нацистов смотреть на своего фюрера с восхищением. Однако отчетливо проявлялось непонимание и некоторый, пока тщательно скрываемый, страх.

Еще бы — рядом с фюрером застыл добрый десяток новоиспеченных фельдмаршалов, что поглядывали на собравшихся не только высокомерно, но и с некоторой угрозой. Вот это были настоящие победители в завершившейся войне, и нацистская верхушка это осознала в одно мгновение и ликующе выразила свое отношение к фюреру, когда тот поднялся на трибуну, опасаясь, что потолок может не выдержать голосовых децибел и рухнуть на собравшихся.

Не произошло, а жаль! Был бы полный зер гут!

И тут внутри у него что-то негромко щелкнуло, будто некий переключатель в душе ушел на противоположную позицию, направленный крепким пальцем. И он заговорил, но не выталкивая слова из горла, как ожидал. Нет, речь сама излилась, вначале тихим ручейком, потом все

быстрее и громче, набирая силу и мощь.

Уверенно полилась, и главное, очень доходчиво для публики, что одним махом впала в состояние экстаза. И только тут Андрей одной половинкой своего сознания понял, что сейчас вещает настоящий фюрер, причем не от себя самого молотит, а от него.

Это осознание сперва шокировало, но Родионов тут же стиснул собственную волю в кулак — рефлекс или инстинкт дернулся поначалу, чтобы остановить это второе «я». Но одна мысль, промелькнувшая в голове, остановила дальнейшие, уже отработанные действия.

«Он это умеет намного лучше меня. Таким его знают все собравшиеся, а потому не стоит мешать. Пусть лучше чешет то, что написано, — не зря же три ночи над докладом упирался, да и Геббельс помог изрядно. Вон сидит, мартышка, зенки вылупил. Будто впервые слышит! Что... Что же Адольф от себя понес, поганец! Он же сейчас таких дел наворочает!»

Атлантический океан

— Годдем!

Черчилль просто кипел от ярости, а в таком состоянии никогда не проявлял склонности выбирать в адрес своих противников парламентские выражения. Впрочем, и оппоненты с ним отнюдь не церемонились. Если отбросить всю дипломатическую шелуху, то обращение «нового» английского правительства, заседавшего сейчас в Лондоне, свелось к одному емкому эпитету в его адрес: поганая крыса, что сбежала первой с корабля, на котором до того держала власть в капитанской фуражке на мостике.

Нехорошо о нем отзывались проклятые коллаборационисты, получившие власть именно с его рук. Ну что ж, придет время — и с ними посчитаются, повесив на первом же столбе. Пусть они считают себя хозяевами Англии, вот только рано или поздно, но скорее первое, это вызовет стойкое неприятие народа, и тогда прольется кровь — вряд ли нацистские захватчики будут церемониться, а покажут свою звериную сущность.

Гитлер проповедует сейчас на каждом углу, как та собачка, что описывает любой забор, любовь между двумя родственными народами. Придурок! Неужели он думает, что Англия добровольно уступит ему?!

Адольф не понимает очевидного: даже малейшая уступка, вырванная у Британской империи силою, неминуемо приведет к ее распаду, ибо слишком многие народы ненавидят своих благодетелей и не хотят признавать их права на полное господство.

Сейчас Уинстон Черчилль лихорадочно метался в собственных мыслях, ища спасение для Британии. Только немедленная помощь из доминионов и колоний могла дать возможность продолжать войну и дожидаться вступления в нее США. Но это и несло угрозу будущему империи: на присоединенных к ней территориях уже давно задавались мыслью о бесперспективности служения за одни шишки и стали требовать толику самостоятельности. Но стоило дать ее доминионам, как в них сразу же пошли разговоры если не о полной, то определенной независимости.

Что же говорить о тех, кто и на права доминионов помыслить не мог?! А ведь стоит двинуть против немцев южноафриканские, индийские, австралийские и канадские части, как сторонники независимости получают лишний козырь в свои руки. Да какой там козырь — в их руках будет целый джокер, а то и три, если, кроме армии, посчитать авиацию и флот.

Да и какая может быть сила у империи и та же вера в нее, если она не смогла уберечь сама себя от смертельного удара в сердце!

Испить из чаши позора ему придется в полной мере! Летать по доминионам и убеждать премьер-министров об оказании помощи, не только суля, но и давая за нее преференции.

Как долго это может держаться?

И еще Индия — ибо без самой ценной части империи вряд ли будет долгим противостояние объединенным итало-германским войскам в Африке. Пусть с войсками Муссолини справились англичане легко, но теперь в Ливии высадили танковую дивизию генерала Роммеля, а это пугало и беспокоило всерьез.

Ведь не одну же дивизию отправят?! Где брать танки и самолеты?! Надеяться на помощь Америки можно, но вот какую цену потребует вчерашняя колония, сказочно обогатившаяся еще в прошлую войну. Не будет ли это шагом в пропасть и развалом империи, которая американцам отнюдь не нужна как конкурент.

Вопросы вставали один за одним, и Черчилль не находил на них ответа. Не мог найти. Пока не мог...

Берлин

«Остапа понесло!»

Андрей в полной прострации слушал речь настоящего фюрера, который, наконец, добился своего, вырвавшись на волю. Можно было ожидать что угодно — но такое!

За эти четыре месяца, находясь в «заточении», подмятый чужой волею, настоящий фюрер, видно, переосмыслил свои взгляды, хорошо покопавшись в разуме второго «я».

Гитлера понесло, причем конкретно, словно полностью сорвало крышу, и кричал он сейчас не о расширении жизненного пространства на восток, не о славянских «унтерменшах», не о поганных евреях, которым место в концлагере, нет, судя по ошарашенным лицам собравшихся в рейхстаге нацистов, небо упало на землю.

Фюрер полностью «перековался» или, по-русски выражаясь, «ссучился» по полной программе, переосмыслил, так сказать, свое поведение в прошлом и принял абсолютно новые взгляды, не просто далекие от прежних, а совершенно иные.

В первую очередь это касалось внешней политики. Все эти месяцы генералитет очень косо посматривал на Родионова — немецкие «мольтке» и «Клаузевицы» никак не могли понять, почему не следует слупить с оккупированных стран дивиденды в виде контрибуций и аннексий. Пришлось доказывать, что обратное отображение Эльзаса и Лотарингии ни к чему хорошему не приведет и все вернется на круги своя.

А оно это надо? Стясти деньги с них можно, но вот тогда даже потенциальный союзник превратится в злейшего врага.

Зачем это нужно?! Тем более если есть, по выражению Остапа Бендера, тысячи вполне честных способов отъема тугриков, при которых жертвы чувствуют себя просто осчастливленными: или жертвуя на собраниях жутко таинственного «Меча и орала» в «пользу голодающий детей», или получая за смехотворную сумму сто рецептов приготовления замечательного русского самогона.

И вот теперь настоящий фюрер, без малейшего душевного трепета, даже с восторгом нескрываемым, щедро бросал в зал, как сеятель, зерна — идеи «новой, объединенной Европы», «нового миропорядка, основанного на уважении прав всех наций и народов», и мирного социалистического строительства, как говорится, по образцу и подобию.

У самого бы Андрея так просто и легко ни за что не получилось бы, но Адольфус оказался опытным политическим оратором, доведя в ряде случаев зал до экстаза. И умелым — кинет непопулярную идею вроде частичной отмены расистских законов и тут же переведет «стрелки» на славную победу вермахта — зал в полном экстазе кричит и вопит «зиг хайль», так и не поняв, что его облапошили.

Или наоборот — все прекрасно понимали, в чем тут дело, но очень осторожно поглядывали краешками глаз на свежее испеченных фельдмаршалов в новенькой форме и сидящего рядом с

ними старика в генеральском мундире кайзеровских времен с синеньким крестом «Пур ле мерите» — высшей боевой наградой «второго рейха» в ту войну.

Именно к нему были прикованы несколько растерянные взоры нацистов, пребывавших в совершенно раздвоенных чувствах. Рядом с фельдмаршалами победоносной германской армии, только что одержавшей небывалую победу, находился сам кронпринц Фридрих-Вильгельм, старший сын престарелого кайзера Вильгельма II, но еще относительно бодренького и проживавшего все эти годы в занятой ныне Голландии.

А это всех собравшихся в зале на многие мысли не могло не навести и действительно наводило — а ну как фюрер, ранее очень неодобрительно относившийся к немецким монархам и аристократии, снова сделал неочевидные пока всем выводы, и страну ждет триумфальное возвращение к «старым и добрым временам».

Может такое быть?!

Еще как может — недаром рядом с кронпринцем сидит в расшитом золотом мундире довольный донельзя Геринг, получивший немыслимый чин рейхсмаршала.

К чему бы это? Разве совпадение?

Этот немой вопрос явственно прослеживался на лицах всех собравшихся в зале нацистов, но только в те немногие секунды, когда Адольф Гитлер брал короткую паузу для отдыха глотки. Бесперывно и толково говорить не только требует умений, но и значительной растраты физических сил — язык хоть и без костей, но тоже устает, как ломовая лошадь.

Триполи

— Как хорошо!

Майор фон Люк подставлял лицо прохладному ветерку, шедшему с моря. Само собой разумеющаяся для здешних мест дневная жара, обжигающая и столь непривычная для ранней осени, уже спала, а потому стало просто прекрасно: на душе, как и в теле, царствовало наслаждение.

Еще бы, в столь малом чине майора да в молодые годы стать командиром разведывательного полка танковой дивизии — о такой карьере он раньше и мечтать не мог!

Дивизия Эрвина Роммеля, получившего за Французскую кампанию чин генерал-лейтенанта, была переброшена в Африку еще в начале сентября, когда контуры победной операции «Зеелев» еще только прорисовывались. Зато здесь о славе и триумфе итальянцы уже не мечтали — их вторжение в Египет оказалось самой большой катастрофой, которую макаронники не испытывали со времен прорыва фронта под Капоретто в прошлую войну, и отчаянно взвыли о помощи, не надеясь удержать Ливию.

— Им бы на шарманках играть да песни петь. Жалостливые...

Офицер поперхнулся от попавшего в лицо, а главное, в рот колючего песка — губы мгновенно пересохли.

Да, открытый автомобиль не лучшее средство для бросков через пустыню, но бронетранспортер или разведывательный бронеавтомобиль не лучше. При жаре находиться в раскаленной железной коробке не просто тяжело, а невыносимо, как грешнику на сковородке, прикрытой крышкой.

Хорошо, что воевать, как и работать, принято здесь в ночные, утренние или вечерние часы, а днем всякая осмысленная деятельность прекращается. Но то летом, краешек которого Люк достал, сейчас же стало намного комфортнее, можно и днем повоевать. Главное — было бы чем, а это имелось.

Сразу после Французской кампании 7-я танковая дивизия, или «призраки», как ее называл противник, подверглась реорганизации первой. Две «боевые группы», то есть временные

соединения танков и мотопехоты, при поддержке приданной артиллерии и саперов были официально узаконены и переименованы в панцер-гренадерские бригады из двух танковых, мотопехотного и панцер-гренадерского батальонов каждая, плюс по гаубичному дивизиону на тягачах и саперная рота.

Усиление было солидным, а в пехоте почти двукратным. В руках командира дивизии оставался порядочный кулак из двух полков — артиллерийского и разведывательного, отдельного пехотного и саперного батальонов. Плюс технические и вспомогательные службы — в штатном составе насчитывалось почти семнадцать тысяч солдат и офицеров.

Мощная сила, способная смести любого противника крепким ударом четырех танковых батальонов в две с половиной сотни танков. И это не считая другой приданной бронетехники — штурмовых орудий, САУ, бронеавтомобилей, БРЭМов и бронетранспортеров. Впрочем, последних было еще немного и совершенно недостаточно — едва укомплектовали по одной роте на каждую бригаду.

Однако Люк надеялся, что некомплект будет вскоре покрыт — заводы в Германии работали, а больших потерь в войсках ожидать не приходилось — война в Европе окончилась, лишь только в Африке упертые англичане продолжают воевать. Но это вряд ли надолго...

Берлин

— И пусть нас дальше ведет победоносный гений нашего любимого фюрера Адольфа Гитлера!

Зал взорвался криками «Хайль Гитлер» — нацисты дружно повскакивали с сидений и выбросили в партийном приветствии правую руку, все поголовно, и кричали громко, можно даже сказать, верноподданно.

Вот только на лицах сидящих в первых рядах бонз Андрей сумел заметить тщательно скрываемую под восторженной маской неприязнь, более всего похожую на перемешанную со страхом ненависть.

Геринг, в своем новом мундире, осыпанном немислимыми наградами и с золотым жезлом рейхсмаршала в руках, не подвел. Его речь, полная горделивого ликования от неслыханной победы, произвела должное впечатление, особенно прямой в оглоблю намек, размером с тяжелый танк, который был правильно воспринят всеми нацистами — вермахт пойдет за главнокомандующим куда угодно и не остановится ни перед чем!

После такого категорического заявления все собравшиеся фельдмаршалы дружно зашевелились, как бы демонстрируя эту самую готовность. И беспартийные депутаты рейхстага, и прожженные партайгеноссе сразу осознали, откуда ветер дует, оттого и приняли все предложения фюрера не то чтобы единогласно, а как раньше писали — в полном единодушии, в едином порыве, вдохновившись великим замыслом вождя.

«Та еще публика!»

Андрей взирал с омерзением. Ну хоть бы кто-то встал, разорвал на груди китель, как революционный матрос, и во весь голос заявил, что фюрер отказывается от национал-социализма в его чистом виде и отменяет все, что сам же написал в «Майн кампф».

Не сошел ли наш любимый Адольф с ума, дорогие партайгеноссе? Не пора ли одеть на него смиренную рубашку и под рев сирены отвезти в уютное здание с решетками на окнах, где вождю нации сделают «спасительную» инъекцию?

Дураков и упертых героев не нашлось, нацисты, поглядывая искоса на слитный строй фельдмаршалов, выводы из речи вождя одобрили и приняли, воздержавшихся или несогласных не имелось. Все только «за», как комсомольцы на съездах или пионеры на обращении партии. Ну, очень похожая картина, и цвета перекликаются.

«Это вас не спасет, за гланды сегодня же возьмем!»

Андрей обвел внимательным взглядом первые ряды, выхватив услужливые лица высокопоставленных партийных товарищей, подумал, что слишком серьезно взялись военные за это дело, привлекая уйму сил и техники.

Нацистская верхушка явно не собиралась оказывать сопротивления, надеясь, что именно они продолжат занимать в государственном управлении главенствующую роль. Только этому заблуждению предстояло рассеяться в самое ближайшее время, но не сейчас, а чуть позже, когда эту шатию-братию начнут брать за шварник.

Андрей поднялся с места и снова отправился к трибуне: предстояло довершить последний аккорд в данном представлении. С высоты он оглядел зал — главные нацисты смотрели на него встревоженно, остальные восторженно. Военные взирали с почтением, но несколько снисходительно, зато беспартийные, а их было немного, с надеждой — то, что они услышали сегодня, позволяло надеяться на лучшие времена и не вздрагивать при слове «гестапо» каждый раз.

Потому, посмотрев еще раз именно на таких и вырвав взглядом лица Нейрата и Шпеера, Андрей громко произнес, почти выкрикнул то, что держал в заглашнике целый день, метнул как ту, последнюю соломинку, что переломала хребет верблюду весом в тонну и размером в рельсу.

— У нас может быть только одна партия — германский народ!

Бирмингем

— Война для нас закончилась, Майер!

Командир «Лейб-штандарта» Дитрих говорил с ухмылкой, разглядывая копошившихся у груд вооружения и военного снаряжения «паулю».

— Мы воевали, а эти наши трофеи подсчитывают, группенфюрер!

Курт скривил губы в ухмылке — после сражений во Франции он испытывал к обитателям этой страны легкое презрение, как и все эсэсовцы, и не важно, выступали ли они врагами, как в мае, или союзниками, как в этом сентябре.

— Взяли-то мы их, а не они. — Дитрих опять улыбнулся задорной улыбкой мясника, кем работал до участия в широком национал-социалистическом движении. — А то, что французы здесь с нами, так на то политика, и не нам о ней думать, майор.

Майер закричал — не успев привыкнуть к новому званию, заслуженному в боях на острове, ведь теперь он будет именоваться впредь на армейский лад: вчера зачитали приказ фюрера об упразднении частей «ваффен СС» и переформировании их в особые, с гвардейским статусом, панцер-гренадерские полки.

Эсэсовцы считали себя элитой немецкого народа, вооруженным отрядом партии, а тут перевод в вермахт?! Но фюрера в отданном приказе никто не винил: они приносили присягу не Германии, а лично Адольфу Гитлеру, а он их от нее не освобождал.

Да и переводились они не в армию, а, судя по слухам, в панцерваффе, где и обмундирование похожее, с введением новых воротничковых петлиц на черные мундиры, только без эсэсовских рун.

Тем паче что уже знаменитая 1-я танковая дивизия получала точно такое же почетное именование, только без упоминания «личного полка — штандарта». Это несколько смягчило общее недовольство эсэсовцев — даже «мертвую голову» снимать не пришлось с пилотов, танкисты носили почти такие же. Но все же обидно, хотя за старину «Зеппа» Дитриха еще обиднее — из группенфюрера «ваффен СС» он стал рядовым генерал-майором, ибо на должности командира полка получить больший чин было абсолютно невозможно, и так «вилка» всего до полковника...

— А французы ничего, ни разу не бежали, майор. Это делает им честь, особенно после майских и июньских дней.

— Так точно, группенфюрер...

— Майор, мы давали присягу фюреру, так что изволь выполнять приказ, как положено честному немцу!

— Так точно, мой генерал. Просто они воевали чуть-чуть, больше за нашими спинами прятались. Зачем нам такие помощники, мой генерал?

Майер впервые выдал из себя армейский чин «Зеппа», но на принятый в бригаде манер: эсэсовцы убрали «герр», оставив товарищеские отношения, а не принятые в армии, и старались не упоминать «майора».

Это всех устроило, даже соратники танкисты стали перенимать такое простое, без угодливости, но с достоинством обращение. На котором, кстати, и «Шнелле-Хайнц» всегда настаивал, так что и к нему местоимение «мой» постоянно употребляли.

— Французы — торговцы от рождения, как и итальянцы. — Дитрих улыбнулся, но на этот раз зло, оскалившись, как волк. — Они до последнего тянули, пока уверенность в нашей победе не стала полной. Тогда и собрали парочку дивизий мародеров. Смотреть тошно! Тьфу!

Генерал плюнул от раздражения и повернулся, махнув рукой. Майер усмехнулся — действительно, торговцы эти галлы с латинянами, вояки с них худые. Но выгоду носом чувствуют — ведь с союзников контрибуцию брать как-то не принято! И пример есть — румыны в ту войну, право слово!

Берлин

— Война только начинается, мой милый Эрих!

Андрей посмотрел на несколько растерявшегося от таких слов начальника штаба ОКВ и усмехнулся. Военные в Германии имели порядочный кругозор, вот только политическим доктринам предпочитали свое специфическое ремесло, в котором они действительно собаку съели, и не одну, причем с ошейниками и кожаными намордниками вместе.

— Это война идеологий, Эрих, такая война, о каких раньше никто и не думал. Страшная, которая будет вестись до конца. И мы проиграем эту войну неизбежно, если будем придерживаться доктрины национал-социализма в ее чистом виде... Прежнем, я хотел сказать.

— Но почему, мой фюрер?!

Генерал был потрясен от сказанного, Андрей это прекрасно видел, но держал себя в руках. Зато в глазах рвалась мысль, словно попавшая в какие-то щоры и не имевшая возможности либо сил из них вырваться.

— Это война за мировое господство, генерал. Причем не в границах какого-либо государства, пусть даже в рамках империи. Нет, это борьба идеологий, которой придерживается та или иная группа стран.

— Мировая война уже была, мой фюрер...

— То была предтеча, Манштейн. Затронув внешний характер держав, она не затронула их внутренней сущности. И кайзер сделал великую ошибку, организовав революцию в России и приход к власти большевиков. С этого момента Европа и мир стали становиться другими. Совсем другими. Вспомните, мой милый Эрих, как мы жили до войны — я имею в виду все страны — и много ли было между нами отличий? Или главным было политиканство, идеологическая вражда, злоба к соседу, право истреблять людей только за то, что они имеют другую национальность или происхождение?

— Нет, мой фюрер, — улыбнулся генерал. — Разница определенная имелась, это так. Но принципиальных отличий я не наблюдал, хотя побывал и во Франции, и в России.

— А сейчас, генерал? Еще до этой войны мы взяли за евреев, а большевики в России давным-давно пустили под нож не только белых, но и целые слои населения — капиталистов, дворян, священников, казаков и прочих. Разве это война?! Это бойня! Помните, что у нас творилось?! И я как рейхсканцлер совершил великую ошибку, когда партийную доктрину сделал государственной политикой. И едва не стал погубителем Германии!

— Вы, мой фюрер?!

Генерал был потрясен — чтобы вот так просто Верховный главнокомандующий произнес слова, которые...

— А теперь вы, господа генералы, толкаете свою родину в смертельную пропасть! — Андрей видел, что Манштейн уже что-то замыслил, и нанес удар быстро, пока тот не начал связывать концы с концами. — Вы и только вы можете сейчас стать ее погубителями!

— Мой фюрер!

Генерал подскочил с кресла как ужаленный и сразу наклонил голову, будто собрался идти в атаку, глаза гневно сверкнули.

— Мне хотелось бы знать, на каком основании...

— Остановитесь, Эрих, и выслушайте меня внимательно. — Андрей подошел к Манштейну и надавил на плечи, силою усаживая того в кресло, а сам вернулся к своему и сел, упершись рукою в подлокотник.

— С вашего разрешения, мой милый Эрих, я вернусь к тому, с чего начал. К идеологии...

Триполи

Хорошо ходить в любимчиках у самого командира дивизии: все лучшее именно тебе перепадает, но и все шишки тоже твои.

Разведывательный полк майора фон Люка оставался, по сути, прежним батальоном, но уже усиленным, в состав которого ввели еще один дополнительный мотоциклетный стрелковый эскадрон да щедро добавили новенькие полугусеничные бронетранспортеры «Ганомэг».

Плюс батарея из семи новейших САУ «Мардер», изготовленных из переделанных Pz-II — вместо снятой башни на них установили легкую броневую рубку, в которую установили 75-мм пушку — трофей Польской кампании. Ну и приданная полку генералом Роммелем отдельная рота легких танков, тех самых «вторых» моделей, для серьезного боя совершенно непригодных, ибо против хорошо бронированной английской «Матильды» бесполезны даже 75-мм «окурки», а тут вообще 20-мм «пукалка». Так что главным аргументом в предстоящих схватках майор полагал именно САУ, способные вышибить любой танк противника, и большую скорость своей бронетехники, чтобы успеть выскочить из-под обстрела.

Скорость, маневр и огонь — вот главные аргументы разведки, аксиома, которую он вывел еще с боев во Франции. Первые два наличествовали, подкрепленные отличной связью и налаженным взаимодействием, а вот с третьим было совсем плохо. До последнего времени...

Пока не прибыли на «обкатку» и проверку в боевых условиях эти новые «мардеры» — «куницы», оказавшиеся весьма кстати, а что бронированы плохо, так тут толстая «шкура» не важна, да и невозможно ее установить на легких машинах.

Люк оглянулся назад — гигантские столбы пыли, поднятые двумя сотнями машин и мотоциклов его полка, полностью закрыли багровый круг заходящего солнца.

Впервые столь грозная сила повиновалась его приказам и поспешала к Бенгази, откуда итальянцы уже спешно драпали, хотя британцы были еще далеко от города. А потому командир дивизии генерал Роммель надеялся, что прибытие авангарда его дивизии остановит повальное бегство экспансивных на решения итальянцев и побудит их начать оказывать сопротивление наступающим британцам.

Почти полторы тысячи великолепно обученных и обстрелянных солдат с тремя десятками танков и САУ, полсотни бронеавтомобилей и бронетранспортеров — очень внушительная сила, способная причинить любому врагу немало неприятностей.

И тут фон Люк вспомнил прекрасную Францию и старого настоятеля монастыря, что по незнанию своему поклялся выдать каждому немецкому солдату его разведбата по целой бутылке прекрасного душистого ликера, знаменитого «бенедикта», и усмехнулся. Сейчас доброго священника удар бы хватил, ибо отдать полторы тысячи бутылок дорогого ликера он просто не смог. «Жаба» разом задавила бы!

Глава четвертая

«НА КРАЙ ПРОПАСТИ»

Берлин

— Сейчас в мире, не будем считать колонии и второстепенные страны, есть три типа политического устройства, Эрих. Первый — либеральный, с развитым институтом парламентаризма и большими рамками прав так называемой личной свободы. А потому главное у них в жизни одно. Мерило всего — богатство. Каждый может стать миллионером, а каким путем — неважно. Яркий пример такого поведения — США. Европейские страны, следующие по этому пути, нам тоже известны...

— Вы имеете в виду Британию и Францию?

— Не только их. Старинные традиции парламентаризма имеют Скандинавские страны, те же Швеция и Дания. А потому они не могут быть нашими постоянными союзниками. Но и врагами тоже — тут играют роль совсем другие факторы...

Андрей говорил медленно, понимая, что убедить Манштейна он сможет, только открыв всю картину, как она ему представлялась. Приходилось рисковать.

— Второй тип государств мы можем назвать авторитарными. Или вождизмом — здесь многое зависит от политического лидера, монарха или диктатора, не суть важно. Потому этот самый фюрер вынужден опираться на большие слои населения, удовлетворяя его чаяния. Тут идут совсем иные процессы и во главу угла ставится не свобода индивидуума, а общественное благо для избежания революции и гражданской войны в будущем. Проще говоря, здесь мы имеем дело с консерватизмом, который пытается сохранить прежнее общественное устройство, с одной стороны, а с другой — провести необходимые реформы. Наглядным примером является наш друг дуче, который буквально выволок Италию из тупика.

— Таких лидеров большинство в Европе. Это каудильо в Испании, и адмирал Хорти в Венгрии, и многие другие. — Манштейн улыбнулся, но глаза смотрели цепко. — Включая бывшие прибалтийские страны, болгарского царя и румынского диктатора...

— Список велик, генерал, я согласен с вами. Сюда можно будет ввести и Францию, если маршал Петен станет диктатором, а к этому дело идет. Но мы отвлеклись. К третьему типу относятся только тоталитарные государства, где диктат партии и вождя приводит к полному главенству идеологии и к тому, что любое несоответствие этому диктату моментально подавляется. Таких государств крайне мало, а если быть предельно честным, то только два. Это большевистская Россия Сталина, что имеет притязания на всемирное господство путем мировой революции, и...

Андрей сделал паузу и пристально посмотрел прямо в глаза Манштейну, как бы подталкивая того к заключению. И надо отдать должное — генерал продолжил предельно спокойным голосом:

— И Третий рейх германского народа Адольфа Гитлера, мой фюрер!

— Вы точны, мой милый Эрих, как и положено военному. Да, именно так — Германия и Советская Россия. Причем СССР может приобрести мировое господство только в одном случае. — Родионов остановился, понимая, что сейчас нужно быть особенно точным и осторожным. — Если война затянется, то ее тяготы сделают притягательными коммунистическую пропаганду для большой массы населения Европы. И не только! А значит, если Красная Армия начнет интервенцию, то многие ее будут встречать как избавителя. И не важно, что большевики не желают, да и, откровенно говоря, не в состоянии выполнить свои пропагандистские лозунги. Зато они в силах штыками установить свое господство.

— А как же с финнами, мой фюрер?!

— Финляндия до «зимней войны» жила мирно, и «пятой колонны» там не наблюдалось, Эрих. И победить ее смогли только чудовищным перевесом в силах. Я думаю, что Сталин уже сделал определенные выводы для себя и будет всячески усиливать свою армию.

— Мой фюрер, меня как начальника штаба это больше всего и беспокоит. Если верить донесениям нашей разведки, а не доверять им нет оснований, то большевики сейчас проводят широкомасштабное развертывание своих вооруженных сил с перевооружением на новые образцы техники.

— И как велика их армия, генерал?

— Примерно около трехсот соединений, дивизий и бригад, и это только приблизительно. На вооружении состоит до 20 тысяч танков, около 15 тысяч боевых самолетов. Но, возможно, их на самом деле намного больше. В Петербурге налажено производство новых тяжелых танков КВ весом до пятидесяти тонн. Эта аббревиатура означает...

— Клим Ворошилов, сталинского маршала!

Андрей улыбнулся. Теперь он со всей пронзительностью понял, что бывший глава абвера адмирал Канарис занимался дезинформацией Гитлера, недаром тот воскликнул в июле 1941 года, что если бы знал, сколько танков имеют большевики, то никогда бы не начал эту войну.

Манштейн все приводил и приводил наименования разных образцов новой советской техники — о Т-34 и МиГ-1 ему было не только известно, но имелись приблизительные их ТТХ.

Нет, германская разведка действительно умела работать, и хорошо, в отличие от ее бывшего руководства, что выполняло настойчивые пожелания из Лондона и сознательно вводило руководство вермахта в заблуждение. Ту же информацию по танкам с противоснарядной броней передали финны, которые ухитрились даже снять люк с башни подбитого на линии Маннергейма экспериментального танка СМК.

— Я все прекрасно понимаю, мой дорогой генерал. Но угроза идет не из Москвы!

Родионов так посмотрел на Манштейна, что тот, и без того собранный, застыл как изваяние.

— Главная угроза, губительная как для нас, так и для Советов, пока молчит. Она ждет своего часа.

— Вы имеете в виду...

— Вы правы — это Соединенные Штаты Америки, и, когда придет время, они войдут в игру. И это будет скоро, очень скоро!

Бергхоф

Макс Шмеллинг устроился поудобнее в кресле, смотря на высившиеся горы. Раньше он бывал в резиденции Адольфа Гитлера, но только два раза, и по торжественным случаям.

Но сейчас он гостил в числе трех десятков офицеров и солдат парашютных войск люфтваффе, которым фюрер предоставил свой дворец в полное распоряжение.

Это было тем более удивительно, ведь насколько помнил Макс, то ни один правитель в мире никогда не делал ничего подобного, а потому почитание рейхсканцлера было всеобщим, десантники просто боготворили своего Верховного главнокомандующего.

— Все смотрите на горы, Шмеллинг?

— Да, герр генерал!

Макс почтительно встал с мягкого кресла, приветствуя генерал-майора Ойгена Мандля, которого миловидная сиделка вкатила на коляске. Обычный променад — выздоравливающие раненые, а такие тут были все, должны ежедневно дышать чистейшим горным воздухом по несколько раз в день. За ними бдительно смотрели десятки медсестер и сиделок, молодых и

очень красивых девушек, что еще более скрашивало эти приятные дни.

Опытные врачи наблюдали и днем и ночью, правда, некоторые процедуры Шмеллингу не нравились, но он понимал их необходимость. Сегодня ему сняли гипс, и бывшему боксеру, увидевшему свою бледную и худую руку, стало дурно — теперь о продолжении спортивной карьеры можно забыть, хотя мечты касались только выставочных поединков. Пора было подумать о мирной жизни.

— Что, герр Шмеллинг, задумались о том, что будете делать в спокойной обстановке мирного обывателя?

Генерал усмехнулся, словно прочитав его мысли. Шмеллинг вздрогнул и повернулся, а Мандль, прикрыв глаза веками, пояснил:

— Я смотрел за вами, у вас было такое лицо, и одухотворенное, и печальное. Так всегда выглядят старые солдаты, которым не хочется уходить на заслуженную пенсию.

— Мне тридцать шесть, майн герр, по сравнению с другими солдатами я действительно стар. Но служу я всего ничего, да и прыгал мало, только один раз в бою.

— Этого вам с лихвою хватило, вы хороший унтер-офицер, так что знак парашютиста носите гордо, как и кресты. Я о другом — не желаете ли остаться в учебной бригаде, мне уже предложили это назначение после выздоровления. Вы великолепный солдат, я наблюдал за вами в Англии. О вашем захвате «языков» уже слагают легенды.

— Ваше предложение неожиданно, майн герр!

Макс оторопел от предложения и впервые подумал, что, оказывается, и в десанте его имя заработало определенный авторитет. И если на ринг дорога закрыта, то здесь все распахнуто. А ведь идет война, и он должен быть полезен рейху и фюреру, который так о них позаботился.

Генерал Мандль снова открыл глаза и пристально посмотрел на боксера. Тонкие губы выдавили улыбку — командир бригады хотя и пошел на поправку, но все еще был слаб.

— Оставьте раздумья, герр Шмеллинг. Война идет, выброски будут — так что для парашютистов работа еще будет. Ходят слухи, что если англичане заупрямятся на Средиземном море, то мы выбросим десант на Мальту, их главную базу в тамошних водах. Да и Гибралтар тот же. Так что работа будет! Комиссованию вы не подлежите, но вряд ли вам самому захочется прозябать во вспомогательной службе. А в бригаде вы будете пользоваться заслуженным уважением. И главное — потери оказались слишком велики, и сейчас каждый обстрелянный парашютист на вес золота. Нужно подготовить молодых, передавать им опыт. Я думаю, вы понимаете это, унтер-офицер?

— Я согласен, герр генерал, — после долгой и мучительной минуты размышлений отозвался тихим, но крепким голосом бывший боксер, чемпион мира, а ныне унтер-офицер парашютно-десантных войск, кавалер Железного креста двух степеней. — Тем более если такое уважение и заботу демонстрирует нам сам фюрер...

Берлин

— Они хотят распространить свою власть на весь мир. Поверьте — свобода и богатство в таком сочетании дают убойные козыри их пропаганде. А в сочетании с мощнейшей экономикой, огромным флотом и развернутой авиапромышленностью через год, не больше, они действительно станут опасными для нас. Добавьте к этому британскую колониальную империю, зависимые от них страны и гигантские людские ресурсы, и мы неизбежно проиграем войну, если она затянется!

Андрей тяжело вздохнул, пожал плечами и, протянув листок бумаги генералу, глухо добавил:

— У нас просто не хватит людских ресурсов, тем более что мы их сами резко сокращали.

Посмотрите на эту бумагу, мой милый Эрих, и вы все сразу поймете.

Манштейн быстро пробежался глазами по листку, заполненному скупыми строчками машинописи и колонками цифр, и поднял ошарашенный взгляд на Родионова.

— Так оно и есть, Эрих. За семь лет партия превратилась в монстра, который стал тиранить весь германский народ. Около трех миллионов немцев стали изгоями в собственном отечестве. Да-да, именно немцев, хоть во многих из них и течет еврейская кровь, но они наши с вами соотечественники, чьи предки верой и правдой служили Германии. Свыше полумиллиона репрессировано, большинство из них до сих пор находятся в концлагерях. Около 50 тысяч наших граждан подло умерщвлено. Подло! Поверьте, я сам не знал об этом — партийные Торквемады сами принялись насаждать свое видение национал-социализма. Эти несчастные, многие из которых душевнобольные, стали жертвою уколов смертельной инъекцией. А среди них были и солдаты Великой войны, награжденные боевыми наградами. Понимаешь, Эрих, эти твари не пожалели наших героев, с которыми мы ходили в атаки!

Андрей в лихорадочном возбуждении подскочил к вставшему из кресла Манштейну и схватил его за мундир. Лицо генерала, по мере монолога фюрера, вначале побледнело, а теперь побагровело. Он начал хрипло дышать, сам задыхаясь гневом.

— Но мы вовремя раздавили гадину, что подтолкнула рейх на край пропасти. Мы их опередили, Эрих!

— Так точно, мой фюрер! Я и не предполагал, что эти мерзавцы за нашими спинами творят столь грязные дела. Надеюсь, что они получают сполна за свои злодеяния!

Генерал говорил четко, будто диктовал приказ, — короткая записка, переданная рейхсканцлеру начальником гестапо Мюллером, произвела на него самое серьезнейшее впечатление. Было отчетливо видно, что Манштейна колотит от сдерживаемого бешенства.

— И что нам делать дальше, мой фюрер?

— Только одно, мой милый Эрих, — готовиться к затяжной войне с англо-американцами. Это потребует от нас усилий, так же как и наших союзников. Теперь договориться с последними станет намного легче, ведь сейчас нам не препятствует безрассудная политика вчерашних лавочников и мясников, почувствовавших себя вершителями судьбы Германии...

Речь лилась плавно, но в то же время Андрей чувствовал, что теперь для него все станет намного сложнее. Ведь, избавившись от маргиналов в руководстве страной, он сам в глазах определенной части генералитета выглядит не лучше этих нацистов. А потому во многие головы уже сейчас пришла мысль — а не пнуть ли нам самого фюрера пинком под зад?

Не могла не прийти!

А это скверно, очень скверно. Но куда деваться — раз вино откупорено, то его нужно пить!

Мюнстер

Обер-лейтенант Готфрид Леске пребывал в скверном расположении духа. Его два дня назад выписали из госпиталя, и теперь он прибыл сюда, на знакомый до боли аэродром, с которого поднимал свой тяжелый «Хейнкель-111» в первые дни Французской кампании.

Как давно это было!

Пилот чувствовал себя плохо, хотя от ранения и ожогов он полностью оправился. Но его мутило, когда подлая память начинала разворачивать перед ним вполне осязаемые картинки падающего вниз бомбардировщика, а руки словно снова лизали длинные языки пламени, и Готфрид в панике начинал трясти кистями.

А потом накатывала астма — и Леске задыхался от непонятно откуда взявшегося невидимого глазу едкого дыма, офицер, к великому удивлению окружающих, начинал жадно глотать воздух, будто огромная рыба, выуженная на берег умелой рукой.

— Ферфлюхте!

В который раз проклял свою судьбу Леске, отгоняя охватившее его наваждение. Да, на отдыхе в тылу над фронтовиками понятиливо посмеивались, когда те спросонок начинали искать оружие или от грохота упавших ящиков падали на землю, словно попали под минометный обстрел.

А у него другая фобия, в этом он себе отдавал полный отчет — время от времени хвататься за грудь, проверяя замок парашютной системы, словно находясь все в том же последнем полете...

«Нет, крайнем!»

Леске тут же поправил себя: уж больно в авиации не любят это слово, причем пилоты всех стран и национальностей — в летчике всегда должна быть надежда, что он останется в живых, или выпрыгнув с парашютом из гибнущей машины, или посадив ее и не угробив при этом себя и экипаж.

Обер-лейтенант тяжело вздохнул и выругался еще раз. Как он устал за эти дни, кто только знал! Устал гореть в сотый раз, задышаться дымом и жадно глотать свежий воздух как живительную влагу...

— А ведь точно, как влагу...

Леске остановился, в голове появилась четкая мысль — затянувшуюся болезнь нужно выводить, иначе спишут на землю, прах подери! А чем лучше всего вышибить засевший в голове клин?

Только клином, и никак иначе, а потому следует пойти в офицерский клуб и напиться шнапса. Вдрызг, до соплей, — никто его не осудит, ведь он единственный из его экипажа, кто выжил после падения в штормящем Ла-Манше. Выжил! А потому за это следует выпить, ведь последний раз выпил еще в августе — как же давно это было!

Леске махнул рукой, прокрутив в голове имеющиеся наличные деньги, и решительным шагом целеустремленно направился в дверь офицерского казино, которое оказалось весьма кстати на его пути...

Берлин

— Мой фюрер, нас очень сильно начали беспокоить военные приготовления Советов, совершаемые в последние месяцы. Они уже несут достаточно серьезную угрозу рейху!

— Сталин наш союзник, господа, и вы, Манштейн, хорошо это знаете!

Андрей старался говорить как можно убедительнее, но переупрямить генеральскую фронду ему пока не удавалось. Да и как тут их убедишь, если руководство ОКХ и ОКВ собралось здесь, в кабинете, на совещание чуть ли не в полном составе.

— Заключение с нами ранее договоры Сталин выполняет скрупулезно, а поставки жизненно важного для нашей страны сырья увеличились в полтора раза, а к марту следующего года удвоятся...

— Это так, мой фюрер, — теперь на смену начальника штаба ОКВ выступил генерал-лейтенант Йодль. — Тем не менее данные разведки, которую я возглавляю, свидетельствуют о большом размахе военных приготовлений, проводимых большевиками. Мой фюрер! Развертывание девяти механизированных корпусов, в каждом из которых будет чуть больше одной тысячи танков и бронев автомобилей, однозначно говорит о планируемой Москвой в будущем году наступательной операции.

— Мой фюрер, прошу простить, — теперь вперед шагнул и фельдмаршал Браухич, командующий сухопутными войсками, или ОКХ, как их кратко именовали. — Мы не имеем права оставить столь расширенные приготовления Москвы и просто обязаны принять

превентивные меры! На нас всех лежит ответственность за судьбу рейха.

«На корабле бунт, и если я не пойду на попятную, то Германия рискует остаться без своего рейхсканцлера, то есть меня любимого. Хрен бы побрал этого Йодля, выудил информацию о мехкорпусах и прочем. Неужто этот Резун, что под Суворова косит, прав, мерзавец?»

Мысли скакали галопом, нужно было немедленно найти несколько весомых аргументов, чтобы сломить столь организованное сопротивление генералитета, который прямо нож к горлу приставил. Причем купно, за исключением командующего панцерваффе, — Гудериан проявлял удивительное олимпийское спокойствие и не ратовал за подготовку превентивной войны против СССР. Андрею показалось, что именно «Шнелле-Хайнц» способен оказать ему поддержку.

— Господа! А вам не приходит в голову то, что объяснение этим приготовлениям может быть самое простое — нас просто боятся! Да-да, господа, и никак иначе! Большевики задавили финнов колоссальным превосходством в людях и технике, но почти не добились поставленных целей. Красного блицкрига не получилось даже в прибалтийских странах, хотя ситуация для Москвы там была более благоприятной, а внутри имелись оккупационные корпуса, равные вооруженным силам лимитрофов!

Андрей говорил с пафосом, но незаметно косился на Гудериана. Судя по лицу новоиспеченного фельдмаршала, тот был полностью согласен с тирадой фюрера.

— Да, их корпус имеет танков втрое больше, а личного состава в полтора раза, чем наша дивизия. Это так! Только танков, господа, отнюдь не другой бронетехники, без которой маневренная война и глубокие прорывы невозможны. Давайте спросим командующего панцерваффе, он наш главный специалист по ведению танковой войны.

Все взоры устремились на молчавшего до сих пор Гудериана — казалось, что на того военные приготовления в Советском Союзе не произвели должного впечатления, настолько безмятежным выглядел «Шнелле-Хайнц», усмехавшись чуть-чуть, и только сейчас как бы очнулся от спячки и заговорил твердо и решительно:

— Создание таких корпусов есть ошибка, в этом я уверен. Вся эта тысяча танков имеет лишь противопульную защиту, не лучше, чем на наших бронетранспортерах и бронемашинах. Даже Pz-II имеют более толстую броню. А средних и тяжелых многобашенных танков у большевиков наберется едва ли по одной роте на дивизию, да и то они подвержены эффективному воздействию наших противотанковых орудий, которых в каждой пехотной дивизии насчитывается больше сотни, включая и роту истребителей танков на шасси Pz-I с чешской 47-мм пушкой. Проломить столь насыщенную ПТО с первого удара даже их корпус не в состоянии, я уже не говорю о том, что потери будут огромными!

Гудериан остановился и усмехнулся, видя задумчивые лица военных руководителей рейха, и продолжил говорить все тем же скупающим голосом, но с выделением слов для большей убедительности:

— Обеспеченность автомобилями ниже всякой критики, причем транспортный парк состоит в большей части из устаревшей и малопригодной техники. А сама бронетехника... Иметь в корпусах по девять типов бронетехники — значит довести тыловые службы до паралича. Свести вместе столь разные по тактическим характеристикам машины?! Как тихоходные танки типа английского «Виккерса», едва ползущие по полю боя, так и американские колесно-гусеничные «Кристи», способные развить полсотни километров, есть очень большая ошибка. Даже после прорыва фронта такой корпус уподобится удаву, растянувшись на марше на многие десятки километров. Это мы наблюдали в Польше, когда без воздействия практически не сопротивляющегося противника русские оставили четверть своей бронетехники на дорогах. Ее просто бросили, господа. Потому я не думаю, что эти самые мехкорпуса должны вызвать у нас приступ паники до дрожи в коленках!

— Фельдмаршал Гудериан!

Браухич сделал шаг вперед, на лице расцвели багровыми цветками пятна гнева. Остальные тоже вспыхнули праведной злобой.

«А здорово он их уел, старина Хайнц. Теперь его нужно выручать, потерять вменяемого генерала я не имею права. Они ж его запросто схарчат, без соли и без лука. Но как он их уел!»

Мюнстер

— Рейхсмаршал особо настаивает на том, чтобы переброска главных сил нашего 2-го флота была завершена в течение трех недель!

Фельдмаршал Кессельринг подошел к карте и пристально посмотрел на нее. Война в Англии закончилась, а потому на острове оставался лишь один авиакорпус из состава 3-го флота, который оставался на западе. Восточную границу рейха и небо Германии защищал 1-й флот, а 4-й прикрывал южные рубежи и союзные с Германией страны — Венгрию и Румынию.

— Нам надлежит, Шпандель, не позднее конца октября сосредоточить не менее двух эскадр в Африке, а четыре здесь, — Кессельринг накрыл своей ладонью небольшой треугольный остров у самого носка итальянского «сапога», — на Сицилии... А потому для нас наступят самые горячие деньки, и мы забудем даже недавние бои!

— Следует предположить, майн герр, что ожидается проведение новой воздушной операции, но в гораздо меньших размерах. Ведь так?!

— Не буду скрывать от вас. Если англичане в Каире откажутся признавать правительство в Лондоне, а останутся на стороне Черчилля и продолжат бои в Ливии, то фюрер приказал нанести удар всеми силами. Там воюет танковая дивизия генерала Роммеля, а к концу года будет перевезена еще одна танковая и две пехотные дивизии с большим количеством автотранспорта, то есть целая танковая группа.

— Весьма серьезно, майн герр. И при поддержке всего нашего флота?! Но зачем?! Не думаю, что у англичан там серьезные силы королевской авиации. Или...

— Именно это самое «или», Шпандель. Нужно ударить так, чтобы сразу и надолго завоевать полное господство в небе. Рейхсмаршал передает в наше распоряжение две эскадры «штукас», что действовали против «Гранд Флита». И первая наша задача состоит в захвате Мальты. Этот остров впился занозой в коммуникации, и нашим союзникам просто не дают проводить конвои в Ливию, они несут потери. Потому Рим и согласился на принятие от нас действенной помощи.

— Даже так, майн герр?

— Именно так. Мы не собираемся отдавать Мальту итальянцам, а потому ее взятие будет проведено только нами — высадкой десанта 2-й парашютной дивизии с воздуха, которую, надеюсь, успеют подготовить к этому времени, — Кессельринг цепко посмотрел на карту, — и с моря. На юг уже отправили в разборном виде паромы Зибеля, промышленность не только восполнила потери, но и наклепала новых. Нужно тщательно спланировать наши действия. Шпандель, именно на нас ляжет эта чрезвычайно трудная задача. Да, вот еще — ваше представление на новый чин в Ставке, так что фюрер сможет по достоинству оценить ваши заслуги!

Берлин

«Надо же, силу почувствовали. С цепи спустили, разорвали волка, теперь можно и хозяина цапнуть. Нет, милые, и вас я на цепь посажу, иначе вы таких дел натворите, куда там нацистам». — Мысли текли бурным потоком, но сам Андрей уже переборол бешенство, вызванное упрямством генералов, желающих превентивно (и выбрали же слово) лягнуть СССР.

Действительно — любая палка состоит из двух концов, но воинствующие нацисты, на его взгляд, были намного опаснее для будущего. Генералы тоже оказались не подарком, но не выступали цельным монолитом, иначе пришла бы полная хана. Поэтому ему удалось их полностью расколоть, поманить реставрацией в будущем кайзера и возвращением к временам «старой и доброй Германии».

А теперь предстояло посадить на цепь, так как удалению клыков эта свора категорически воспротивилась...

— В свое время великий Бисмарк категорически не желал вхождения наших войск в Вену и убедил в этом кайзера: Австрия стала нашим союзником, несмотря на проигрыш войны. Но «железному» канцлеру после Седана не удалось сломить упрямство генералов и настоять на продолжении здоровой политики. Аннексия Лотарингии, в отличие от Эльзаса, рейху была не нужна, но на этом настаивал Мольтке, дабы иметь удобный плацдарм для новой войны с Францией. И что?! Сильно помогло нам это в прошлую войну, я вас спрашиваю?! Шлиффен даже не учитывал эти «приобретения» в планировании обходящей операции!

Андрей говорил чересчур громко и напористо, обводя тяжелым взглядом генералов. Те молчали, соблюдая субординацию и не отвечая на его риторические вопросы.

— Вы хотите воевать с целым миром, господа? Жаждете этого, снова предлагая безумную и совершенно ненужную рейху аннексию. Вы забываетесь, что все политические решения надлежит делать рейхсканцлеру и правительству! Или вы сами собираетесь решать за них вопросы? Вы, фельдмаршал Браухич, желаете стать фюрером германского народа? Или кто-то другой из вас? А как же данная вами присяга, господа?! Или желание стать вершителями судьбы целых народов выбило из вас здравый смысл?! Так скажите мне, и я немедленно отрешу вас от должности!

Такого наезда генералитет не ожидал, а потому молчал. Еще бы — рейхсканцлер абсолютно в своем праве, когда говорил о политическом решении польского вопроса: отнюдь не продолжение военной оккупации, на чем настаивало руководство ОКХ, желая иметь удобный плацдарм для нападения на СССР, — тут Андрей им безжалостно вывернул руки, найдя способ избежать нового «Барбароссы».

— Вопрос о будущем генерал-губернаторства решен раз и навсегда. Мы вернемся к восточным границам 1914 года, с некоторыми уступками там, где поляки составляют более двух третей населения. Я, как рейхсканцлер, заявляю: будущее «новой» Европы состоит во взаимных уступках на общее благо. Мы не должны давать антигерманской пропаганде повода обвинить нас в оккупации территорий, населенных славянами или галлами. Польше мы вернем независимость до наступления следующего, 1941 года. Повторяю — этот вопрос решен!

— Мой фюрер, меня беспокоит только беспрепятственное поступление румынской нефти...

— Я сам великолепно знаю, что без нефтепромыслов в Плоешти нашей экономике будет хуже. Но это еще не значит, что мы оставим Румынию беззащитной жертвой!

Родионов прекрасно понимал позицию генералитета, ведь поставки нефти из этой страны являлись жизненно важными, а потому, если бы он задумал бы сдать Бухарест, последствия могли бы быть крайне серьезными, и в первую очередь для него самого. Хочешь — не хочешь, но нужно прибегать здесь к пресловутым превентивным мерам, ибо уступчивость в этом вопросе может выйти боком.

— Господа, я заверяю вас, что новое правительство Польши и «старый» президент Мосьницкий пойдут на пролонгацию прежнего военного пакта с Румынией. Гарантии дадим и мы и в первую очередь поможем полякам воссоздать армию в десять дивизий. Даже пятнадцать, что не так много для серьезной войны. Но я не думаю, что Войско Польское захочет воевать с

нами, ведь только мы дадим полякам серьезные гарантии.

— Мой фюрер, а как же восточные границы бывшего Польского государства?

Андрей чуть не ухмыльнулся — Манштейн, задавая этот вопрос, по сути, интересовался этими самыми гарантиями. Теперь двойственности не осталось, и он вскрыл польскую «карту».

— Это вопрос для переговоров нового польского правительства с СССР. Мы не можем не то чтобы диктовать, но вмешиваться в их проведение. И я понимаю, что польско-советские отношения в будущем могут привести к напряжению. Понимаю... Но сейчас сделать ничего не могу. Как и вы, господа, ибо надо учитывать множество факторов и ждать дальнейшего развития событий. Но могу сказать одно — договоры «перестраховок» позволят избежать новых войн в «новой» Европе долгое время. А что касается наших отношений с восточным соседом... Я написал Сталину послание и надеюсь встретиться с ним в самое ближайшее время.

В кабинете наступило молчание, однако не тягостное. Фельдмаршалы и генералы переглядывались, кое-кто из них улыбался, чувствовалось, что обстановка в кабинете изрядно разрядилась.

Хельсинки

— Видно, я старею... Дважды ошибиться в одном и том же человеке, да еще так...

Маршал Маннергейм тяжело поднялся из-за стола, мельком посмотрев на карту и мысленно отметив, что сейчас будет много работы для картографов. Уния трех Скандинавских стран — Финляндии, Норвегии и Швеции, под верховенством последней страны, чей король Густав V одним росчерком пера вернул Швеции статус «великой державы», что создал еще в семнадцатом веке Густав-Адольф.

Теперь в Финляндии никто не сомневался, что страна останется независимой, и вряд ли в столь изменившейся обстановке Советы решатся на новую войну. Одно дело возиться с финнами, которых и четырех миллионов не набиралось, или иметь проблемы с еще 10 миллионами шведов и норвежцев, что не будут уже спокойно смотреть, находясь в стороне.

Да и поведение советского посла в Хельсинки изменилось прямо радикально — он замолчал, будто в рот воды набрал, и ожидал инструкций из Москвы, где тоже еще не смогли определить дальнейшую политику к свершившейся унии.

Другое дело Берлин, замутивший все это дело. Там встретили подписание «Стокгольмского пакта» с нескрываемым одобрением, и теперь в столице Швеции шли очередные переговоры с фон Нейратом, но уже о нормализации отношений между Германией и Норвегией при посредничестве короля. По крайней мере, так объявили, но сам маршал сомневался в этой версии, изложенной для прессы. Ему было известно, что две военно-морские базы в норвежских фьордах будут сохранены за рейхом вплоть до конца войны, а это свидетельствовало, по меньшей мере, о том, что переговоры идут именно о гарантиях и перестраховке.

Маршал уже твердо знал, что СССР более не будет оказывать давления на Финляндию и никогда не решится на большую войну. Ведь тогда Сталину придется воевать со всей Скандинавией, поддержанной Германией, Италией, Румынией и Венгрией, и, возможно, с Францией и Польшей, ибо позиция первых уже определилась участием в высадке на Альбион, а вторым, после урегулирования территориальных претензий Германии, весьма скромных для победителя, будет возвращена независимость.

Учитывая, что восточные границы являются предметом векового спора между поляками и русскими, весьма вероятно, что паны вряд ли останутся в стороне от большой войны. И это все политика — вчерашний враг может сделаться завтра союзником, а послезавтра другом.

— Я ошибся в Гитлере, он явно вел какую-то свою игру, ради которой даже остановил деятельность своих «коричневых» безумцев. И травлю евреев! Что же ожидать от этого

молодчика в будущем? Кто знает?!

Берлин

— Полюбуйтесь на эти фотографии, Эрих. Презабавное зрелище... Блевать охота!

Андрей протянул Манштейну несколько фотографий, держа их кончиками пальцев, словно боялся испачкаться, и усмехнулся — так всегда берут дохлую мышь, если нет совка под рукою.

Генерал-оберст фотографии взял, проявив некоторое любопытство на лице, но через пару секунд позеленел, словно к горлу подступила тошнота, — нормальная реакция мужика на подобные штуки, которые могут вызвать только отвращение. Подержав несколько секунд в руках, генерал положил их обратно на большой конверт, держа самыми кончиками пальцев. Точно как и он сам.

— Вижу вы, как и я, не любитель порнографии?!

— Что это за гадость, мой фюрер! Даже юнкерами не смотрели французские пикантные карточки, считавшиеся верхом безнравственности. А тут такое...

— Французы здесь не пляшут, генерал. Они пока до такого пока не додумались. Это не галлы стряпают сие порно, наше гестапо постаралось снять сие пикантное зрелище!

— Ага!

Манштейн мотнул головой при упоминании тайной политической полиции и снова взял брошенные фотографии в руку. В ведомстве бригаденфюрера СС Мюллера работали не извращенцы, а лишь голые прагматики, а потому дело тут отнюдь не в порнографии. Сощурился, впился профессиональным взглядом, мотнул головой, будто бы признал.

— Женщину я не знаю. Надеюсь, это не повторение истории с генералом Бломбергом?

Андрей знал эту некрасивую историю, когда военный министр влюбился в молодую и привлекательную женщину и попросил у Гитлера разрешения на брак, которое тот ему охотно дал и даже сделал подарок к свадьбе. А позже разразился скандал — жена военного министра раньше состояла на учете в полиции как профессиональная «жрица любви», платящая в казну налоги со своей древнейшей деятельности. Министр немедленно вышел в отставку — пятно на репутацию аристократа легло просто несмываемое.

Но, к великому удивлению генералитета, разводиться с супругой старик не стал — они и сейчас жили в любви и согласии, даже сын от первого брака Бломберга, молодой офицер, не стыдился поступка отца. Впрочем, на его карьере данный эпизод ничем не отразился. Так что даже в Германии имелись последователи лейтенанта Шмидта, что тоже был женат на коллеге «Сони Мармеладовой».

Позднее выяснилось, что эту женитьбу устроило гестапо, дабы свалить неуступчивого к нацистам генерала. Бломбергу еще повезло — начальника штаба ОКХ генерала Фрича обвинили в гомосексуализме, что само по себе являлось тягчайшим преступлением. Понятно, что его сразу освободили от обязанностей, и хотя позднее военный суд установил, что обвинение сфабриковано, а улики сфальсифицированы, но поезд уже ушел.

Фрич погиб в Польской кампании, уйдя на войну добровольно и командуя артиллерийским полком, шефом которого он являлся до вздорного обвинения. Смерть старого генерала смысла позорное пятно, что постарались гестаповцы на него налепить.

В этой истории пострадал и Манштейн, занимавший тогда немаловажную должность в Генеральном штабе ОКХ. На место Бломберга и Фрича назначили Браухича и Гальдера, а последний, видя в Манштейне опасного конкурента, выпер его из Генштаба под вздорным предлогом — «молод еще Эрих, шестидесяти лет нет».

Неделю назад Андрей поставил на этой грязной истории жирную точку, поставив Бломберга в ОКВ заместителем Кейтеля — парочка вышла отличная — собачиться стали в первый же день. Манштейн, правда, озаботился судьбой своего бывшего начальника и предложил назначить того командующим оккупационной армией в Польше. На том и порешили, только вот незадача — с Вислы было решено начинать отвод войск...

— Эта женщина не проститутка, Эрих, хотя с точки зрения морали занимается весьма предосудительным делом. Я не имею в виду секс. Это сотрудник гестапо, домработница у одного высокопоставленного дипломата, задача у нее была дать возможность гестаповцам сделать эти снимки для возможной вербовки или компрометации. Вот так-то!

— Я его где-то видел, мой фюрер, очень знакомое лицо. Жаль, что обнажен, был бы в форме, то узнал сразу бы!

Манштейн еще раз пристально взглянул на фотографию, лицо прояснилось, и он усмехнулся.

— Вижу, вы опознали?

— Да, мой фюрер. Это русский военный атташе, генерал-майор... — Начальник штаба ОКВ тут чуть споткнулся и с немалым трудом для немца произнес фамилию: — Пуркаев.

Бенгази

— Вы должны поторопиться, майор, — генерал Роммель положил крепкую ладонь на плечо фон Люка. — Итальянцы удирают гораздо быстрее, чем мне казалось вначале. Они уже оставили Бардию, пребывают в полной панике и прямо рвутся к Тобруку, сметая все на своем пути, даже опередив преследующие их танки Уэйвелла. Я думаю, что английский командующий их уже не догонит. И тогда у нас есть неплохой шанс предотвратить полный разгром наших незадачливых союзников.

— Настолько все плохо, майн герр?

За эти дни стремительного марша по пустыне лицо майора приобрело стойкий бронзовый загар, лишь лоб, прикрытый козырьком шлема, да кожа вокруг воспаленных глаз, всегда прикрытых очками, были белыми и постоянно напоминали о сентябрьских днях в Берлине.

Образ Дагмар стоял перед глазами всегда, но усилием воли Люк прогонял его, когда было нужно, потому что война безжалостна, и если будешь предаваться мыслям о доме, то погубишь и себя, и вверенных тебе солдат.

— Хуже, чем вы думаете. Островитяне взбешены потерей метрополии, так что восполнить потери им сейчас трудно, особенно в технике. Но через две недели все изменится, майор. — У Роммеля дернулась щека, и Люк понял, что генерал пребывает в нервном состоянии.

— Макаронникам еще повезло, что главные силы британцев были на острове, а здесь так, поскребыши — одна танковая и две пехотных дивизии, причем почти вся инфантерия противника из доминионов — Южной Африки, Индии и Австралии. Еще есть несколько отдельных бригад и батальонов, что составляют все вместе одну полнокровную дивизию.

— Но у итальянцев втрое больше сил...

— Было больше, это так. Но сейчас даже мне трудно оценить масштабы разгрома, а эти потомки римлян не дают никакой информации. Более того, они меня подчинили этой полной бездарности Бальбо, по недоразумению ставшего маршалом. Вот кому хвосты лошадям крутить нужно, а не в песках воевать! Британцы не эфиопы, с которыми итальяшки справились с превеликим трудом, имея пулеметы, танки, и самолетами против копий!

В голосе Роммеля звучало презрение. К союзникам генерал относился с брезгливостью, которая появилась у него еще в ту войну. Недаром на фронте ходила шутка, что итальянцы придуманы только для того, чтобы было кого лупцевать вечно битым австрийцам.

Ни одной победы не одержали, получив одни сплошные поражения, но имелась неимоверная наглость при этом. Да еще в Версале двадцать лет назад, когда победители по живому резали территории побежденных, итальянцы проявляли такую скаредность, что даже французский премьер-министр не выдержал и в сердцах громко бросил: «Снова выпрашивают, сколько можно? Разве они потерпели очередное поражение?»

— Англичане увезли из метрополии около ста тысяч солдат и офицеров — вполне достаточно для укомплектования пяти дивизий. Пусть они потрепаны и в беспорядке, почти не имеет тяжелого вооружения, но за время путешествия через два океана солдат приведут в чувство, а Америка направит транспорты с танками и самолетами. Так что мы должны успеть спасти макаронников до прибытия британцев в Каир. Если мы не сделаем этого, то помощь потребуется уже нам. Остановить одной дивизией английскую армию мы не в силах!

Берлин

— Зачем вам это, мой фюрер? — Манштейн кивнул на разбросанные веером фотографии.

— Мне незачем, Эрих, это чистой воды самодеятельность СД. Инициативу проявляют таким образом. Логика проста — Сталин за такое моральное разложение своего генерала мигом в Сибирь отправит, и это в лучшем для него случае. А потому весьма удачный повод для вербовки. Но я приказал им свернуть это, хотя сделал это не из сантиментов. Зачем портить отношения со Сталиным и поганить русскому генералу судьбу?! Все равно Пуркаев на измену не пойдет и немедленно покинет Германию!

— Вы полностью правы, мой фюрер, — медленно и рассудительно произнес Манштейн и пристально посмотрел на Андрея. — Зачем такое творить, если вы хотите отправиться на переговоры в Москву? Я понимаю работу разведки, но делать то, что не только не принесет выгоду, но способно отравить отношения между двумя нашими странами в столь напряженный момент, по меньшей степени, весьма неразумно.

— Вы правы, Эрих. И у меня к вам есть одна просьба.

— Я ее выполню, мой фюрер.

— Вы не спрашиваете, какая это просьба, и даже не уточняете, в силах ли вы ее выполнить?

Андрей усмехнулся, а генерал пожал плечами, как бы отвечая — «я вас давно знаю, и невыполнимыми заданиями вы меня обременять не станете».

— Пригласите ко мне этого русского военного атташе. Я не хочу это делать лично через рейхсканцелярию или посредством МИДа. Мы побеседуем с генералом так, что тот передаст Сталину и суть нашего разговора, и мое личное письмо, что уже подготовлено.

— Я понимаю вас, мой фюрер. Действительно, если я приглашу русского атташе, то это будет иметь символическое значение и покажет, что войны мы не боимся, но согласны урегулировать ряд вопросов. Ведь так вы замыслили, мой фюрер?

— Вы, как всегда, правы, Манштейн. Я предложу Сталину встретиться со мной в приграничных городах Тильзите или Бресте, или...

Андрей сознательно сделал паузу и посмотрел на Манштейна. Тот ответил все понимающей улыбкой:

— Останется только «или», мой фюрер. Только третий вариант, на первые два кремлевский властитель не согласится, Сталин — опытный политик. Уподобиться императорам Наполеону и Александру он не пожелает, как и вы, мой фюрер. Осмелюсь заметить, что вы его не боитесь провоцировать. А что касается Бреста, то аналогия с прошлыми переговорами в 1918 году и тем миром, что подписали большевики с нами, совершенно неуместна. Хотя, возможно, именно и ее будут проводить, ибо наш вермахт победоносно завершил Французскую и Английскую кампании. — Генерал Манштейн остановился, усмехнулся, его глаза победно сверкнули, и он

чуть изменившимся голосом добавил, уже негромко: — В ряде американских газет уже появились сообщения, что летом следующего года мы готовы начать и Русскую кампанию...

— Как вы думаете, какой город я предложу Сталину? Или он мне, если правильно прочтет мое письмо?

— Только столицу Москву, другого просто быть не может. Восточный склад, византийство. Сталину это свойственно — тогда ему покажется, что вы пришли на поклон к нему, а не он к вам.

— Резонно, — произнес Андрей задумчиво — начальник штаба в который раз предугадывал его решение или сделанный выбор.

Умен, щучий сын, но даже у него не хватит дерзости помыслить о том, на что рассчитывает его рейхсканцлер, предлагая Сталину эту конфиденциальную встречу.

Впрочем, никто не поверит в это сейчас, даже сам Иосиф Виссарионович, настолько кажется безумным план.

— Мой фюрер, в какой час вы желаете встретить русского генерала?

— В восемь вечера.

— Хорошо. Разрешите воспользоваться телефоном, я отдам нужные распоряжения от своего имени.

— Действуйте, генерал!

Андрей отошел к окну, делая вид, что разглядывает внутренний двор рейхсканцелярии, который ему уже было отвратно видеть. Надоело это помпезное здание в духе нацистской архитектуры.

Да и этот флаг со свастикой, который доживал последние месяцы: не может партийный символ быть государственным...

— Мой фюрер, — Манштейн окончил телефонный разговор и подошел со спины. — Я понимаю, что в разведке все способы допустимы. Но так как в любом правиле есть исключения, так и здесь допустимы не все способы там, где они не нужны. Я думаю, что генерал Йодль допустил ошибку, дав приказание провести это дело...

Андрей чуть улыбнулся, видя, как генерал Манштейн кивнул на фотографии, что еще лежали на столе. Все прекрасно понял старый вояка, вмиг учуял, откуда ветер дует. Вернее, нехороший такой запах. Да и какое гестапо там, где есть интересы только военных. Тем паче после недавних известных событий...

Рим

— Они украли у меня все плоды победы! Эти презренные шакалы обобрали римского льва, утащив добычу из-под носа. Вы понимаете это? Мы воевали, лили свою кровь, а что сделали они?!

Министр иностранных дел Итальянского королевства граф Чиано с видимым сочувствием смотрел на беснующегося Бенито Муссолини, своего тестя и покровителя.

Оба прекрасно понимали, что случилось в Англии. Нет, оккупация этой страны вызвала и у них всплеск нездорового энтузиазма, надежду на то, что английские войска в Египте сложат оружие и доблестные итальянские берсальеры пройдут торжественным маршем в Гизе, под лапами сфинкса и гигантских пирамид — древнеримского наследия. И весь мир задрожит, увидев грозную и великую Италию...

— Эта старая развалина Петен решил запрыгнуть на подножку уходящего поезда? Так я его сброшу пинком!

Муссолини продолжал бесноваться, а зять сочувственно вздыхать. Однако оба актера, долго жившие и работавшие в этом семейном «театре», прекрасно понимали, что эти грозные фразы

лишь сотрясают воздух, но, увы, отнюдь не врагов, собеседников или партнеров, среди которых имеется Адольф Гитлер, что сам ведет свою столь жестокую и предательскую игру и абсолютно не берет в расчет интересы своего средиземноморского союзника по европейскому разбою.

Муссолини выжидал до середины июня, пока исход войны во Франции не убедил его в поражении этой страны. Тогда, несмотря на увещевания президента США Рузвельта и благожелательные письма премьер-министра Британии Черчилля, решил ввязаться, резонно опасаясь, что при разделе плодов победы Гитлер оставит его при своих интересах.

Ход войны сразу не заладился — французы отшвырнули победно пробирающихся через Альпы итальянцев и сами углубились в горы. На вражеской территории галлов и застало перемирие, и они были вынуждены уйти с «отворота» апеннинского «сапога».

Однако дальнейшие события жестоко потрясли дуче, который искренне надеялся, что Гитлер оценит его благородную помощь: оттяпает у Франции Тунис, часть Алжира и желательно все Марокко, которые с благодарностью передаст Италии.

Не тут-то было — мало того, что с французов ничего не стрясли, даже контрибуцию, скромные итальянские претензии даже рассматривать не стали. И хуже того — маршал Петен тоже воспользовался моментом и в отместку за нападение на свой флот объявил Англии войну, когда исход боев на острове уже ни у кого в мире не вызывал сомнений.

Потом последовал договор с Германией, в котором Муссолини безжалостно хлопнули по загребущим лапам, ибо совсем безнравственно посягать на территорию союзника.

Пришлось делать хорошую «мину» на лице и убираться, как говорят русские, чей язык стал учить этот вероломный Адольф, несолоно хлебавши.

От обиды дуче громогласно объявил фюрера собакой на сене — сам не ам и другому не дам, как гласит еще одна русская мудрость.

Однако две недели тому назад Муссолини пришлось наступить на горло собственной песне. Англичане в Каире не стали складывать оружие. Наоборот, пылали гневом и жаждали отомстить за свой остров, на который много веков не ступала нога завоевателей.

Они перешли в контрнаступление — решительно и быстро, обратив в бегство потомков славных латинских легионов. И теперь уже на подходе к Тобруку воевать один на один, пусть даже с побитым немцами противником, итальянцы просто не могли. Война ведь не красочный карнавал, и идет она не по яростным призывам дуче...

Берлин

— Генерал, у меня к вам есть конфиденциальный разговор! И я не хочу, чтоб кто-либо узнал его детали, за исключением господина Сталина!

Андрей говорил на русском, но сам понимал, что с явственным акцентом. Язык Гитлера с трудом и искажениями произносил незнакомые ему слова, но успех был колоссальным — четыре месяца тому назад Родионов вообще не мог произнести ни одного слова на родной речи, как это ни странно.

— Присаживайтесь, Максим Алексеевич, коньяк или кофе? Могу предложить шнапс. За исключением папирос — в кабинете рейхсканцлера не курят, а я не перевариваю табачный дым!

— Благодарю, ваше высокопревосходительство, но мне ничего не нужно. Прошу простить.

Генерал-майор Пуркаев спокойно, без малейшего признака растерянности, будто чуть ли не каждый день встречался с главами иностранных государств, и какой-либо угодливости, с достоинством присел в кресло.

Но не развалился вальяжно, как в кинофильмах про бравых пиндосовских вояк, которые Андрею довелось смотреть в видеосалонах, что множились в столице, словно опарыши на навозной куче.

Русский генерал именно сидел, чуть выпрямив спину, как свойственно только кадровым военным с вбитой на всю жизнь выправкой.

— Я написал письмо товарищу Сталину, — Андрей положил ладонь на конверт бумаги. — Вы, Максим Алексеевич, немедленно отправитесь в Москву на поезде. До столицы вас будут сопровождать. Это письмо вы передадите Иосифу Виссарионовичу лично в руки.

Андрей пододвинул к себе конверт и, взяв ручку, быстро написал, тщательно выводя непривычную еще кириллицу. Размашисто расписался, поставив дату чуть ниже.

Все это время Пуркаев внимательно смотрел за ним, но не показывал ни малейшего удивления, будто совсем не поражался знанию русского языка и письма у рейхсканцлера Германии.

— Я не хочу отправлять это послание по нашим дипломатическим каналам. И тем более не желаю давать его вашему послу Деканозову, что является высокопоставленным сотрудником...

Андрей сознательно оборвал фразу, но Пуркаев сидел совершенно спокойно — немцам и русским в Берлине было хорошо известно, что до перехода в НКВД посол занимал большой кабинет на Лубянке.

— Я думаю, будет лучше, если послание передадите вы, генерал русской армии. Нет, конечно, я сказал не то слово — Красной Армии, прошу простить, я только три месяца учу ваш язык.

— Вы говорите на нем великолепно, ваше высокопревосходительство, почти без акцента. Намного лучше, чем кто-либо из немцев. Я имею в виду тех, кто родился и вырос не в России.

— Вы имеете в виду эс-эс-эс-эр?

— Нет, именно Россию. — Генерал чуть улыбнулся и уточнил: — Царскую Россию — все, с кем я встречался, люди в возрасте.

— Наши страны всегда притягивало друг к другу, а время враждебности менялось годами дружбы. Сейчас мы должны определиться, как нам жить дальше. Скажу прямо — мои генералы обеспокоены наращиванием советской военной мощи. Триста дивизий и 20 тысяч танков весьма весомый аргумент, включая новейшие КВ и Т-34. Нет-нет, генерал, меня не нужно разубеждать, — Андрей поднял руки и усмехнулся: — Возможно, даже вы, Максим Алексеевич, не имеете полного представления о ходе реорганизации, о штатах мехкорпусов, что будут еще развернуты, о технических характеристиках ваших танков, включая устаревшую конструкцию трансмиссии на вашем КВ, что была позаимствована у американского трактора. Мы не будем говорить об этом. Но я понимаю товарища Сталина — Польская, Французская и Английская кампании завершились яркими победами вермахта. И хотя мы союзники, пусть и не в полной мере, но его как главу государства не может не тревожить такое развитие ситуации. Тем более что Советский Союз есть единственная надежда США и Британской империи...

Андрей поднялся с кресла, генерал тут же встал из своего, вытянувшись. Родионов взял конверт и протянул его, потом обменялся крепким рукопожатием. Пуркаев имел крепкую ладонь, но силу не демонстрировал, и Андрей счел это добрым знаком.

— Я бы все понял, генерал, если бы в России вернулись к идеям панславизма или защитницы православия. Понял... И принял бы. Но это невозможно, пока товарищ Сталин не осознает, что мировой революции не будет. Как и торжества коммунизма. Дай Бог в наших странах нормальный социализм построить, а это процесс на долгие десятилетия, чтобы сменилось несколько поколений. Чтобы душа и мозг все новое приняли... Ну да ладно, идите, генерал, счастливого пути!

Каир

— И что мне делать?!

Извечный русский вопрос задал себе молодежавый высокий генерал во французской форме. Сейчас, сидя за столом в третьеразрядной гостинице, фактически под домашним арестом, Шарль де Голль в который раз задавал себе этот сакраментальный вопрос.

Бригадный генерал, командир танковой дивизии, отличившийся в боях с немцами, он решил продолжать борьбу до конца, пока его родина находится под пятой безжалостных оккупантов.

Де Голль возглавил движение «Сражающаяся Франция», в котором приняли участие тысячи французов, но сейчас оно переживало самый трудный момент.

Дело в том, что новое правительство маршала Петена заключило соглашение с Германией, и фактически страна была независимой. Эльзас и Лотарингия остались в ее составе, на Четвертую Республику не была наложена ожидаемая контрибуция, хотя 20 лет тому назад победители ободрали побежденную Германию до последней нитки.

Самый страшный удар движение де Голля получило от союзников-англичан, что задались целью оставить французов без флота. Внезапно были захвачены стоявшие в портах Англии и Египта линкоры и другие корабли, их команды насильственно интернированы.

Потом события приняли вовсе кровавый характер, ибо не все французы пошли в услужение своего извечного врага, лишь волею судьбы ставшего союзником в начале XX века.

Обстрел эскадры адмирала Жансуля, мирно стоявшей в Алжире, потряс всех французов — линкоры «Прованс» и «Бретань» пошли ко дну, причем последний взорвался, с ним погибла вся команда.

Была обстреляна Касабланка, куда увели недостроенный линкор «Жан Бар». В результате этого подлого, чисто британского коварства погибли или пленены тысячи французских моряков.

Этим воспользовалось правительство, объявив всех французов, что продолжали поддерживать британцев, коллаборационистами и предателями нации.

Маршалу Петену хорошо подыграли немцы, освободив всех военнопленных и дав веские гарантии по сохранению колониальных владений. Этот шаг еще больше оттенил насильственные действия англичан во французских колониях, на которые они, по своей давней привычке, положили глаз и начали потихоньку подгрести к себе.

Старый и давний афоризм матерых британских колонизаторов проявился во всей красе: «До чего вы сможете дотянуться, джентльмены, своими окровавленными руками, держите крепко!»

— И что теперь делать?!

Генерал сжал ладонями виски. После высадки в Англии двух французских дивизий и объявления войны правительством Петена положение «Сражающейся Франции» резко ухудшилось.

Брань и оскорбления в их адрес, хотя и сдерживались генералом Уэйвеллом, приняли повсеместный характер. Помощи получить было неоткуда, ибо англичане уже сами покинули свой остров, захваченный немцами, и правительство Черчилля отправилось в изгнание.

На родине их клеймили предателями и английскими наймитами, постоянно поминая вековые войны и конфликты. Закрепиться в одной из многочисленных колоний не удалось, высадка в Дакаре тысячи волонтеров при поддержке английских кораблей привела к кровопролитному бою и отступлению.

Британцы не только перестали отпускать требуемые средства на содержание, но и сами стали прибегать к репрессиям против французов, что особенно было больно. Потому только один вопрос сейчас занимал генерала:

— Что делать?!

Берлин

— Вы о чем-то думаете, мой фюрер?

Теплая женская ладошка легла ему на грудь, и Андрей вынырнул из омута размышлений, впервые задумался о том, что мир действительно стал иным, и что бы ни случилось с ним самим, но нацизму уже крылышки подрезали.

Хорошо так обкорнали — даже если займет настоящий Гитлер свое место в этом теле, а он может это сделать, если Сталин неправильно поймет отправленное с Пуркаевым послание, то попадетсЯ в ловушку.

Теперь Германия будет иной, не задымят трубами крематории, а в скверах не будут стоять желтые скамейки с позорной надписью «Только для евреев».

История совершила свой круг, благо она развивается по спирали, и самое страшное тоталитарное государство в мире вскоре станет вполне нормальной Германией, с кайзером и парламентом по типу скандинавского, с регулируемым рынком (от реформ Цангена Родионов не собирался отказываться), с заботой государства о маленьком человеке, с нормальным обществом, не повернутом на нацистских бреднях.

Хотя с последним фактором еще предстоит долгая затяжная борьба — за семь лет многие немцы уверовали в эти постулаты.

«Зато сейчас мозги в разбивку пошли, ведь фюрер круто руль положил, сам чуть с лодки не выпал, Мао новоявленный. Великий кормчий Третьего рейха, прожектор перестройки!»

Андрей усмехнулся, но лежал в кровати тихо, не шевелясь: слишком хорошо ему было, да еще согревало жаркое тело молодой женщины. Теперь можно подумать и о будущем, помечтать о Москве, той, которая еще не изуродована и несет в себе наследие прошлого.

Он встретится со Сталиным, посмотрит, наконец, что это за человек. Весьма неординарный, раз споры о нем никогда не прекращались, причем равнодушных никогда не было — или поклонники, или ярые недоброжелатели. Интересно, какую он сам себе дает оценку? И как они будут говорить?

— Мой фюрер, вы спите?

Тихий шепот и теплое дыхание приятно обдали ухо, и Андрей чуть повернулся — Ева лежала на его плече, а он обнимал рукой ее нежное и податливое тело. Странно, но эта женщина уже казалась ему родной, будто век прожил, ненормально, правда, — как в разных комнатах общежития.

И никакой она не монстр, как рисовала пропаганда и фильмы: обычная баба, что принесла себя всю в жертву, не требуя, кстати, вознаграждения. Даже Бергхов помогла обустроить для принятия выздоравливающих парашютистов. И любит его как человека, но боится как вождя. Или не желает его беспокоить лишний раз, не помешать.

— Место встречи изменить нельзя...

— Что вы сказали, мой фюрер?

— Я встречусь в Москве со Сталиным, и это место изменить нельзя. — Он отшутился, не рассказывать же ей о культовом советском кинофильме. Его показ в 1981 году собирал у экранов всю страну, как и другой фильм — «Семнадцать мгновений весны».

— Интересно, какая она из себя, эта Москва. Я смотрела фильмы, но там нет цвета, вроде как не совсем живой город.

— Живой, Ева, еще как живой. А знаешь...

Неожиданная мысль пришла в голову вспышкой — да наплевать на все, чего стесняться?!

— Я возьму тебя в поездку, и ты сама увидишь Россию!

— Правда?! — Женщина прямо подскочила и наклонилась над ним. Голос чуть дрожал то ли от сдерживаемой радости, то ли от боязни, что может быть глупый розыгрыш. — Вы меня

возьмете с собою, мой фюрер?

— Возьму, милая!

Ответ был немного двусмысленным, ибо в данный момент он взирал на ее тугое и прекрасное тело, и мысли приняли откровенно игривый оборот. И не только мысли — тело захотело обладать этой женщиной, слушать ее стоны и горячечные слова и мять пальцами тугую грудь. И целовать, целовать до одури!

— Конечно, возьму, — с хриплым придыханием сказал Андрей и, протянув руки, повалил женщину на себя...

Стокгольм

Бывший полковник Российской императорской армии, бывший командующий Эстонской армией, генерал-лейтенант Лайдонер молча стоял у памятника королю Карлу XII и смотрел в свинцовую гладь Балтики, подернутой дымкой.

Рядом с ним смотрел в ту же сторону и венценосный шведский бродяга, протоптавший своими ботфортами много дорог и в конце концов еле унесший свои ноги из России. Теперь он призывно поднимал руку, показывая на восход солнца, как бы что-то объясняя своим хладнокровным потомкам.

По этому поводу шведы имели два совершенно противоположных мнения. Одни говорили, что король предлагает раз и навсегда покончить с угрозой с востока, которую несет собой Россия.

Другие, наоборот, считали, что монарх как бы говорит: «Я туда ходил да получил там, и вам ходить не советую!», но все сходились на одном — хорошо, что от восточного соседа Швецию отделяет море, а потому можно жить пока в безопасности.

Лайдонер любил стоять возле памятника, вдыхая соленый морской ветер. И он несколько не боялся воинственного короля, про которого ходили весьма нехорошие слухи.

Поговаривали, что иногда Карл сходит с пьедестала и начинает ходить по набережной, и тогда встреча с ним не сулит ничего доброго. Впрочем, бытовало мнение, что монарх благосклонен к лодырям-студиязам и беседа с ним гарантирует отличные оценки даже у самых требовательных профессоров.

Генералу оценки были не нужны, просто он мечтал разглядеть за морем тонкую кромку далекой родины, которую покинул три месяца назад. Он до сих пор помнил страшный ночной переход на борту утлой канонерской лодки «Калев», забитой уходящими с Муху людьми под завязку.

И страшную гибель маленького миноносца «Сулев», что был потоплен советским бомбардировщиком, — на нем нашли покой в свинцовых водах Балтики половина министров и почти все депутаты эстонского парламента.

Лайдонер потрянул головою, прогоняя видение, что бередило его душу и память днем и ночью, и в который раз сожалел о том, что не приложил все силы двадцать один год тому назад, когда армия Юденича стояла у ворот красного Петрограда.

В тот момент на фортах «Красная Горка» и «Серая лошадь» вспыхнуло восстание, и ему вовремя сообщили. Он тогда мог двинуть две эстонские дивизии, великолепно оснащенные и вооруженные, да еще при поддержке британского флота, торпедные катера которого потопили крейсер «Олег», что пытался бомбардировать мятежные форты.

Ударь он тогда всей силою, и большевики были бы смяты. Но послушался не своего внутреннего голоса, а здравого смысла, что зиждился на национальном эгоизме — пусть лучше большевики будут соседями, чем белые, которые зовут «к единой и неделимой».

Такой же себялюбивый просчет сделали и паны, не ставшие помогать барону Врангелю,

хотя тот в свое время вывел свои войска из Крыма и привлек на себя все резервы красных, что в конечном итоге спасло Варшаву и обеспечило «чудо на Висле».

А теперь он живет в небольшой квартирке, на пособие, что платят ему расчетливые шведы, и каждый день ходит на набережную к памятнику. И смотрит в море, уже не надеясь хоть когда-то увидеть свою родину. Губы генерала скривились, еще раз с горечью вспомнившего те дни своего прошлого, что могли бы изменить нынешнее будущее. Лайдонер еле слышно прошептал, сжав кулаки до хруста:

— Такова цена предательства...

Глава шестая

«ТО, ЧТО НУЖНО»

Потсдам

Демонстрация новейших образцов бронетанковой техники впечатляла — на большом лугу, окаймленном чудной рощицей, стояло свыше двух, десятков боевых машин, рядом с которыми застыли маленькие фигурки членов экипажей в черной униформе.

Фюрера Третьего рейха сопровождала внушительная компания — радостный Гудериан с фельдмаршалским жезлом в руке, задумчивый Альберт Шпеер, на молодом лице которого прямо застыла хроническая усталость, генерал-майор Шмундт с искрой любопытства в глазах.

За ними торжественно следовала большая группа офицеров панцерваффе, среди которых были и люди в штатских костюмах — конструкторы и специалисты.

Первыми стояли легкие танки и созданные на их базе САУ. Родионов мельком посмотрел на знакомые Pz-II и Pz-38, модернизация которых заключалась в приваривании на лоб корпуса и башни дополнительных листов брони, достаточных для того, чтобы выдержать попадание снаряда из английской двухфунтовой пушки.

За танками выстроились самоходки на шасси — «двойки». Рациональный тевтонский ум рассудил просто — пускать на переделку чешский танк с 50-мм броней и 37-мм орудием экономически нецелесообразно, а потому на такие дела годен лишь Pz-II с его почти бесполезной 20-мм пушечкой, фактически противотанковым ружьем.

Башни с танков были сняты, на их месте соорудили броневые рубки, в которые водрузили сразу три типа орудий, примерно одинаковых по массе, но разных по калибру — 75-мм орудие, трофей Французской и Польской кампаний, 105-мм гаубицу и 150-мм мортиру — обычное пехотное орудие, состоящее на вооружении во всех полках вермахта.

Рядом притулились совсем маленькие каракатицы: танкетки Pz-I, тоже без башен, с совсем куцей рубкой на ее месте. Вооружение было установлено легкое, но эффективное — 47-мм чешская противотанковая пушка на одной машине, а на другой высился тонкий ствол 20-мм зенитного автомата, весьма действенного против низколетящих самолетов, что над полем боя появляются часто.

— Да, весьма, весьма!

Андрей одобрительно покачал головой — такая техника была нужна для действий в Африке, ибо даже моторизованная артиллерия при длительных маршах отставала от танков, а потому требовались орудия, имевшие равную скорость и проходимость. Их и построили в очень короткое время и теперь проведут войсковые испытания.

— Мой фюрер, я думаю, что эта бронетехника будет принята на вооружение. Я сам ее испытывал и могу заверить будущую полезность их на поле боя. Да и эффективность будет намного больше, чем у слабых танков на этом же шасси.

— Вы, как всегда, стараетесь все опробовать первым, мой дорогой Хайнц?

Андрей пошутил в тему, что ж не сделать приятное человеку, что буквально запрессовал попавших под военный суд нацистов.

— А это наш новый разведывательный бронеавтомобиль. Имеет отличную проходимость, все колеса ведущие!

Гудериан показал на восьмиколесную угловатую бронемашину с тонким пушечным стволом в башне, чем-то смахивающую на привычный БТР-70.

— Калибр маловат, Хайнц, — после некоторого раздумья выдал свое резюме Андрей, — нужно поставить пушку посерьезнее, если не 50, то хотя бы в 37 миллиметров. В разведке ведь и

на вражескую бронетехнику напороться можно.

— Вы правы, мой фюрер!

«Отец панцерваффе», который, видно, и сам над этим думал, сразу с ним согласился. И они пошли дальше, вдоль длинного ряда полугусеничных бронетранспортеров и бронированных тягачей.

Вот тут конструкторы развернулись вовсю — выбор вооружения был весьма разнообразный, как говорится, на все случаи жизни, которая в бою бывает весьма короткой не только для человека, но и для техники.

— То, что нужно, — крикнул Андрей, рассматривая полугусеничные бронированные машины.

На тягачах монтировали в основном зенитное вооружение. На меньших стояли четырехствольные «фирлинги», 37-мм зенитные автоматы, а на больших «18-тонных» установили огромные «убийцы танков» — знаменитые зенитные пушки «8–8», способные уничтожать не только воздушного, но и наземного противника.

На бронетранспортерах стояло пехотное вооружение — на небольших пятитонных машинах 81-мм минометы, огнеметы и 37-мм пушки. На восьмитонных «Ганомогах» номенклатура вооружения была побольше. На них, кроме того, монтировали зенитные автоматы, 75-мм «окурки» и шестиствольные реактивные минометы.

Да и специализированные машины имелись в достаточном разнообразии — штабные, связи, ремонтные, инженерные и прочие.

— То, что нужно, — еще раз повторил Андрей, разглядывая бронированную рать.

В чем не откажешь немцам, так это в умении приспособливать к нуждам различную бронетехнику: на советских заводах, как ни старались, в конечном итоге получали только танки и башенные бронеавтомобили, и лишь к сорок третьему году стали поступать САУ.

А бронетранспортеры так и не удалось создать, только после войны появилось что-то стоящее. Так и обходились лишь поставками по ленд-лизу, получив гусеничные английские «универсалы» (наши на базе той же танкетки «Карден Ллойд» смогли производить только плавающие танки, но зато в количестве три с лишним тысячи штук), да американские колесные бронетранспортеры, что использовались в весьма ограниченном числе.

Чудовищную нехватку бронированных машин для пехоты решили чисто советским способом, который другие страны не использовали, не желая подставлять своих солдат под пулеметный огонь. Зато в советских танковых бригадах один-единственный стрелковый батальон предназначался для действий исключительно в виде «танкового десанта».

Москва

Председатель Совета народных комиссаров Молотов напряженно уставился на массивную пепельницу на столе, будто на какой-то невиданный артефакт. Впервые в жизни он чувствовал себя настолько растерянным — такое раньше и в голову не могло прийти.

— Что молчишь, Вяче?

Ровный голос Сталина вывел его из состояния некоторого ступора, в котором Молотов находился уже целую неделю, и он посмотрел на него, сверкнув стеклами очков.

— Я думаю, Коба!

Он обратился к вождю по старой партийной кличке — кроме него, вот так просто к Сталину никто не обращался, даже старейшие члены ЦК партии. И на обращение по имени-отчеству тоже был наложен запрет, допускалось только официальное — «товарищ Сталин».

— И что надумал, Вяче?

Вождь усмехнулся в густые усы и разломал папиросу, взятую крепкими пальцами из

зеленой картонной коробки, — он предпочитал курить «Герцеговину Флор».

— Непонятно все, Коба. Обломок косы, об который мальчик распорол ногу, — обыденное явление. Вот только как сам Гитлер узнал об этом за день до случившегося и что забыл рейхсканцлер в затерянном казачьем хуторе на Кубани. И главное — я думаю, что товарищ Берия тщательно провел следствие по этому письму, и его выводу о том, что о какой-либо инсценировке вражеской разведки не может быть речи, я полностью верю. Да и как семилетний мальчик сам себе нанес рану в точности описанном месте лодыжки, да еще такую глубокую? Ни при какой ситуации он бы не смог это сделать! А потому не могу сказать что-либо, ибо ничего не понимаю...

Долгое молчание снова воцарилось в кабинете — Молотов так и сидел, насупившись, а Сталин неторопливо набил трубку, раскурил и теперь пускал клубы дыма.

Иногда Иосиф Виссарионович курил и папиросы, но очень редко, чаще набивал себе именно трубку, ставшую таким же атрибутом, как сигара Черчилля или инвалидная коляска Рузвельта, ибо есть вещи, без которых любой политик даже с мировым именем не может обходиться, поскольку в первую очередь он простой человек, со всеми привычками и привязанностями.

— Я в свое время учился в семинарии...

Сталин медленно заговорил и неторопливо прошелся по кабинету — так он всегда делал, когда предавался размышлениям.

— А потому не могу отвергать то, что в данный момент не имеет объяснения. Ведь так, товарищ Молотов?

— Так, товарищ Сталин!

Вячеслав Михайлович внимательно смотрел за своим старшим соратником по партии. Все давно знали манеру Сталина задавать вопросы и самому же на них отвечать. Но иногда требовалось и подыгрывать, когда возникала такая ситуация.

— А из этого следует, что ответ на данное письмо мы должны искать не в том, что написал нам господин Гитлер собственной рукою, а в том, что он нам не сообщил.

— И как, товарищ Сталин?

— А мы еще раз должны поговорить с товарищем Пуркаевым, не откладывая в долгий ящик. Вдруг он что-то еще припомнит?! И хорошо поговорить с ним правильно, как коммунист с коммунистом!

Потсдам

— Опа-на! А это что за неведома зверюшка!

— Вы что-то сказали, мой фюрер?

— Да нет, Хайнц, это я о своем, о девичьем...

Андрей подошел к отдельно стоящей САУ, оторопел, остановился как вкопанный и принялся уже тщательно разглядывать последнее в ряду штурмовое орудие, что предназначалось для сопровождения пехоты на поле боя. Угловатое, приземистое, с сильно скошенными лобовым и бортовыми листами брони, с длинной выступающей пушкой в тяжелой маске, установленную на шасси чешского танка Pz-38(t).

— Так это же «Хетцер», твою мать!

— Мой фюрер, это пока выполненный в металле опытный образец. Машина многообещающая, по своей эффективности, надеюсь, будет превосходить «штурмгешютце». Броня в лобовой проекции в 60 мм способна выдержать попадания из любых противотанковых пушек. Борт всего в 20 мм, но хорошо защищает от стрелкового огня с применением бронебойных пуль и выстрелов любых противотанковых ружей!

Фельдмаршал ткнул своим жезлом в покатую броню и повернул к Андрею довольное лицо:

— У этого «штурмгешютце» вес в полтора раза больше, чем у танка Pz-38(t), почти 16 тонн, машина значительно потяжелела, но на ней установлена новая модификация двигателя «Прага» с на треть увеличенной мощностью!

Гудериан давал пояснения чуть возбужденным голосом, чувствовалось, что «Шнелле-Хайнц» сдерживает радость.

Но вряд ли только от одной этой машины...

— Мой фюрер, если мы задействуем чешские заводы на производство этого штурмового орудия, то освободившиеся мощности германских заводов могут быть сосредоточены исключительно на выпуске танка Pz-IV и специальных модификаций на его шасси. — Шпеер встал рядом — голос был усталый, но очень довольный.

— Мой фюрер, если мне не послышалось, вы назвали «штурмгешютце» «Охотником»?

— Да, Хайнц! — Андрей прикусил губу и решил вывернуться: — Он очень похож на присевшего в засаде стрелка. Пусть будет «Хетцером»!

— У вас удивительная наблюдательность, мой фюрер. Именно под таким названием нам и следует выпускать данное штурмовое орудие, раз на нем так настаивает Манштейн. Впрочем, чешский танк уже не представляет ценности для панцерваффе, он мало пригоден на поле боя. А вот с этого «Охотника» гораздо больше пользы, да и калибр пушки в 75 мм достаточен для поставленных задач борьбы с пехотой противника и разрушения опорных пунктов обороны. И с танками противника штурмовое орудие с длинным орудием бороться не только способно, но и с большим эффектом. Мощности наших заводов в рейхе мы можем использовать с гораздо большим толком на выпуске танков, чем на их переделку в этих уродцев.

Гудериан осекся, поперхнулся, а Родионов чуть улыбнулся. Теперь он понял, почему так ратовал за выпуск «Хетцера» командующий панцерваффе. Поступил по принципу — «на тебе, боже, что нам не гоже». И Манштейну потрафил с его инфантерией, и свои интересы соблюл.

— Ну что ж, я доволен. — Андрей повернулся к Шпееру: — Вы действовали быстро и толково, я не ожидал от вас такого профессионализма. «Хетцер» можно запускать в производство после испытаний и как только будет налажен выпуск пушек, не с «окурками» же обходится.

— У нас уже есть замена данному орудию, мой фюрер.

— Когда начнем производство новых штурмовых орудий?

— В декабре выпустим опытную партии из 12 машин. А с марта начнем производство. Не думаю, что будут сложности — конструкция вполне отработана, ходовая часть надежная, «детские болезни» излечены. Чешские заводы примут заказ на изготовление семи сотен штурмовых орудий, так что к концу 1941 года мы сможем придать каждой пехотной дивизии по роте машин в количестве 14 единиц.

— То, что надо!

Андрей усмехнулся. Процесс перевооружения затягивался, на это он и рассчитывал. А с выпуском «Хетцера» все стороны оказались довольными — чехи получали жирный военный заказ, Манштейн — приличное количество «штурмгешютце» для инфантерии, Гудериан не поступился ни единым заводом для производства одного типа среднего танка, что устраивало также Шпеера.

И он тоже доволен — немцы еще год будут раскачиваться, пока выпуск приличного количества штурмовых орудий организуют. Семи сотен машин для нормальной войны на раз плюнуть, у Сталина их количество тысячами измеряется. Зато на англичан или американцев новая машина произведет впечатление.

— Мой фюрер! Разрешите предложить осмотреть наш основной боевой танк Pz-IV, там

есть весьма любопытные его модификации, на которые вам стоит взглянуть!

— С удовольствием, Хайнц, вы меня заинтриговали...

Москва

— Отправляйтесь в Берлин, товарищ Пуркаев, и работайте как положено коммунисту. Послание для господина Гитлера вам привезут на вокзал, перед отправлением поезда. Я вас больше не задерживаю, товарищ Пуркаев! Всего вам хорошего.

— Спасибо, товарищ Сталин!

Генерал четко повернулся через левое плечо и, рубя строевым шагом, вышел из кабинета, осторожно закрыв за собою дверь.

Сталин только хмыкнул в усы, видя такое усердие, и посмотрел на Молотова — ему единственному он доверял в этой ситуации.

— И какие мы можем сделать выводы, Вячеслав?

Задав вопрос, Сталин стал набивать трубку, его лицо чуть ожесточилось, будто какая-то мысль вонзилась в мозг занозой и причиняла невероятные страдания.

— Если это не блестящая работа германской разведки, то... У меня сложилось твердое впечатление, Коба, что если мы еще не добрались до середины книги, то господин Гитлер уже внимательно прочитал комментарии на последних страницах.

— Хм. Ваша мысль удивительно верна. Как и то, что решение о штатах новых мехкорпусов нами еще не принято. Странную осведомленность проявляет Адольф Алоизович, очень странную. Как может знать о том, в чем мы еще не пришли к определенному мнению?! К чему бы это?

Вопрос был задан чисто риторический — вождь так и не пришел к какому-то определенному ответу, но размышлял над этим, и Молотов промолчал, не желая сбивать его с раздумий.

— Где ты будешь встречаться с Гитлером?!

— А как ты думаешь, Вячеслав?

— Тильзит отпадает сразу, Брест тоже — я думаю, исторические аналогии сейчас неуместны. — Молотов говорил твердым голосом — как нарком по иностранным делам он прекрасно понимал совершенную неприемлемость этих двух предложений.

— Так! В Москве вы, товарищ Молотов, подписали пакт с господином Риббентропом, который вызвал неоднозначную реакцию у западных держав? А ведь это тоже аналогия, не так ли?

— Совершенно верно, товарищ Сталин. Тогда в Москве принимали наши условия.

— И вы думаете, товарищ Молотов, что и сейчас мы сможем настаивать на своих условиях?

— Настаивать сможем, но вот примет ли их Гитлер? Победы над Англией и Францией вскружили ему голову, по крайней мере, не могли не вскружить. Это с одной стороны. А с другой — зачем Гитлеру таким образом настаивать на этой встрече с вами, товарищ Сталин?!

— Я не люблю таких странностей, товарищ Молотов. Гитлер меня удивляет, последние события в Берлине вызывают интерес, особенно с отстранением видных деятелей партии. Думаю, если мы с тобой не ошиблись в решении, то и нам есть чем его удивить!

Потсдам

Андрей медленно шел мимо бронированных машин, пребывая в крайне задумчивом состоянии. Он никак не предполагал, что за четыре месяца можно изготовить новые образцы танков. Вернее, танк был один — Pz-IV, но вот модификаций на его базе изготовили с добрый десяток, а потому и уложились за столь короткое время. Но от этого легче не становилось, а

совсем наоборот.

— Мой фюрер, именно таких машин и не хватало нашим панцерваффе!

Гудериан сиял, словно начищенный тульский самовар. Родионов на него глянул довольно хмуро, и мысли в голове текли столь же невеселые, более похожие на ругань в собственный адрес:

«Сбылась мечта идиота, собственными руками дал им наделать игрушек. Теперь начнут их производить, мало никому не покажется. Что за жизнь пошла такая — вроде хотел с благими намерениями им бяку подсунуть, а вышло с точностью до... Хреново вышло. Гитлер в своих дивизиях количество танков сокращал, а я их туда набиваю, как сельдей в банку, да еще пехоты щедро добавил. Думал, что получится неуправляемый монстр, набитый под завязку пушечным мясом, и невольно подыграл этому хитрецу Гудериану, который о таком чуде и мечтать не мог».

Две панцер-гренадерские бригады (в каждой по два танковых и мотопехотных батальона), разведывательный и самоходный артиллерийский полки, с десятков отдельных батальонов и дивизионов — сильнее прежнего. Штатный состав в 17 тысяч тевтонских харь, три сотни танков и САУ, столько же бронетранспортеров, бронев автомобилей и прочей бронированной дряни — новая дивизия намного предпочтительнее прежней, ибо может воевать дольше, сохраняя пробивную силу.

«Теперь они одну техническую базу под это дело сообразили, таких дур понаделали».

— Мой фюрер, танк подвергся новой компоновке, двигатель сместили вперед, в легко бронированной рубке можно установить либо 150-мм гаубицу, либо полевую 105-мм пушку, либо 88-мм зенитную пушку с длиной ствола 71 калибр. В последнем случае мы имеем истребительно-противотанковую самоходку, способную уничтожить любой танк, даже новейшие русские КВ, с километровой дистанции.

Андрей нахмурился больше, слушая разъяснения Гудериана, — такого афронта он не ожидал и вспомнил, что когда-то в журнале смотрел целую танковую серию. Там и были эти САУ, только их изготовили к 1943 году под названием «Хуммель» и «Насхорн», то есть «Оса» и «Носорог».

В последнем случае настоящий Гитлер не ошибся — самоходка со своим вытянутым длинным стволом действительно отдаленно походила на это африканское животное и была не менее его опасна, но только по отношению к своим бронированным собратьям.

«Это что я сотворил, муфлон!»

Андрей в который раз обругал себя, разглядывая следующую парочку, предназначенную для усиления ПВО, с которой чисто по-немецки поработали специалисты. Убрали тяжелую бронированную башню, вместо нее установили вращающуюся легкую рубку, открытую сверху, — на первой машине установили четырехствольный «фирлинг», а во второй 37-мм зенитный автомат.

— Мой фюрер, именно этих установок нам не хватало во время продвижения к Дюнкерку, когда английская авиация постоянно бомбила наши боевые порядки...

— Угу!

Крыть было нечем, сам разрешил эти модификации создать, вот и сделали, да еще так спешно, за четыре месяца уложились вместо предполагаемых восьми, стахановцы тевтонские!

— А вот, мой фюрер, модернизированные образцы нашего основного танка, модификации «Ф». Лобовая броня усилена плитой в 30 мм брони, общая толщина доведена таким образом до 80 мм. Установлена 75-мм пушка длиной ствола в 43 калибра. Ее удалось поставить в прежнюю башню без существенных переделок...

«Ни хрена себе. Этот танк должен появиться только летом 1942 года, после того как немцам наши Т-34 хорошо понавтыкали. Я его против „Матильды“ планировал использовать,

вот только английские танки сейчас в остаточном числе, пополнения им вряд ли будет... Если только в Канаде производить не начнут... Хотя там вроде „Валентайн“ делали, а тот хоть и полегче, но тоже внушительно бронирован. Лобешник в 60 мм — серьезная преграда для „окурка“, зато вот эта пушка ее проломит!»

Андрей обошел танк, покачал головою, похлопал по броне хозяйским жестом, привычно пнул ботинком по катку.

От бронированной машины несло силой, он это сразу почувствовал. И, предчувствуя недоброе, посмотрел на Гудериана. Фельдмаршал тут же махнул рукою в сторону двух танков, оставшихся еще без осмотра.

— Мой фюрер, а вон там стоят самые новейшие образцы нашего танка, они пока абсолютно «сырые», но тем не менее боевые возможности данных машин значительно превосходят даже перевооруженные новой пушкой «четверки». И хотя база одна и машины похожи, но получились совершенно отличными по боевой эффективности.

— Пойдемте, посмотрим эти ваши «вундерпанцер». Надеюсь, они стоят комплиментов. Как вы думаете, Шпеер?

— Даже больше, мой фюрер!

Квебек

Многоопытный Черчилль давно знал, что жизнь любого политика — это бесконечное хождение по шкуре гигантской зебры — по черным и белым полоскам. Еще немногие знают, что шкура у зебры заканчивается под хвостом, в общем, понятно чем...

Так и те полгода, что сэр Уинстон был у власти, напомнили ему о тягостной ходьбе вдоль черной полосы. Таких ударов судьбы он не испытывал никогда в своей бурной жизни. Но все рано или поздно кончается!

Можно скатиться далеко вниз по крутому склону политического Олимпа, но если ты уцелел и оказался у подножия и есть силы — то можно начинать обратное восхождение на вершину.

Уинстон Черчилль недаром являлся потомком предприимчивых и неунывающих герцогов Мальборо — сейчас он был полон решимости продолжать борьбу за свою жизнь, за будущее империи. Вот только противник оказался намного сильнее и изворотливее, чем он ожидал, но тем больше славы достанется победителю.

Жаль только, что лавров ему достанется немного, триумф будет праздновать Америка, но и Британии перепадет от ее щедрот обязательно. Главное — показать бывшей заокеанской колонии, что империи всегда воюют до последнего солдата. Желательно чужого, ну или в худшем случае не совсем своего.

Начало октября стало приносить первые и долгожданные радости — канадский премьер-министр Кинг в конце концов согласился отправить в Египет две пехотные дивизии немедленно, а еще одну в начале следующего года, а также развернуть в стране на полную мощь производство танков «Валентайн» и другой военной техники, львиная доля которой уйдет в ту же далекую Африку.

Черчилль удовлетворился тем, что уломал строптивца, хотя переговоры были трудными, но теперь транспорты, пусть и через два океана, направятся в Суэц. Далековато, но что делать — Гибралтарский пролив намного бы уменьшил расстояние, но он блокирован французским флотом. Потом корабли ждет еще один прорыв мимо итальянских островов, на которые приземлились первые германские «штукасы».

Такой риск Черчилль уже считал совершенно недопустимым, убедившись, какую угрозу кораблям Его Величества несут пикирующие бомбардировщики.

На генерала Арчибальда Уэйвелла премьер-министр Британской империи не зря положился — его штаб в Каире был полон решимости бороться до конца, там даже открыто говорили, с чисто английским юмором, что теперь Британская империя обязательно победит любых врагов, ибо у нее не осталось союзников.

И немедленно доказали — 30 тысяч английских солдат наголову разгромили впятеро большего противника, захватив 50 тысяч пленных, начав стремительное продвижение в глубь пустыни, к важнейшей крепости и порту Тобрук.

И в душе сразу вспыхнула надежда — если удастся на плечах бегущих в панике итальянцев пройти всю Ливию до конца и скинуть врага в море, то эффект от такой победы будет велик. А соответственно, вырастут и ставки и полностью изменится политический пасьянс.

А потому стоит играть!

Черчилль взбодрился и раскурил сигару, укутываясь клубами табачного дыма. Затем с пафосом произнес, надеясь, что его слова о славной победе войдут в анналы истории:

— Никогда столь многие не терпели поражения и теряли многих пленных от столь немногих!

Потсдам

Танк очень походил на перевооруженную «четверку» только на первый взгляд, однако это была совершенно иная машина, Андрей понял сразу, как только подошел к ней вплотную.

Сам корпус имел мало отличий от прототипа, но они были весьма существенные — толстый «лобешник» получил некоторый наклон, что увеличивало стойкость брони к попаданиям снарядов, хотя до легендарной «тридцатьчетверки» ему здесь было далеко.

Бортовые ниши стали больше и вытянутее, получив солидный скос, не меньше, чем у «Хетцера». Но за счет этого значительно увеличилась ширина гусеницы, а значит, проходимость по мягкому грунту у этой машины стала намного лучше. Ходовая часть прикрывалась тонкими броневыми экранами, своеобразной «юбкой», дополнительной защитой уязвимой и тонкой, всего в 30 мм «шкуры».

Зато башня была совершенно другой, более массивной, без бортовых люков, что значительно уменьшали защитные возможности. Но главное отличие имелось в пушке — длинный, не менее четырех метров, ствол, с набалдашником дульного тормоза, выдавался далеко вперед.

— Как похож на «Пантеру», только намного меньше, — задумчиво пробормотал Андрей, вспомнив один из самых знаменитых танков Второй мировой войны, и воззрился на Гудериана, ожидая от того пояснений.

Фельдмаршал тут же начал говорить, причем каждое его слово падало тяжелым камнем, добавляя лишнего беспокойства:

— Мой фюрер, как видите, шасси внешне похоже, но оно стало другим. Подвеска значительно усилена, ибо вес танка увеличился почти на семь тонн. Но проходимость стала даже лучше за счет введения широкой гусеницы. А главное — это новый опытный пока «Майбах» — вместо трехсотсильного двигателя этот образец имеет пятьсот двадцать лошадиных сил и за счет компактности вписался в моторный отсек практически без переделок. И что немаловажно с тактической стороны, так это увеличение скорости.

— Понятно, Хайнц!

Объяснения фельдмаршала особой радости не добавили, Андрей продолжал выглядеть хмуро, слушая дальнейшие пояснения командующего панцерваффе, который прямо разливался соловьем, не сдерживая ликующего восторга, будто он молоденький кадет, а не маститый заслуженный фельдмаршал.

— Прежняя башня совершенно не годилась, а за счет небольшого увеличения подбашенного погона удалось поставить гораздо лучше защищенную и вооруженную конструкцию. Пушка переделана из 75-мм зенитной, длиной в 56 калибров, способна поразить любой танк мира, даже защищенный 100-мм броней. Лоб корпуса и башни этой машины имеют 80 мм брони, а наклон еще более увеличивает защиту. Так что наш танк практически неуязвим для всех танковых и противотанковых пушек.

— А борт? Он также забронирован?! — с некоторым испугом в голосе спросил Андрей, но Гудериан эти нотки воспринял совсем иначе и поспешил развеять, как ему показалось, искренние опасения главнокомандующего:

— Нет, мой фюрер, это невозможно и вызвало бы излишнюю перегрузку и без того потяжелевшей машины. Но ходовая часть прикрыта «юбкой», а узкую кромку верхней части борта дополнительно нарастили на 10 мм и придали наклон, что позволяет выдержать попадания даже 47-мм противотанковых пушек. Вполне достаточная защита!

— А когда можно начать производство этих танков? — поинтересовался с опаской Родионов и немедленно получил от радостного Шпеера убийственный, по сути, ответ:

— Как только будет налажено производство пушек и башен, мой фюрер. Но не позже марта!

— Да уж, — только и сказал Андрей, продолжая разглядывать «вундерваффе».

Неожиданно он подумал о том, что германские конструкторы и генералы в той истории сделали две большие ошибки, которые могли сказаться на ходе войны. Первая связана с Pz-III, этот танк полностью оправдал поговорку — «третий лишний». А вторая — со знаменитой «Пантерой». Стоило ли идти на значительные затраты, создавая этот танк, ведь это неизбежно вызвало лихорадку на заводах в процессе производства, связанную с переходом на новый тип.

Ведь такая глубокая модернизация делала «четверку» ничуть не слабее «Пантеры» и по вооружению, и по бронированию, но при массе чуть ли не вдвое меньше, а значит, и при намного меньшей цене.

Тем более что этот танк отработан в производстве, надежен, хорошо ремонтируется, в отличие от «кошки», что страдала множеством «детских болезней» и пороков, среди которых одни катки, поставленные в шахматный ряд, чего стоят: стоит зимою забиться туда грязи и прихватить ее утренним морозцем — и все, баста, карапузики, кончились танцы — чтобы сменить поврежденный каток из внутреннего ряда, нужно снять несколько внешних, что вызывало совершенно искреннюю и яростную ругань танкистов в адрес конструкторов.

Так что, как ни крути, но «Пантера» была явно не нужна, а вдвое большее число «четверок», которые можно изготовить вместо нее, принесло бы на поле боя более внушительный эффект. А он собственными руками, сам того не желая, исправил эту ошибку!

«Ну, куда ты полез, им же палец в рот не клади — творческие ребята, да еще с всосанным с детства стремлением к порядку!»

Андрей скривил губы и огорченно взмахнул рукою, процедив сквозь зубы в свой адрес сакраментальную русскую премудрость, пережившую века:

— Хотели как лучше, а получили как всегда...

И тут же получил в спину ликующие слова обрадованного сверх меры Гудериана:

— Вы правы, мой фюрер, — получилось гораздо лучше, просто отлично, как все то, за что вы беретесь!

Андрей остановился как вкопанный, переварил полученное и, впав в задумчивость, пробормотал:

— Вы на кого стали работать, Штирлиц?!

Рим

— Чтоб ему живот вспучило! Чтоб язык лживый отсох! Да чтоб окривел этот Адольф!

Бенито Муссолини вскричал раненым зверем, в буйной ярости хлопнув крепкой ладонью по столу, и, подумав секунду, добавил с нескрываемо злорадством:

— На оба глаза!

Представив окривевшего рейхсканцлера в своем богатом воображении, дуче невольно хмыкнул — такое зрелище было бы незабываемым, стоит посмотреть. И гневный пар, найдя выход, схлынул, оставив место только огорчению от деятельности германского коллеги по установлению в Европе «нового порядка».

Известия из Северной Африки не радовали — войска, эти неукротимые львы на парадах, позорно драпали, смешав Муссолини все планы, которые были наполеоновскими, с большим размахом и легкостью необыкновенной им продуманные.

Ах, как все хорошо начиналось!

А все эти бездари в расшитых золотом погонах не могли победить при столь чудовищном перевесе в их пользу — в людях впятеро, в артиллерии в три раза, в танках в два. И с такой силищей в первую неделю они углубились в глубь Египта на пару десятков километров и встали там как столбы, намертво!

Но даже такого куцевого продвижения хватило, чтобы дуче отдал приказ провести в октябре оккупацию Греции. Муссолини очень торопился захватить как можно больше до капитуляции Англии, чтоб потом на мирных переговорах выторговать Италии лучшие условия: если не всю Элладу, то по меньшей мере оставить за собою Ионические острова, которые семнадцать лет назад чуть не стали итальянскими.

Проклятые англичане вкупе с французами, боящиеся его успехов, заставили с них уйти, удовольствовавшись жалкими крохами контрибуции!

Теперь такого афронта уже не выйдет, и он наложит свою крепкую руку на Крит, да и на британский пока еще Кипр, чтобы все крупные острова Средиземного моря стали частью «Великой Италии», а само море превратилось в «итальянское озеро».

Но все планы полетели к чертям, эти бездельники не только не заняли Египет с вожделенным Суэцким каналом, но уже оставили чуть ли не половину Киренаики, а там и Бенгази сдадут и шустро покатятся к Триполи, отдавая британцам Ливию.

Удержать северную африканскую колонию без помощи было невозможно, и он попросил ее у Гитлера, чисто по-товарищески, как оплату за ту непревзойденную доблесть, что показали итальянцы в альпийских боях с французами.

На действенную помощь он не рассчитывал, так и вышло — прибыла всего одна танковая дивизия, и ту перебросить прямо в Тобрук не получилось — порт постоянно бомбила английская авиация, а на море господствовал Королевский флот.

А потому в Киренаику направлялась лишь часть сил одной бригады, что разгружалась в Триполи, а другая растянулась тонкой кишкой эшелонов от Неаполя до Вены.

Перебазирование эскадр страшных для английского флота пикировщиков «штукас» шло преступно медленно, что еще раз свидетельствовало о том, что Гитлер придерживается коварного плана обескровить итальянцев, дабы потом вырвать честно захваченную добычу.

Ну не шакал ли, что крадет кусок мяса из лап израненного льва?! Мерзавец, каких свет не видел!

Какая уж тут Греция, если недобитые немцами галлы сосредотачивают свои войска и корабли в Африке и на юге Франции, желая оградить свои интересы от его законных притязаний на Тунис и Корсику.

Гитлер не только не запретил им иметь армию, но и позволил держать под ружьем два

десять дивизий, и даже заключил с этим старым упрямым маршалом Петеном военное соглашение.

Министр иностранных дел Германии фон Нейрат щедро дает европейским странам гарантии, и даже независимость оккупированным ранее государствам возвращена, да еще требует поступить так же и его, выведя войска из честно завоеванной Албании.

Какая наглость!

Гитлер — прохвост выдающийся — себя выставляет радетелем за «Европу без войн, за новый порядок и объединение», а Италия, желающая укрепить свою империю, начинает выглядеть «исчадием ада». Ну и как после этого называть рейхсканцлера прикажете?!

Бенито Муссолини смял листок бумаги и швырнул папку с документами на пол, громко воскликнув, плюя гневом и слюнями в адрес немецкого выскочки, что с ним торгуется как завзятый еврей, да еще сцепив при этом на его горле свои заскорузлые пальцы:

— Мерзавец и прохвост!

Глава седьмая

«ВОТ И ПОЗНАКОМИЛИСЬ»

Варшава

— Политики, доведшие Польшу до катастрофы, снова у власти. Какие же выкрутасы делает история?!

Из окна вагона Андрей хорошо видел большую группу людей, стоящих на платформе. Здесь собрался весь польский политический бомонд в хорошо пошитых костюмах и пальто, в шляпах и котелках.

Среди политиков выделялись несколько генералов — в шинелях и четырехугольных фуражках, так называемых конфедератках или рогатувках, как их называли горделивые паны.

Лица поляков выражали непонятную смесь облегчения, радости и настороженного страха, слишком неожиданным стал для них переход от оккупированного генерал-губернаторства до независимой, но не Речи Посполитой, а новой Польши.

— Заварили кашу, такая крутая вышла, что ложка в рот не лезет, — сквозь зубы пошутил Андрей, потом растянул губы в самой приветливой улыбке, согнул в локте руку.

Но, дабы не вводить себя в искушение и не показать панам неприличный русский жест (что было бы с его стороны грубой и неуместной политической ошибкой), он повернул к ним ладонь и чуть помахал ею, как бы прощаясь, чисто в брежневском стиле.

Паны разом зашевелились, оживились, глядя на такое радушное поведение Гитлера, но держали знаменитый панский гонор — руками не махали и ответных приветствий не кричали.

Штатские попрощались по-разному — кто вежливо приподнял шляпу, кто заметно кивнул при этом, министр иностранных дел Бек даже поклонился. Его примеру последовали многие поляки, продолжая держать шляпы в руках, чем напомнили Андрею вежливых до приторности самураев. И с чего бы это?

Генералам было проще — военный министр Кутшеба, в прошлом бывший командующий армией «Познань», возглавлявший оборону Варшавы в горячие дни сентября 1939 года, четко взял под козырек, что тут же проделали и другие военные из его окружения.

Пожалуй, только военные хоть и хмурились притворно, но были искренне рады приезду главнокомандующего еще вчера враждебной армии — с января следующего года Польше разрешалось воссоздать свои вооруженные силы...

— Сталину, конечно, такой шаг не очень понравится, но и пусть — многолетнюю вражду надо прекращать раз и навсегда, пока дело не зашло слишком далеко!

Андрей отвернулся от окна, но за поручень держался — набравший ход поезд ощутимо раскачивало.

Кипучая деятельность, что развил министр иностранных дел фон Нейрат, большой ненавистник нацизма как такового и сторонник прежней кайзеровской политики, приносила определенный результат, а это было главным. И, как ни парадоксально, страна, первой попавшая под агрессию (Чехия не в счет — ее союзники выдали, как говорится, с головою, пойдя на Мюнхенский сговор), стала самой последней из бывших оккупированных Германией стран и седьмой в пока еще коротком перечне соглашений по «новому европейскому порядку».

И на то имелись свои причины, главной из которых было насильственное ополячивание или изгнание немцев в 1920-х годах, когда Польша полностью прибрала по Версальскому миру бывшие германские земли.

Чванливая шляхта всегда любила щедро разбрасывать зерна ненависти, а потом искренне недоумевала, а почему так плохо к ним все соседи относятся. Доставалось не только немцам, от

литовцев отняли Виленщину, с чехами шла распря за Тешин, а в западных частях Украины и Белоруссии вообще шла самая настоящая необъявленная народная война в ответ на польское так называемое «умиротворение» («пацификацию»).

Там польское правительство всю использовало накопленный панам за столетия богатейший и жестокий опыт подавления православного населения, которое всегда презрительно именовалось «схизматиками». Правда, просвещенный XX век ввел свои коррективы, и паны отказались от массовых казней недовольных, заменив их заключением по тюрьмам и самым натуральным концлагерям, зачастую без суда и следствия.

Сентябрьская катастрофа разрушила Польскую империю, от которой победители отобрали все земли, где собственно поляки составляли меньшинство населения.

Да и само Польское государство прекратило свое существование, но, как оказалось, весьма на короткий срок — чуть больше года. Теперь в этом больном вопросе Андрей постарался поставить если не жирную точку, то многозначительное многоточие.

Тобрук

— Вроде успели, майор. Эти макаронники еще не сдали крепость!

Генерал-лейтенант Роммель стоял на башне единственного в отряде танка Pz-IV и рассматривал в бинокль самую большую крепость в пустыне, если верить красноречивым заявлениям итальянцев, которым и соврать недолго, в чем Хайнц неоднократно и сам убеждался.

Майор фон Люк тоже разглядывал в окуляры мощного бинокля укрепления, которые не производили должного на него впечатления и обрушили сложившийся образ эдакого римского «Вердена» на восточный лад. Наоборот, оставляли двойственное впечатление.

Широкий противотанковый ров, вырытый в песке, кое-где был совсем не глубоким, наполовину занесенным: обычное явление, которое майор уже познал на собственной шкуре.

Песок был везде — хрустел на зубах с кашей, забирался под очки и порошил глаза, отчего они у всех немцев стали красными, как у породистых кроликов, забирался под вроде плотно застегнутую одежду, продирая жестким рашпилем кожу.

Но тут танкисты и разведчики на все лады крыли интендантов — выданное со складов тропическое обмундирование канареечной расцветки оказалось непригодным, а пробковые колонизаторские шлемы британского образца многие побросали сразу. Хорошо, что выручили итальянцы, выдав две тысячи комплектов своей пустынной формы — очень удобной, более приспособленной по расцветке к местности и, что весьма удивительно для этих вечных любителей карнавалов, достаточно практичной.

— Какое убожество, — пробормотал майор, продолжая разглядывать «неприступную крепость».

За рвом итальянцы обустроили укрепленные форты — по три бетонированных площадки для артиллерии, прикрытых пулеметными точками. Хорошо хоть не вытянули в одну длинную линию, а расположили шахматным порядком, дабы взять все прилегающее к ним пространство под перекрестный огонь.

Днем люди прятались от палящего солнца в подземных ходах сообщений и капонирах. Окопы были отрыты безобразно, на ходы сообщений, которые, по логике, должны опутать и скрепить все форты в единое целое, итальянцы не обратили должного внимания, чем значительно ослабляли будущую оборону.

Каждый гарнизон был представлен собственной судьбе — как хочешь, так и дерись, соседи помощи живой силой оказать не смогут, ну если артиллерийским огнем поддержат.

Продолжительный, на добрых пятьдесят километров, оборонительный периметр крепости

опоясывали несколько рядов колючей проволоки в три-четыре «нитки», прикрытых минными полями везде, как уверяли итальянцы, в чем Люк сомневался, учитывая их небольшие возможности. Ну, если и прикрыли, то кое-как, в пару рядов, чрезвычайно узкими полосками.

— Убожество, а не оборона! Не так ли, майор?! — Генерал Роммель словно прочитал его мысли, и Люк в который раз поразился этому умению командующего дивизии.

— Так точно, майн герр! Единственное достоинство в открытой местности — осаждающим будет трудно подвести артиллерию.

— Верно, майор. Зато если крепко ударят в слабом месте танковым кулаком и возьмут хотя бы пару фортов, то задержать будет невероятно трудно, только контрударом из глубины.

— А если опереться на внутреннем поясе?

— Его нет, майор. Итальянцы не эшелонировали оборону. И денег пожалели, и сами лентяи, даже окопы отрыть не удосужились.

Люк помрачнел — перспектива оборонять такую «крепость» ему нравилась все меньше и меньше. Есть немалый риск не увидеть свою невесту Дагмар вообще, а не то чтобы повести ее к венцу через пару месяцев, как он рассчитывал в сентябре, надеясь на победную поступь итальянцев, которая на поверку оказалась жутким бегством.

— Мы будем драться не здесь, майор. Подождем подхода нашей первой бригады — тогда и устроим англичанам сюрприз!

Брест

— Паны есть паны, ничем их не исправишь — в глубокой заднице сидят, а все хорохорятся, о «Великой Польше» мечтают, чтоб от «можа до можа» раскинулась! Чтоб от Балтики до Крыма, и границу по Днепру, дабы «исторической краиной» володети!

Андрей глухо выругался, помянув по матери неразумных политиков, что неизбежно подвели страну к катастрофе. Третью населения бесправна, под запретом родная речь, что на западе, что на востоке «осадников» своих селили, лучшие наделы земли для них у местных селян отбирали. Вот и доигрались, «пацификаторы», мать их!

— А мне все это дерьмо разгрести пришлось!

С Польшей нужно было что-то делать, и причем срочно. Поляки в генерал-губернаторстве смотрели на оккупантов волками, и вопрос дальнейших взаимоотношений между народами мог быть решен только по-старинному, овечьему временем рецепту — вырезать всех непокорных. Рано или поздно, выиграв настоящий Гитлер мировую войну, он так бы и поступил со своими нацистами — уничтожил бы всех славян под корень, всех тех, кто онемечиться не пожелал бы.

Но Андрей мыслил не как «бесноватый» Адольф и хотел получить мир на долгие годы, а потому предложил фон Нейрату использовать проверенный чешский рецепт — те земли, где немцы в большинстве, останутся за рейхом, а все остальное отойдет новой Польше. Вполне разумное и толерантное решение проблем, вот только не тут-то было!

Престарелый президент Мосьницкий, министр иностранных дел Бек и прочие польские деятели, которых новое правительство генерала Сикорского в Лондоне вышвырнуло за ненадобностью (поступив, в общем-то, правильно, а тем было деваться некуда, потому отправились обратно в Варшаву под ярмо оккупантов — ни к Сталину же им подаваться прямиком в лагерь), почувствовали свою значимость.

Они наотрез отказались принимать границу с Германией 1914 года. Их можно понять — в такое правительство только бы самый ленивый поляк не швырнул камень. Андрей сразу вспомнил незабвенного Остапа Бендера с его обращением к Ипполиту Матвеевичу Воробьянинову: «Я его три месяца кормлю, пою, воспитываю, а теперь этот альфонс становится в третью позицию и заявляет, что никогда. Довольно, юноша!»

Пришлось немного славировать и пообещать передать большую часть Познанского воеводства, где поляки имели подавляющий численный перевес, а на остальных землях провести референдум, в положительном исходе которого, за исключением Торуня или Торна, как этот город переименовали немцы в конце XVIII века, фон Нейрат не сомневался. Еще Германия гарантировала, что поляки могут беспошлинно торговать через Данциг и иметь свободное судоходство по Висле.

Можно было, конечно, задействовать административный ресурс и поприжать панов, но Родионов захотел, чтобы процесс двухсторонних отношений выглядел хотя бы относительно честным.

Новое «старое» польское правительство после сделанных немцами уступок сквозь зубы одобрило границу, но деваться им было некуда. Еще бы — главная надежда на Англию стояла как дым после успешного проведения «Зеелеве». А свое полунезависимое государство, пусть с немного обрезанными границами на западе и потерянным Поморьем, всяко лучше жесткого оккупационного режима, тем более что в виде одной из уступок фон Нейрат гарантировал Польше возможность начать формирование с января следующего года собственную армию из десяти дивизий.

Вроде договоренности были достигнуты, и фон Нейрат был готов подписать соглашение, как поляки, прочувствовав, что от задницы отлегло, выдвинули заведомо неприемлемое предложение — гарантировать старую восточную границу Польши. Нашли время, как раз к его визиту в Москву, дабы вбить одним махом клин между Германией и Советским Союзом. Пришлось заехать по пути в Варшаву...

— Я их сделал!

Теперь Андрей показал неприличный русский жест, согнув руку. С нескрываемым злорадством вспомнив, как вытянулись лица поляков, когда он раздраженно бросил, что теперь у них есть два выбора — или немедленно подписать договоренности, или Германия удовольствуется границами 1914 года, вернув СССР царское наследие.

Товарищ Сталин живо припомнит, как польские уланы поили своих лошадей из Днепра и маршировали по Киеву. Припомнит заодно и оккупацию ляхами Минска, и «чудо на Висле», и те многие тысячи пленных красноармейцев, что были умучены в польских концлагерях.

Как он и рассчитывал, лютая вековая русофобия панов оказалась гораздо слабее исторической неприязни к немцам, и вопрос о будущих восточных границах забыли сразу же.

— Мой фюрер! Русская граница!

Поезд грохотал по мосту через Буг, не очень широкую реку, даже узкую. И стоило миновать последнюю ферму, как Андрей увидел подтянутые и застывшие фигурки солдат в знакомых с детства зеленых фуражках с красными звездами...

Брюссель

— Вот и закончилась для меня еще одна война...

Майер задумчиво посмотрел в прозрачное, хорошо вымытое окно вагона на чистый перрон, по которому важно расхаживали бельгийские полицейские в черных шинелях. Будто не их победили в недавней войне, а они, а потому и хозяева. Однако вели себя бельгийцы предельно вежливо, и это было легко объяснимо. Время от времени brave полицейские опасливо косились на угрюмых германских фельджандармов, что охраняли порядок вместе с ними.

— И началась новая... Все вернулось на круги своя.

Этим словами майор Майер как бы подвел черту под своим участием в успешной Английской кампании. Он начал эту войну командиром разведывательной роты и снова получил ее в свое распоряжение, совсем недолго покомандовав батальоном, временно замещая

вакантную должность.

Такова судьба — назначили на его место офицера вермахта, потому что с командных и особенно со штабных должностей в бывших частях «ваффен СС» начали убирать тех, кто не имел должной военной подготовки и опыта. Но случались и исключения, а именно потому Майеру было особенно обидно — ведь он прошел три кампании от начала и до конца, получив за проявленную храбрость обе степени Железного креста и два «венка» в серебре. Но ему все же предпочли армейского подполковника, потому что тот оказался старше по чину.

Кому не обидно станет от такого решения!

«Лейб-штандарт Адольф Гитлер», как многие другие части и соединения вермахта, спешно выводили из Англии, оставляя в особо оговоренных портах только охранные части — оккупация на эту страну не распространялась после заключения перемирия с новым Британским правительством. Но солдат вместо заслуженного отдыха погрузили в Дюнкерке в вагоны и уже в дороге зачитали приказ.

Ливия так Ливия!

Новый край поневоле поманил немецких солдат, как в читанной еще до войны Майером тонкой брошюре, в которой красочно описывалась деятельность французского Иностранного легиона. Там прямо говорилось — «если хочешь бесплатно повидать мир, то записывайся легионером». Теперь и его самого ждет эта горячая страна, покрытая песками...

Москва

— За полвека ничего не изменилось, а может, и века прошли, — задумчиво пробормотал Андрей, припоминая увиденную из окна вагона российскую глубинку.

Путь от Бреста до Минска занял всю ночь, включая и то время, что ушло на торжественную встречу в столице Белоруссии, где Родионов познакомился с известным ему по роману Стаднюка командующим округом генералом Павловым, крепким сорокалетним мужиком с тщательно выбритой головой и резкими чертами лица, словно вырубленными топором.

Почти час ушел на различные славословия и торжественный обед, устроенный в честь прибытия рейхсканцлера Германии. Затем проводы, ничем не уступавшие варшавским, — но без заискивания, что ему понравилось. Местные коммунисты явно знали себе цену и плевать с колокольни хотели на любого правителя, если только он не скрывался за скромной должностью секретаря ЦК ВКП(б) с короткой, но грозной фамилией.

Утром поезд снова тронулся, и перед окном нескончаемой вереницей стали проплывать белорусские веси и села российской глубинки. Асфальта нигде не было — обычные грунтовки, утопающие в грязи, абсолютно непригодные в непогоду для любого транспорта, за исключением тракторов.

Дыхание зимы чувствовалось, за ночь подмораживало, но днем все превращалось в слякоть и грязь.

Судя по столбам, в большинство сел было проведено электричество, но многие остались без этого главного признака коммунизма. Да и строения мало претерпели изменений от смены власти, особенно заборы — покосившиеся, так и норовящие поскорее упасть.

Селяне, одетые отнюдь не в спортивные костюмы или рабочие робы, а в лучшем случае в обычные ватники, грязные и порванные, угрюмо взирали на проносящийся мимо их поезд да косились на замершие вдоль дороги фигурки бойцов конвойных войск, что несли охрану пути на всем его протяжении через каждые полкилометра.

Это были не фильмы эпохи становления «искусства социалистического реализма», которые он смотрел в свое время в Берлине под язвительные комментарии Геббельса.

Родионов только прикусывал от огорчения нижнюю губу — если такая жизнь считается

нормальной вдоль главного железнодорожного пути, то какова же она в самой настоящей глубинке, кондовом российском Нечерноземье. У него даже возникло ощущение, что столетия совершенно не властны над Россией, где жизнь словно застыла со времен царя Гороха.

С нынешней Германией сорокового года, где все мало-мальские дороги забетонированы, где везде проведено электричество, а потому повсю используется бытовая техника, без куч навоза и мусора, можно и не сравнивать. И не только эти села, но даже и те, что будут через полвека. Да, будет электричество, многие дороги заасфальтируют, пусть и безобразно, — но люди, дома и несчастные заборы с плетнями останутся теми же.

Время не властно над русским менталитетом, или просто власть всегда была здесь такая, все требовала для себя и ничего не давала взамен: что помещики, одуревшие от вседозволенности крепостных времен, что партийное начальство, идущее по тому же прискорбному пути. Ведь несчастные колхозники лишь при Хрущеве получили паспорта, а до того считались прикрепленными к земле, новыми «крепостными», без права на отъезд.

Впрочем, горевать над их судьбою незачем, все произошло согласно старой народной мудрости — за что боролись, на то и напоролись. Стоило помещика с детьми в усадьбе жечь, чтобы потом собственной деляны целиком лишиться вместе со всем рабочим скотом. А кое-где даже мелочь обобществили — от козы до курицы, и огороды изъяли, дабы ничего не мешало крестьянину зарабатывать «палки» трудодней...

Встреча на Белорусском вокзале была устроена торжественная, в глазах зарябило от кумачовых полотнищ советских знамен, перемешанных с германским триколором, в три горизонтальные полосы — черную, красную и белую, кайзеровских, обратно возвращенных в обиход.

Было несколько флагов и со свастикой, что смотрелось как сюрреализм — это в Москве-то! Но что делать — он ведь еще глава нацистов, а потому товарищи из НКВДа и вывесили эти партийные тряпки по старой памяти, со времен подписания пакта между Молотовым и Риббентропом.

— Твою мать!

Такого Андрей никак не ожидал и даже потерял свои глаза, не в силах поверить увиденному. Вдоль перрона застыли ровные шеренги почетного караула, одетого в красные черкески с газырями, но без погон. Кубанки лихо заломлены, кинжалы на поясах, через плечо пущен шашечный ремень, а ладони крепко держат рукояти клинков.

Такого быть не может!

— Это есть кавказцы, мой фюрер?

За спиной послышался негромкий голос шефа-адъютанта, и Андрей отрицательно мотнул головой в ответ и чуть громче произнес, чувствуя, как в душе поднимается гордость, от которой в глазах все расплылось, будто выступили слезы.

— Нет, Штудент, это кубанские казаки!

Тобрук

— Мы не итальянцы, драпать не станем!

Майор фон Люк пылал самой праведной злобой. Вопреки настоятельным требованиям командующего 7-й танковой дивизией генерал-лейтенанта Роммеля отходить главными силами с боями в западном направлении, дабы соединиться с единственной германской панцер-гренадерской бригадой, спешащей на помощь от Триполи, с которыми он обратился к маршалу Бальбо, итальянец ответил категорическим отказом.

Тогда генерал наплевал на приказ высокопоставленного начальства, к которому Роммель относился с нескрываемым презрением, ибо хорошо знал полководческие «дарования» и

отчаянную «храбрость» потомков грозных латинян, и сам вылетел на связном самолете в Бенгази, куда вошли танки и мотопехота его единственной пока бригады.

Там Роммель надеялся привести в порядок две бежавшие итальянские дивизии, чтобы объединенными силами нанести удар по обложившей Тобрук английской армии.

Без такого контрудара участь крепости была бы предрешена — позорно бежавшие от египетской границы итальянцы совсем пали духом, и стремления защищать крепость до последнего патрона у них явно не наблюдалось. И, словно вороны на убранном поле, макаронники тенями ползали по городку, скуля и ноя, с одной стороны, а с другой — горячечно рассказывая своим собеседникам, с какой отвагой они дрались с британцами.

Если бы не бегство соседей, оголивших фланги, то было бы ой-ой-ой: они бы не только героически отразили все атаки горсти островитян, но и сами бы перешли в наступление, гоня противника перед собой вплоть до самого Суэцкого канала. Впрочем, некоторые кричали, что и в нынешней ситуации это сделать не поздно. Еще бы, ведь итальянцев оставалось даже сейчас, после чудовищного разгрома, вдвое больше, чем англичан.

И так считали абсолютно все 50 тысяч бежавших к Тобруку итальянцев — от их разговоров Люка охватывало бешенство с тошнотой. Вместо того чтобы использовать эти три дня передышки, приводя крепостные укрепления в порядок, союзники предавались стенаниям и только вчера немного опомнились и принялись суесться. Чтобы выиграть еще сутки, майор решил дать бой английскому авангарду и задержать его на подходе...

— Идут, герр майор!

Ординарец показал рукою на густые клубы песка, что вздымались к небу, — верный признак движения большой механизированной колонны.

Люк огляделся еще раз — его солдат не было видно, а прикрытые маскировочными, под цвет песка, сетками, поставленные на прямую наводку «мардеры» выглядели небольшими барханами.

Засаду устроили развернутую, чтобы пропустить вперед разведку и истребить в «огневом мешке» главные силы авангарда — слетавший на разведку экипаж в один голос твердил, что британцев не более трех тысяч с полусотней танков.

Силы были почти равными — с разведывательным полком на позиции вышли также и союзники, те, кто не потерял присутствия духа, — батальон берсальер под командованием отважного капитана Габриеле, две артиллерийские батареи и танковая рота.

На бронетехнику итальянцев без слез смотреть было нельзя — даже слабые «двойки» выглядели перед ними непобедимыми и грозными «голиафами». Оставалось только проверить их в деле...

Москва

«Этого не может быть?!»

Андрей чуть ли не вскрикнул во весь голос, резко остановившись у шеренги рослых казаков, застывших по команде и державших шашки «на карауле».

От неожиданности Вячеслав Михайлович Молотов, идущий с ним рядом, сделал лишний шаг, но вовремя остановился, поняв, что оговоренная заранее процедура обхода строя почетного караула скомкана самим Гитлером по непонятной причине.

Командир почетного караула недоуменно посмотрел на Андрея, и тот заметил, что пальцы, держащие рукоять шашки, побелели — нервы они ведь не железные, и, тряхнув головой, словно отгоняя наваждение, Родионов шагнул и вплотную встал напротив трех казаков, что, согласно уставу, «поедали» глазами высокопоставленного гостя.

Андрей их узнал сразу — память словно пронзила молния. На фотографии они были точно

такими же, только черно-белый снимок не давал сочности цвета. Три родных брата и стоящий справа его дед Антон, сержант 54 ЗСП, погибший 6 ноября под Сталинградом.

Комок подкатил к горлу, и он с трудом его сглотнул — настолько встреча со своим чужим прошлым его потрясла. Этого не могло быть, но тем не менее произошло.

Дед, родной дед, которого Андрей никогда не видел, кроме как на фотографиях, застыл перед ним, по-фамильному прищуривая глаза. Он хотел его обнять, сказать доброе, но чужие эмоции смогли лишь выдать хриплые от волнения слова, но на русском языке:

— Имя, фамилия, станица?!

— Сержант Антон Родионов, станица Невинномысская, хутор Тимофеевка, товарищ...

Дед отвечал ему громко, как и положено солдату, но на последнем слове неожиданно замаялся, в прищуренных глазах мелькнула некоторая растерянность. Андрей, сразу поняв, почему вышла эта заминка, немедленно пришел на помощь:

— Фюрер. Просто товарищ фюрер — это моя должность, как у товарища Сталина!

— Так точно, товарищ фюрер!

Андрей повернулся к черноусому казаку, чуть постарше возрастом, — дед Павлик был такой же, только намного моложе, но в глазах плескалась знакомая с детства хитринка.

Он, единственный из братьев, вернулся с войны и один поднимал на ноги детишек, и своих, и племяшей, не делая между ними разницы. Таковы казаки — у них, как у горцев, сирот никогда не оставалось, как и детских домов и приютов.

Дед Павел понял пристальный взгляд Андрея на свой лад и громко рубанул зычным голосом:

— Младший сержант Павел Родионов, станица Невинномысская, хутор Тимофеевка, товарищ фюрер!

— Вижу, вы родные братья...

Андрей с трудом взял себя в руки, хотя ему остро хотелось прижать их к своей щуплой груди — настоящий Гитлер сильно уступал казакам по комплекции.

Те дружно ответили в два голоса:

— Так точно, товарищ фюрер. А третий рядом с нами стоит!

— Вот я и бачу, што очи куповалы!

Андрей произнес любимую присказку деда Павло, и у того в одно мгновение от величайшего изумления свесилась челюсть. И усмехнувшись, терять уже было и так нечего, пусть толпа сопровождающих еще больше охренеет, повернулся к самому младшему брату, что погиб в сорок третьем, под Киевом.

— А тебя Иваном зовут, — не спросил, а утверждающе произнес Андрей, краем глаза отмечая, что все собравшиеся на перроне уже впали в столбняк от величайшего удивления и окаменели лицами, словно узрев голову горгоны Медузы.

— Так точно, товарищ фюрер. Красноармеец Иван Родионов, станица Невинномысская, хутор Тимофеевка!

Андрей спинным мозгом и затылком почувствовал десятки сверлящих его недоуменных взглядов и решил, что вполне достаточно и можно разрядить обстановку. А потому громко и уверенно заговорил, как бы давая свое объяснение случившемуся:

— Если двух братьев зовут Антон и Павел, немудрено сообразить, что третьего зовут Иваном. Ведь это самое популярное у русских имя. А говорить по-казацки меня научили в Берлине — у нас там много казаков, что покинули Россию после революции. И присказки разные с пословицами мне тоже от них ведомы. И жаль, что они не могут приехать на свою родину. Но кто знает...

Андрей сознательно сделал паузу — все, что сейчас произошло на перроне, было ясно не

только ему, но еще одному человеку. Даже Молотов мало что понял, ибо, несмотря на железную выдержку, в глазах плещется недоумение с некоторой растерянностью.

«Сталин очень умен, потому поставил деда с братьями здесь в карауле. Вот и познакомились. А сейчас я ему дал возможность все понять. Ну что ж — теперь решится будущее. Но я не желаю, чтобы два моих деда погибли — потому что они мои деды, и ничьи другие. Своя кровь — не водица!»

Брюссель

— У меня есть две новости, Курт, одна хорошая и одна плохая, но обе касаются и тебя!

— Какие, майн генерал?

Внутри екнуло, и майор вопросительно посмотрел на «Зеппа» Дитриха, что прямо сочился радостью.

— Фюрер принял решение развернуть все полки «ваффен СС», так же как и элитные полки «Гросс Дойчланд» вермахта и «Фельдхернхалле» СА, в четырехбатальонные мотопехотные бригады, каждая из которых придается третьей панцер-дивизии, как раз на все десять дивизий и хватит. Но мы танков не получим, как и бронетранспортеров, даже надеяться нельзя — их просто нет в наличии и не будет как минимум год, пока производство не запустят в нужном объеме. Вот так-то, Курт!

— Поздравляю, майн герр, теперь ты — командир бригады!

— А теперь плохая — срок отведен до января, после чего мы отправимся в Африку в составе первой танковой дивизии «Адольф Гитлер» — приказ о таком наименовании отдал командующий панцерваффе. Фельдмаршал Гудериан лично проведет инспекцию и проверит готовность нашей бригады и решит вопрос о моем назначении.

— Мы справимся, майн генерал! Вас будут считать самым достойным этого поста! Будет хороший подарок к Новому году!

Майер хотя и бодро рявкнул в ответ, но прекрасно понимал, что старина «Зепп», не имеющий военного образования и получивший широкие лампы благодаря покровительству фюрера, может быть легко убран с поста командира, благо и предлога искать не придется, стоит только докопаться к каким-либо недостаткам.

— Оставь, а то сглазишь. А теперь то, что касается тебя лично, Курт. Ты немедленно сдаешь командование своей ротой. На твое место будет назначен другой офицер!

Удар был настолько силен, что у Майера перехватило дыхание в зобу, и он, как рыба, начал глотать воздух побелевшими губами. Такой подлости от судьбы бывший штурмбанфюрер СС никак не ожидал. Но тут «Зепп» Дитрих рассмеялся так задорно, что от сердца сразу отлегло.

— Там, — генерал ткнул пальцем в потолок купе, — решили назначить тебя командиром четвертого батальона. Формирование произвести в Дортмунде, личный состав целиком взят из частей «Тотенкопф», охранявших концлагеря. А потому лучше тебя никто из офицеров вермахта не справится, а ты их научишь воевать. Взяли моду — самых лучших и здоровых, хорошо обученных солдат, настоящую элиту германской нации на охрану дохлых полосатых хефтлингов ставить! Мы тут кровь проливаем, а они в тылу отсиживаются. Пожестче с ними, майор, пусть они нашей солдатской каши полной ложкой отведают!

Москва

— Я рад вас видеть на советской земле, господин рейхсканцлер!

Рукопожатие было крепким, но не сильным — демонстрация здесь просто неуместна, и Родионов не стал напрягать ладонь. Уважительное такое, если определить по дипломатическим канонам.

В глуховатом голосе Сталина чувствовался легкий акцент, хорошо знакомый Андрею по кинофильмам. Но только акцент — реальная жизнь оказалась совсем не такой, и не один актер, даже самый, талантливый, не в состоянии показать настоящий, пробирающий до нутра взгляд.

— И я рад вас видеть, господин Сталин!

Андрей старался говорить твердо, желтый тигриный взгляд словно буравил душу. Он опять почувствовал себя новобранцем, попавшим под отеческий, у кого не больно-то забалуешь, взгляд старшины. Все понимающий, чуть ли не отцовский, такому не солжешь, себе дороже, и испытал забытое желание подтянуть живот и вытянуться, как по уставу положено, но вовремя отдернул себя и собрал нервы в кулак.

Сталин будто бы не заметил его терзаний, а радушно повел рукою по большому залу, в котором, к удивлению Андрея, ожидавшего увидеть чуть ли не все Политбюро в полном составе, практически было пустынно. Только десять человек, включая двух переводчиков за большим столом, на котором стояли бутылки с минеральной водой и стаканы.

— Я думаю, нам есть о чем поговорить, господин рейхсканцлер...

Добрый час прошел впустую — у Андрея сложилось твердое впечатление, что Сталин решил вначале хорошо поиграть с ним, прежде чем начать разговор тет-а-тет.

В основном диалог вели Молотов и фон Нейрат, причем весьма тяжелый. Председатель СНК довольно жестко прошелся по несоблюдению Германией подписанного в августе прошлого года пакта.

Упреков набралось предостаточно. И первым стал Венский арбитраж, по которому Румыния, хорошо поживившись с помощью союзников на итогах прошлой войны, скрипя зубами от унижения, возвратила Трансильванию Венгрии, а Южную Добруджу Болгарии. Впрочем, еще раньше СССР силою вернул Молдавию, которую румыны прибрали к своим шаловливым ручонкам еще в 1918 году, когда в России пылала революция.

По сути, фон Нейрат не соизволил поставить Молотова заранее в известность, что в Вене Румынию капитально прижали к стене, как невинную гимназистку два здоровенных амбала в подворотне. Хотя тут как посмотреть, на гимназистку отнюдь не похоже, скорее прожженную, все выдавшую женщину древнейшей профессии.

Потому СССР не успел озвучить свои требования на Южную Буковину, в дополнение к северной ее части, которая была занята советскими войсками летом. Дав совместные итало-германские гарантии границ обрезаемого Румынского королевства, Берлин тем самым, прямым образом, ущемил интересы Москвы.

Затем Молотов поднял финляндский вопрос, но тут фон Нейрат заявил, что решать его нужно в первую очередь со Швецией, а Германия может быть посредником в переговорах.

У Вячеслава Михайловича от таких слов даже лицо не дрогнуло, хотя отказ, пусть и замаскированный, был жестким. Андрей специально дал карт-бланш своему рейхсминистру на такие заявления, ибо следовало как можно тверже определить позиции, чтобы потом начать уступать.

Да и сам аристократ фон Нейрат хотел продемонстрировать свое отличие от сговорчивого Риббентропа — все время хотя иносказательно, но подчеркивал, что политическая ситуация и в Европе, и в мире после германского успеха в «Зееleve» кардинально изменилась.

Андрей слушал своего министра с самым спокойным лицом, хотя тот несколько перегнул палку, демонстративно намекая, на кого сейчас в Европе все куры записаны.

К его великому удивлению, Сталин никак не вмешивался в переговоры, словно нарочито демонстрируя, что он всего лишь скромный секретарь ЦК партии. А советским государством управляет Молотов, ну и Калинин, конечно, глава ВЦИК, «всесоюзный староста», исполняющий роль статиста и время от времени, по незаметному знаку Молотова, подающий заранее отрепетированные реплики.

Все правильно, все верно — в переговорах участвовали высшие должностные лица СССР и Германии, так что подкопаться под странную, если не сказать больше, отстраненность Сталина было невозможно.

Все проходило предельно корректно, но у Родионова возникло твердое ощущение, что сами переговоры, по сути, абсолютно не нужны — министры лишь определили позиции чисто внешне, не затронув внутреннего содержания, которое предоставили решать вождям.

И неожиданно он понял, что все происходящее чрезвычайно походит на спектакль. Точнее, может быть, даже на его репетицию в первый раз, когда толковым взглядом главный режиссер определяет, кому какие играть роли и как это делать, а потому сразу потерял интерес к происходящему и демонстративно отстранился...

Тобрук

Британские крейсерские танки покрывали пустыню десятками чадящих черным дымом костров. У Люка просто в голову не укладывалось, что можно вот так, запросто, отправлять в безнадежную лобовую атаку, без обязательной поддержки пехоты и артиллерии, боевые машины, имеющие только противопульную броню. А это весьма плохая защита не только от снарядов 37-мм противотанковых орудий, но даже от 20-мм «пукалок» Pz-II.

Но безумной храбрости, по мнению ошарашенных пылких итальянцев, или бестолковой глупости, на взгляд хладнокровных немцев, англичанам было не занимать.

Упрямый генерал О'Коннор, как истовый шотландец, не мог примириться с поражением, а потому, получив подкрепление, снова бросил его в безнадежный бой.

Умелая тактика и великолепная боевая выучка опытных солдат позволяли нивелировать численное превосходство противника. Но от потерь не избавляли — от полной роты легких танков уцелел едва десяток, бронеавтомобилей и САУ потеряно до половины.

Была одержана победа — иначе воспринимать этот двухдневный яростный бой майор не мог. Ведь наступающие британцы понесли просто жуткие потери — до сотни танков и бронеавтомобилей навсегда осталось стоять обгорелым железным хламом на желтом песке.

Немцы выбили больше двух тысяч солдат и захватили в плен еще три сотни — австралийцев в широкополых шляпах, южно-африканцев в британских «суповых тарелках» и индусов в нелепых тюрбанах цвета хаки.

— Герр майор, — гауптман Панциг склонился над бортом штабного «Ганомаса», украшенного двумя антеннами. — Нас обходят с юга. Колонна в три десятка танков, бронемашин и сотня грузовиков. Взвод лейтенанта Хуртцига задержать их вряд ли сможет!

— Я понял, — фон Люк мотнул головой. Ну что ж, он хорошо знал самое уязвимое место, но англичанам потребовалось пройти через кошмарные потери фронтального наступления, чтобы решиться на обход.

Теперь держать позиции нет никакого смысла, ибо главное достигнуто. Англичанам не

дали ворваться в Тобрук с хода, итальянские генералы получили целых два дня для приведения в порядок своих солдат.

И самое главное — теперь макаронники, увидев, что немцы легко лупят грозных британцев, воспрянут духом и покажут, что и они умеют воевать, как берсальеры из отряда Люка.

Тут каждый день дорог — к Бенгази подошла 1-я бригада, и теперь у генерала Роммеля под рукою приличный танковый кулак, которым можно деблокировать крепость.

— Передайте команду «Закат», капитан. Мы свое дело здесь сотворили, пора отходить в крепость. Англичане через пару дней пойдут на штурм, другого варианта у них нет. А нам на руку...

Москва

Андрей с нескрываемым любопытством разглядывал рабочий кабинет Сталина. Все же он попал в святая святых, откуда осуществлялась высшая власть в СССР, скрывающаяся под скромной должностью секретаря ЦК, — не принимать же в расчет «всесоюзного старосту», что подписывал подготовленные именно за этим рабочим столом документы.

Две вещи привлекли внимание моментально — портрет «вечно живого», что лежал мумией по примеру древних фараонов в персональной пирамиде, и множество книг в шкафу. Из истории он знал, что Сталин всегда занимался самообразованием, а потому много читал.

К сожалению, чего не скажешь о его соратниках и преемниках, одна героическая ода про «царицу полей» чего стоит вкупе с ботинком на ассамблее ООН.

И еще они гордились своей дремучей серостью и невежеством, громогласно заявляя, что прошли революционные «университеты», а потому буржуазная «образованщина» ни к чему!

Андрей извлек из знакомой пачки, хотя и малость другой, папиросу «Герцеговину Флор», почувствовав себя школьником, что покурил тайком от родителей, покупая в известных по Москве табачных киосках такие дорогие папиросы за целых шестьдесят копеек, когда «Беломорканал» всего двадцать пять стоил.

Сталин спокойно набивал свою трубку, а Родионов, сам напросившийся провести неформальную встречу, «без галстуков», так сказать, ловко смял мундштук привычной по армии «гармошкой» и, чиркнув спичкой, закурил. Странно, но сейчас табак пошел хорошо, видно, он сам курил, а не Гитлер с его неприязнью к этому злу.

Хорошо пошло, как говорится...

— И как вам папироса, Андрей Иванович?

От неожиданности дым стал в горле, глаза полезли на лоб — *такого* вопроса получить никак не рассчитывал. Кашель раздирал его на части, он почувствовал, что еще немного — и подавится дымом насмерть.

Спасение пришло неожиданно — крепкая ладонь пару раз хлопнула по спине, и сразу полегчало. Участливый голос, с истинно отцовскими интонациями, заботливо осведомился:

— Давно не курил, Андрей Иванович? Или...

— Именно «или»!

Родионов прокашлялся и смог ответить. «Темнить» не стоило, незачем, да и будет глупо.

Сталин оказался не просто умным, а мудрым, раз не только мог заново связать все неувязки, но и понять, кто есть кто, — в этом Андрей сейчас не сомневался.

— Хотя вы вряд ли *в такое* можете поверить!

— Но почему же, — после долгой, очень долгой паузы отозвался Сталин, медленно прохаживаясь по ковру. — Как раз наоборот, ибо в молодости, как вы знаете, я в семинарии учился. И в Его Провидение, как это ни странно для коммуниста, верю... Что и утвердило меня в данном мнении...

Андрей стоически перенес острый взгляд, прямо резанувший по живому, но Сталин тут же отвернулся, хмыкнул в усы и снова прошелся по кабинету. Затем остановился и снова посмотрел:

— Вы не спрашиваете, почему я вас так называю, по имени-отчеству?

— Зачем? Того, что я написал в письме, было достаточно. Да и косвенно я представил немало информации к размышлению.

— Удивительно, но все поверили в гений фюрера, что изучил русский язык за несколько месяцев...

— А вы сами?

— А как вы думаете? И при том, что он за это время разгромил две европейские державы, но от плодов победы отказался. Почему?

— Я не желал, чтоб еще погибло двадцать миллионов советских людей и семь миллионов немцев!

— Даже так, — удивительно спокойным голосом произнес Сталин, остановился, посмотрел — его глаза стали темными.

— Германские генералы смотрели в ноябре сорок первого в бинокли на золотые московские купола, в сорок втором мылись в Волге у Сталинграда. Но в конце концов именно мы вошли в их Берлин в победном мае сорок пятого, а не союзники.

— Союзники? — после долгой паузы то ли спросил, то ли утверждающе произнес Сталин, и первый раз Андрей увидел, какой жестокой может стать в одночасье его улыбка.

— Прошлый раз тоже вели свою игру и в эту войну долго выжидали...

— Им важно, чтобы мы и Германия истекли кровью!

— Это правда, Иосиф Виссарионович. Десант в Нормандию был сделан в июне сорок четвертого, когда мы были уже у границ Пруссии и вошли в Польшу! Я говорю правду...

— Я знаю, — негромко произнес Сталин и присел на диван, — с такими глазами не лгут...

Время мучительно текло, в кабинете стояла гнетущая тишина, и Андрей первым решился ее нарушить:

— Гитлер напал на СССР 22 июня. Вроде как в упреждение, под предлогом того, что Красная Армия готовит удар...

— Ваша разведка сейчас сообщает, что мы концентрируем войска у границы?

— Нет, такой информацией не владею. Абвер отслеживает ситуацию постоянно, есть и другие источники. Хотя ряд каналов, в основном пресса, мне думается, что по наущению, дают картину военных приготовлений, что проводят по вашему приказу.

— Странно, но с подобным приходится иметь дело и мне. Угроза со стороны Германии приводится как реальная.

— Значит, война между нами им выгодна, потому и идут на провокации. Прошлый раз им это удалось, но сейчас я принял меры заблаговременно и теперь надеюсь на ваше взаимопонимание. Давайте сделаем так, если вы не против: я отвечу на все ваши вопросы, абсолютно ничего не скрывая, а вы сами решите, что нам делать!

Бенгази

В доме на всю мощь работал кондиционер, и после поездки под жарким, отнюдь не осенним солнцем Альберт Кессельринг чувствовал себя отдохнувшим.

Здесь, в небольшом городе на берегу моря, царил беспорядок — итальянцы явно готовились к эвакуации, презрев прибывающие им на помощь немецкие части.

— Даже свои роскошные особняки оборонять не решаются, предпочитают в пустыне бегать, — язвительно усмехнулся фельдмаршал, пораженный размерами произошедшей

катастрофы.

Ему стоило большого труда уговорить своего итальянского коллегу в необходимости остановки этого стихийного «драп-марша», или, как смеялись над собою сами итальянцы, все прекрасно понимающие, «стремительного наступления на Триполи».

Будь он в меньшем чине, то вряд ли бы удалось убедить маршала Бальбо. Но так, хвала жезлу, врученному фюрером, тот, скрипя зубами от высокомерия, густо замешенного на страхе, согласился передать все итальянские части в Бенгази в распоряжение генерал-лейтенанта Роммеля. Хотя тут свою роль сыграли и «штукас», двумя группами прилетевшие на прибрежные, хорошо оборудованные итальянцами аэродромы.

Фельдмаршал постоянно поторапливал начальника штаба воздушного флота генерала Шпанделя — сейчас под Тобруком решалась судьба Африканской кампании, а потому он просто махнул рукой на Мальту, эту занозу, что мешала морским перевозкам в Триполи.

Если удастся раскатать в лепешку английский корпус под крепостью, то этот зловредный остров просто обречен — слишком длинен морской путь к нему от Египта, всякий британский конвой окажется беззащитным перед массированными атаками с воздуха грозных пикировщиков Ю-87.

Фельдмаршал открыл холодильник, достал с полки запотевшую бутылку минеральной воды, налил до половины стакан. Его в который раз поразила тяга итальянского генералитета к немислимому комфорту: пусть армия плохо оснащена, большинство самолетов и танков представляют собою допотопные конструкции, чуть ли не эпохи Пунических войн, зато на штабные особняки и виллы денег в Риме не жалели.

Кессельринг усмехнулся и сквозь зубы негромко, но твердо огласил свой приговор всему увиденному в Бенгази:

— Нет, такая армия побеждать просто не способна. И ее призвание — вечно быть битой!

Москва

— Я мог исчезнуть из шкуры Гитлера в любой момент, а потому должен был сделать так, что даже возьми он снова себя в руки, то крылышки были бы подрезаны. Его опора партия и карательный аппарат СС — их я отстранил от реальной власти и упразднил СС!

— Но военные могли выйти из-под вашего контроля, почувствовав силу. Не так ли?

— Так точно! Я вам говорил, что 20 июля 1944 года заговорщики подложили бомбу в Ставке...

— Исход войны был решен, они спасали свои шкуры и пытались заключить с англо-американцами сепаратный мир. Здесь же ситуация, Андрей Иванович, совсем иная...

Сталин принялся набивать трубку, тщательно разминая табак. Его лицо за этот час посерело, будто постарел на десять лет.

Родионов рассказал ему все, что знал, вывернувшись чуть ли не наизнанку под короткими, словно выстрел, убийственно точными вопросами вождя. Только слушал и задавал вопросы — и все.

Странно, но ход Второй мировой войны его почти не интересовал, больше касался послевоенного периода и распада СССР. Один раз Андрей заметил небольшой эмоциональный отблеск, когда рассказал о начале марта 1953 года, о том, как, вероятнее всего, отравили самого Сталина. И причину назвал — дескать, тот покусился на партийную монополию на власть. Вот только кто стоял за этим делом, Андрей не знал, а потому так и прямо сказал.

Сталин чуть хмыкнул в ответ, типа «ищи кому выгодно», и ничего более, эмоции словно отсутствовали у этого человека, но как бы нехотя произнес, что поставит Хрущева наркомом водного транспорта.

Андрей целую минуту пытался понять, в чем тут дело. А когда вспомнил, что через эту должность прошли Ягода, Ежов и прочие высокопоставленные партийцы, коих потом поволокли в расстрельный подвал, посерел от такого наглядного демонстрирования черного юмора и поспешил перевести «стрелки»:

— Среди генералов свара постоянная, я просто поставил на ключевые посты тех, кто на сговор не пойдет ни при каком раскладе, ибо ничего не приобретут, а только потеряют. И войну настоящий Гитлер объявить бы не смог, и границы переустроить — потому что гарантии даны многосторонние и слишком значителен круг вовлеченных...

— И сделал все, чтоб от «агрессии» со стороны Советского Союза уберечься?! Даже Польшу в ее исконных границах возродил?

Сквозь иронию Андрей уловил в голосе Сталина нечто похожее на разочарование. Похоже, что только сейчас он с чем-то определился, а это проявилось как сожаление.

— И меры эти принял, потому что побоялся, что я твоих близких и отца, что еще мальчишка малый, в оборот сейчас возьму? И тогда Гитлер снова в своей шкуре хозяином станет, ибо ты посчитал, что я отца твоего... Ведь так?! Решил подстраховаться?!

— Я не коммунист, Иосиф Виссарионович, и идею мировой революции не разделяю. Ибо она невозможна, если только война не доведет людей до пещерного состояния. И о какой Земшарной советской власти можно говорить, если данная власть семь десятков лет продержалась и развалилась? Народ мыслит просто, а одной идеей сыт не будешь.

Слова хлестали бичом, Андрей решил идти до конца и выложить все, что накопило за это время. Особенно когда он познакомился с германской информацией, как именно и какой чудовищной ценой строился социализм в отдельно взятой стране.

— Ты упрекал меня в терроре, — неожиданно тихо произнес Сталин, не проявляя признаков гнева. — Но не будь его, к Гитлеру переметнулись бы не два, а все двадцать миллионов. Тогда какова была бы для всех цена «такой победы»? В газовые камеры или рабство?! Это одно, но есть и другое. Танков выпущено много, но именно они должны были решить исход войны, а не человеческий фактор, тот маленький винтик, что может сломаться в любой машине. Отсюда и все наши действия...

Правда огорошила Андрея, если не сказать больше. Замкнутый круг — без террора тридцатых не было бы победы в сорок пятом, и, скорее всего, нацисты превратили бы побежденный, отшатнувшийся от коммунистических идей народ в бессловесный рабский скот.

— Хорошо, Андрей Иванович. Допустим, мы обуславливаем взаимные гарантии на основе французских, доводим количество сухопутных войск до минимального уровня, в сорок дивизий у вас и пятьдесят у нас. Флот и авиация без ограничений, как и торговля. Пусть к этому присоединятся все европейские страны. Но разве США откажутся от идеи установить новый мировой порядок? Да и господин Черчилль к миру отнюдь не стремится.

— Война с ними будет вестись до сорок пятого, а потом все — США создадут атомное оружие, я говорил, что они им стерли в Японии два города, а потому предлагаю объединить наши усилия! И тогда мы сделаем ее раньше и заставим их прекратить войну! Нужно только отказаться от мировой революции и строить социализм в наших странах, как и в Европе, исключительно мирными средствами! — Андрей говорил горячо, с напором. — Я прошу только одного и для своего наро...

— Хорошо, — задумчиво произнес Сталин и, как показалось Андрею, даже чуть подмигнул. — Закон о реабилитации казаков Калинин подпишет. Создадим войска с особым статусом, вернем землю. Кто не захочет обратно стать казаком — объясним по-товарищески. Кто будет препятствовать линии партии — станет троцкистом, ибо только этот предатель выступал за поголовное истребление казачества. Будем считать, что договорились?!

Бенгази

— Генерал, маршал Бальбо согласился на передачу вам под временное командование танковой дивизии «Ариетте». Она только что подошла от Триполи!

— Оставив половину своей техники на марше, господин фельдмаршал? Мне нужны еще одни сутки, чтобы привести ее в порядок, согласовать действия с итальянским генералом. Больше я ждать не буду — иначе итальянцы вообще откажутся от деблокирования Тобрука и будут ждать, пока не накопят еще одну стотысячную армию в дополнение к этим.

В голосе генерал-лейтенанта Роммеля звучало такое откровенное презрение к союзнику, что Кессельринг подумал, что с таким подходом трудно будет согласовать с итальянцами дальнейшие действия, но эту мысль решил не озвучивать — этого упрямца и хитреца вряд ли исправишь, а портить отношения с любимцем фюрера — то еще удовольствие.

— У вас хватит сил, чтобы отвлечь англичан от крепости? Может быть, лучше немного подождать до подхода второго танкового батальона вашей бригады?

— Я не собираюсь их отвлекать, господин фельдмаршал. — В голосе Роммеля прозвучала железная решимость. — Я их обойду и разгромлю! Здесь у меня шесть тысяч немецких солдат и полусотня танков и восемь тысяч итальянцев из «Ариетте» с сотней танков. Да в Тобруке полторы тысячи солдат майора фон Люка — остальные пятьдесят тысяч гарнизона могут обороняться в крепости, но к наступательным действиям не способны. Так что 16 тысяч солдат вполне достаточно для победы.

— Вы хотите их окружить, генерал? — Замысел показался дерзким. — Но у британцев две сильных дивизии, более тридцати тысяч солдат. Двойной перевес над вами!

— Я встречался с ними под Дюнкерком — противник храбрый, но их генералы ничего не понимают в танковой войне, так что надеюсь дать им запоминающийся урок. Но прошу вашей поддержки с воздуха. Если «штукас» расчистят дорогу, то полдела будет решено.

— Согласуйте со штабом фон Рихтгофена. Сам генерал прилетит из Сицилии вечером. У него в распоряжении неполная штурмовая эскадра, две истребительных авиагруппы и одна бомбардировочная. Две сотни боевых самолетов и еще столько же у итальянцев — вполне достаточная сила.

— Хорошо. — Роммель задумался на мгновение, решительно кивнул и, усмехнувшись, сказал: — Тогда приглашаю вас через десять дней посетить Тобрук, господин фельдмаршал!

Москва

В первый раз в жизни Андрей видел Красную площадь именно с Мавзолея Ленина, стоя рядом, плечо к плечу, со Сталиным.

На трибуне стояли и члены Политбюро с Молотовым во главе, и видные военачальники РККА, среди которых виднелся и командующий Киевским военным округом генерал армии Жуков. Актер Михаил Ульянов был удивительно, на него похож, когда играл маршала Победы в кинофильме «Освобождение».

И совсем рядышком пристроился Берия, в круглых очках — тут Родионов вспомнил «погибшего в автокатастрофе» от передозировки пуль Гиммлера, не к ночи будь помянут, — обер-палач рейха тоже любил подобные окуляры цеплять на свой нос.

Позвали на главную трибуну страны рейхсмаршала Геринга — тот прямо вырос на глазах после доверительного разговора со Сталиным. Кроме командующего люфтваффе, были приглашены и генерал-адмирал Лютьенс от кригсмарине, и фельдмаршал Браухич, командующий сухопутными войсками, а также фон Нейрат, удачно и плодотворно, после «накачки», закончивший переговоры с Молотовым.

— Сегодня для наших народов наступил новый день, товарищ фюрер!

Негромкий голос Сталина был полон редкой смеси — ехидства и теплоты. Андрей только улыбнулся в ответ и после паузы чуть слышно, только для вождя, произнес:

— Надеюсь, что навсегда. С врагами мы совместно покончим. И нам нечего делить!

— Теперь нечего, — столь же тихо сказал Сталин и отвернул голову, внимательно разглядывая ровные прямоугольники вытянувшихся войск.

Маршал Тимошенко, нарком обороны, только начал объезд, поздравляя и красуясь на великолепном вороном жеребце.

Красноармейцы дружно рывкали в ответ ему слитное «ура» и провожали глазами. Наконец всадники подскакали к трем «коробкам», что выделялись своей униформой.

У Родионова застыла душа — громкая лающая речь зольдатен ни в чем не уступала «хозяевам». Ставка на «лейб-штандарт» не подкачала — гвардейцы фюрера, принимавшие участие во всех парадах в рейхе, выглядели великолепно, разбитые на три «коробки», согласно надетому обмундированию. Они хорошо изображали победителей гнусно прославленного британского империализма, только что прибывшие с проклятого острова, столь ненавистного всем русским. Так и стояли — высокие и белокурые, чуть ли не на одно лицо, все эти «гренадеры, танкисты и моряки» — самозванцы липовые.

Геринг не подкачал — всего за 24 часа в Москву транспортными самолетами было доставлено 800 солдат и офицеров, три четверти которых составлял батальон личной охраны, а одну четверть личные преторианцы командующего люфтваффе из полка ВВС «Герман Геринг» — специально подготовленная рота именно для таких церемониальных парадов.

В десантных комбинезонах и касках, с парашютными подвесками, с МР на груди, солдаты выглядели крайне эффектно и вызвали наибольшее и пристальное внимание у советских военных — воздушный десант в Англию произвел на всех определенное впечатление...

На трибуне возникло некоторое оживление — из-за музея донесся тяжелый знакомый рев танковых дизелей, и Андрей насторожился.

Весь парад он продержал ладонь у козырька фуражки, глядя на прохождение ровных прямоугольников четко маршировавших солдат. Особенное внимание обратил на кавалерию — всего прошло два эскадрона, но один в синей форме с красными донскими лампасами, а второй в красных черкесках — и сердце тут же забило сильнее: все его три деда на гнедых конях лихо прогарцевали мимо трибуны, закинув концы башлыков на спину.

Но теперь на площадь выезжали стальные «кони» — с грохотом лязгали траки, и с двух сторон на площадь выползли большие танки, рядом с которыми даже Pz-IV выглядели недокормленными дистрофиками.

Появление KV вызвало всеобщий интерес — новейший советский тяжелый танк, величайший секрет страны, впервые был показан именно сейчас, а не в мае будущего года, как произошло в той истории.

И тут Андрей поймал себя на мысли, что знакомого ему прошлого теперь не будет. Народы не узнают страшной войны, которая могла унести миллионы жизней, его страна не будет лежать в развалинах, а заводы впервые начнут выпускать не танки и пушки в огромных, невообразимых количествах, а нужные в обычной жизни вещи, от автомобилей до медицинских инструментов, от стиральных машинок до детских игрушек.

Он сделает все от него зависящее, чтобы отношения между народами стали действительно братскими, и будущее будет совершенно другим. Его личное будущее тоже. И губы чуть слышно прошептали:

— Интересно, кем я сам стану в будущем?! И что буду делать в том злосчастном октябре...

Тобрук

— Получена радиограмма от фюрера, Люк. Поздравляю с новым чином. Я горжусь вами! Возьмите, я носил именно эти погоны, — генерал Роммель протянул растерявшемуся майору пару погон из серебряной канители с двумя ромбовидными звездочками на каждом.

— Извините, майн герр. — Люк не стал брать вожаделенные для любого офицера их 7-й панцер-дивизии погоны самого Роммеля. — На ваших погонах знаки различия оберста, а мне следует лишь чин оберст-лейтенанта.

— Совсем забыл упомянуть, мой дорогой Хайнц. — В глазах Эрвина Роммеля блеснуло лукавство. — Там говорилось о внеочередном чине, а потому берите погоны, берите, Люк. Дивизионным разведывательным полком должен командовать полковник. А то и так в панцерваффе нехорошие слухи ходят, что я, дескать, заслуженного офицера в майорском чине томлю.

Люк задохнулся от рухнувшей, словно глыба, радости — о такой стремительной карьере он и не загадывал, даже не мечтал в горячечных снах, как о нечто совершенно невозможном, типа снега в раскаленной от солнца пустыне.

И вот ливийские пески сделали ему сногшибательную карьеру — за полгода пройти путь от майора до полковника дорогого стоит. Теперь он генералу на всю жизнь обязан.

— Тебе нужно лететь сегодня, Люк. Тебя ждут в Берлине...

— Я могу командовать полком, майн герр, ранение несерьезное, — свежееиспеченный полковник для вящей убедительности тряхнул перебинтованной рукой.

Осколок он поймал случайно — когда стало ясно, что прижатые к морю танками Роммеля англичане вот-вот будут сброшены с обрывов, идущий рядом бронетранспортер подорвался на mine. Тут и прилетело в руку...

— Тебя ждет с нетерпением в рейхсканцелярии сам фюрер, Люк. Ты же знаешь, что Рыцарские кресты он вручает лично. Тем более тебе, отстоявшему Тобрук!

Вот тут полковника перекосило от радости во второй раз. Получить высшую боевую награду рейха только за то, что немного повоевал, не давая капитулировать итальянцам, дорогого стоит. Теперь его ждут дома невероятные почести, и увидит Дагмар...

— Свадьбу отложи, Люк, я тебя жду через две недели обратно. Погоним англичан к Суэцу, а то русские парни нас опередить смогут. Да, вот еще одно дельце для тебя — Сталин щедро подарил дуче три сотни «виккерсов», а для моего Африканского корпуса полтысячи быстроходных танков «Кристи». Они будут направлены в самое ближайшее время. «Шнелле-Хайнц» уже набрал экипажи.

— С чего это?

Люк искренне удивился: видно, в мире произошло много нового, пока он воевал в затерянной песках крепости. Полтысячи танков — это ведь четыре полных бригады по новым штатам. А если еще к ним «итальянцев» подсчитать, то на полгода работы всех танковых заводов рейха.

— Мы союзники, полковник, и настоящие. Наш фюрер даже принимал парад в Москве рядом с их вождем. Тебе об этом в Берлине все уши прожужжат, так что хлеб отбирать не стану. Скажу одно — в корпус будет направлен целый полк новейших русских танков КВ и Т-34, — наименования Роммель выговорил без запинки, но подглядывая в бумажку, — с их экипажами для войсковых испытаний. Так что познакомься с командиром, полковником Полем Арманом.

— Француз?! — удивился Люк.

— Они интернационалисты. А этот офицер воевал в Испании и даже стал их «рыцарским» кавалером — Героем Советского Союза. Так что поторопитесь, а то война может скоро закончиться!

— Англичане упрямы, майн герр, — осторожно сказал Люк, хотя слова генерала вызвали живейший отклик в его душе.

— Их Черчилль может сейчас заключить почетный мир, пока мы не дошли до Суэца, а русские не рванулись в Индию. А потом будет поздно. Когда красноармейцы дойдут до Инда, то ты сам знаешь, насколько в тех землях любят надменных «белых сахибов». Так что поторопись, Люк, я долго торчать в этих песках не намерен!

— Яволь, майн герр!

Люк улыбнулся сам себе — как ни странно, но воевать не было ни малейшего желания, ведь его ждет невеста.

Потом будут дети, и он дождется внуков, которым и расскажет, что такое война, ибо всем сердцем сейчас желал только одного — чтобы в будущем люди не знали и не желали, что такое проливать кровь в угоду политикам. Ведь мир сам по себе есть великое счастье, которое нужно бережно хранить...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Москва

(3 октября 1993 года)

— Хороший комментатор! Все понятно даже мне, хотя я русским языком владею не совсем хорошо!

Молодой парень, белобрысый, лет двадцати пяти, в черной спортивной куртке на молнии с эмблемой «Адидас» поднялся с кресла и сладко, как сытый и довольный кот, потянулся.

Солнечный луч отразился от серебряного значка в виде черепа, прикрученного на груди, под черно-красной ленточкой.

— Не прибедняйся, Курт, тебе не идет!

Андрей Родионов мотнул головою, не соглашаясь с давним приятелем, русская речь которого была хорошо понятна, намного лучше того немецкого, на котором он сам говорил.

— Давай пивка тяпнем за встречу?! Еще будешь?

— Я, я, — мгновенно осклабился Курт Майер и лихо, в один прием, вскрыл две бутылки «Жигулевского».

Они уже поглотили по литру, смотря увлекательный матч за третье место «Славянского Кубка», забыв про все на свете и отложив все расспросы на перерыв.

Майер весь чемпионат «проболел» в Петербурге, где свои матчи играла сборная Германии, а Родионов и так жил в Москве, где играла сборная России, в общежитии педагогического института, в котором учился.

И только Андрей собрался посмотреть по телевизору прямую трансляцию игры за бронзовые медали, как в комнату ввалился дружище «Панцер Майер», с которым он познакомился восемь лет назад в Братиславе, на таком же «Кубке», но не на матче, а в массовой драке с поляками.

Такая уж была традиция — гонористые паны задирали по очереди то немцев, то русских, но огребались от союзников, что всегда выступали плечом к плечу. С той поры переписывались, пару раз встречались, и отношения стали если не дружескими, то по крайней мере добрыми приятельскими.

Потом четыре года не виделись: оба отдавали свой воинский долг, один в панцерваффе, отчего и получил прозвище, а другой в пластунском батальоне.

— Вижу, танкистом служил?

Андрей ткнул пальцем в «тотенкопф» — такой значок ни один немец просто так не наденет, мигом за хиршу возьмут самозванца. Это у них в рейхе строго, сам видел, когда туда ездил.

— Панцер-гренадер, их бин... зовут у вас мотострелком.

— А Железный крест, — Андрей показал взглядом на ленточку, — в Африке получил, не иначе? Больше ваши нигде не воюют!

— Ага, в «Юго-Западной», или Намибии, как ее иначе называют. Африканесы на своих «рателях» в пустыню заехали, но мы им дали, как это — прикурить. Я с панцерфауста один сжег, вот крест и получил. Обер-лейтенант фон Люк представление написал, а дед у него знатный, до сих пор влиятелен — лучшим офицером самого фельдмаршала Роммеля был. Вот и уважили меня в рейхе. Прозит!

— Прозит! — Андрей поднял бокал и припал губами к пенному напитку, холодному и шипучему.

Хорошо-то как! Жаль, только закусить было нечем — холодильник пуст, а до стипендии

два дня осталось. Повезло, что к полуфиналу еще деньги остались, и он купил ящик пива.

— Вижу, и ты здорово служил! — Курт показал на висящий на стене зеленый пятнистый берет с эмблемой в виде скрещенных казачьих кинжалов. — В пластунах?! Вы и егеря — элита, что в России, что в нашем вермахте. А форма где? Дай посмотреть?!

— В шкафу, и обычная, и полевая, я же казак на льготе, а потому все в наличии под рукою держать обязан!

Андрей указал на шкаф, и Майер, как и все немцы, чрезвычайно дотошный к воинской оснастке, живо рванул к стенной дверце, открыл ее и, цокая языком, недолго рассматривал обмундирование. Вернулся к столу очень задумчивый, расстроенный даже, бросил на друга завистливый, однако восхищенный взгляд и поднял бокал пива.

Но продолжал стоять, игнорируя кресло, пришлось подняться и Андрею — выпить за воинское братство — дело святое. Тоста не произносили, хлобыстнули одним махом, не чокаясь, — помянули павших.

— Не хрена у тебя «иконостас», — прибеднялся немец насчет языка — сейчас ни малейшего акцента не было. Еще бы ему быть — в их школах русский изучают все поголовно десять лет и даже уроки на нем проводят. — Ты за что «География» получил да Германский крест в золоте и с мечами?

— Ваххабиты в Омане немецких инженеров захватили, янкесы, сучьи дети, и за это заплатили. Мы освободили их всех, только трех пластунов потеряли в том бою, да мне отметину на всю жизнь оставили!

Андрей встал и, не стесняясь, чай, не баба, приспустил штаны — бедро уродовал длинный рубец осколочного ранения.

Дорогой ценою достался Георгиевский крест третьей степени, редчайшая по нынешним временам награда. Ее Сталин восстановил в сорок первом году, с введением патриаршества, а потому оставил прежнюю форму, только чуть большего размера, чем бывший царский солдатский крест.

Да и степеней имелось три, а не четыре, как прежде. Первая в золоте, вторая имела золотым лишь медальон в центре, а сам крест, как и третья степень, был изготовлен из серебра.

— Деды мои, все трое, как с этим крестом меня увидали, так в пояс поклонились. На хуторе не пройти — кубанки старики снимают.

— Так гордись! Надо же, не знал, что пластунов в бой тогда бросили — вся Германия у телевизоров днем и ночью сидела. Награда у тебя редкая, и только во время войны дают! Это как мне Рыцарский Железный крест получить! — В голосе немца прозвучала неприкрытая зависть.

— Исключение сделали — наш Ирак ведь на военном положении, с саудитами воюем.

— А «звездочку» с медалью «отважной»?

— Евреям помогали их Израиль оборонять, никогда бы не подумал! Удружил нам Гитлер, ничего не скажешь...

— Ты фюрера не трогай!

— А я его и сам уважаю. Как Сталина. Я говорю, что удружил он с переселением иудеев в Палестину, хотя Иосиф Виссарионыч им землю на Амуре отводил, под защитой казаков.

— Нашел дураков! — засмеялся Майер. — Чтобы евреи сами туда поехали, где волки хвосты свои морозят!

— Во-во! Вам, немцам, хорошо в Африке, а нам постоянная головная боль от этих постоянных арабо-еврейских разборок.

— Так и не лезли бы туда!

— Это у вас было спокойно, а англичане нам все нефтепромыслы в Баку бомбежкой

подожгли полвека тому назад! Вот и пришлось моим дедам их оттуда вышибать. А разве казак отдаст то, что на шашку взял?! Вот и товарищ Сталин так же рассудил.

— А «железка» еще одна еврейская?

— Вот еще! Я ее только на смотры цепляю, раз приказом положено носить, а так в столе держу. Это иранская. Я второй год в персидской казачьей бригаде служил, самого шаха охранял. Вот и перепало.

— Давай тятнем, а то скоро мяч гонять начнут!

— Прозит!

Приятели выпили пива — оба не курили, — табаком в Славянской Конфедерации не увлекались, с Гитлера пример брали, хотя Сталин являлся известным любителем трубки.

Но так получилось, что страны, входящие в «Славянское Содружество», принимали все меры, чтобы их народы были здоровыми, а это дает спорт, а отнюдь не папиросы с сигаретами.

Зато больницы почти пустовали везде, только старики сидели на диванах — с возрастом болячки всегда наружу вылезают. И экология нормальная, законы на этот счет приняты прямо драконовские — хоть Германию взять, хоть Болгарию.

— Гля, хохлы с поляками уже выходят, ну будет драка!

— На кону путевка на чемпионат мира, да еще отношения у них позабористей — сколько столетий друг друга лупцевали, за полвека такое не загладишь. Это мы договорились, спасибо Сталину и Гитлеру. Когда немцы с русскими друзья, все недруги только за челюсти хватаются!

Майер оскалился в предвкушении игры. Андрей же сумрачно покосился в его сторону. С немцами предстояло играть в финале, так что на чемпионат мира Россия уже автоматически попадала.

Хотелось выиграть, вот только как? Рейхсмашинне футбола сокрушала всех конкурентов играючи, на прошлом мировом первенстве один известный английский игрок так и сказал, что играют 16 команд, а побеждают всегда немцы!

— Вы тоже не подарок, — Майер словно прочитал его мысли, — прошлый раз в Екатеринодаре моя «Бавария» кое-как ноги унесла от твоей «Кубани». Лютые вы казаки, что в игре, что в бою!

— Ага, — согласился Андрей и довольно заулыбался — эту игру он смотрел по телевизору в госпитале. Дали дружищам прикурить от души.

Батя по телефону потом сказал, что станичники три дня не просыхали, благо жатва закончилась — четыре против одного сыграли, победа выдающаяся. «Кубань» потом в финале Кубка чемпионов Содружества киевское «Динамо» сокрушило, а та команда далеко не подарок, ибо походя австрийский «Рапид» разметала да югославский «Хайдук».

— У нас в «Кубани» только казаки играют, из трех миллионов можно выбрать!

— Так уж и одни кубанцы?! А Волков, насколько я помню, из Сибири!

— Сибирский казак, — поправил Андрей и замялся — Майер явно знал биографии игроков. — Ну, так...

— Так и говори, что с десяти миллионов казаков выбираете, а это всяко больше населения Австрии. Нас, немцев, всего сто миллионов да двадцать в Австрии и России живут. А русских двести, да еще сто инородцев — разве не так? Да еще украинцы с белорусами — из четырех сотней миллионов выбрать талантливых футболистов проще, чем нам. Вы на олимпиадах половину золота берете, в хоккей лет двадцать никому не проигрывали, канадцев лупцуете походя. Так что не завидуй нашим успехам в футболе, даже если завтра мы выиграем. Хотя... у вас очень сильная команда. Будет игра!

— Будет, — согласился Андрей. — На стадионе и посмотрим!

— У тебя билет есть?

— Есть, спасибо «Георгию». Надо будет только поменяться с соседями да рядом сесть. Думаю, не откажут — я форму надену.

— Не откажут такому герою, казаков у вас все уважают!

— Потому уважают, что нас хоть и мало, но служим все по четыре года, остальные же добровольно тот же срок. Потому каждый пятый в Российской армии казак. Полторы сотни полков выставаем, без малого двести тысяч — это половина от наших сухопутных войск. Без нас никуда!

— Ты еще заяви, что в ту войну шашками американские авианосцы рубили!

Майера, казалось, забавляла такая горячность приятеля.

— Чего нет, того нет, — успокоился Родионов, — на флоте и в авиации наших частей нет, хотя добровольно казаки там служат. А лоханкам американским, что они настроили, чтобы миром владеть, ваших управляемых ракет хватило за глаза. А потом и ядерной бомбы — сразу в сорок пятом мир заключили. Просто опередили мы их! Это им не японцев лупцевать!

— То во благо пошло, разве не так?! Они вам Сахалин за помощь отдали и острова Курильской гряды.

— И вы не внакладе остались, — подытожил Андрей и усмехнулся: — Они потом с англичанами почти тридцать лет из кризиса выбирались, доллар с фунтом ниже плинтуса рухнули. А мы золото в оборот пустили — рейхсмарку с червонцем до сих пор самой надежной валютой везде считают. Потому что мы победили не только в войне, но и в мире. Люди знают, где честность, а где лукавство злое в обманной обертке так называемой демократии.

Родионов замолчал, вспоминая деда, что сказал ему однажды: «Это благодаря Сталину, что одумался и народу власть в сорок втором отдал, партийных чинуш от нее убрав, как Гитлер в сороковом в Германии сделал. Настоящие Советы вернул — народ сам свои дела без указки решать стал. Казачий уклад всем даровал. Оттого мы сейчас так хорошо живем, ибо издревле люди все дела сообща решали, кто супротив мирского приговора поперет? Оттого и живем дружно, без злости и обид».

— Со мной дед приехал, «панцер Майер». Его так называют потому, что в танковой дивизии «Адольф Гитлер» с первых дней войны служил. С ним еще один дед — Готфрид Леске, пилотом люфтваффе был, Рыцарскими крестами оба награждены.

— И мои деды будут — Антон и Иван, специально приехали, им билеты и проезд Комитет ветеранов войны сделал. Так что хорошо посидим, они вина пару бутылей привезут, нашего, кубанского.

— Отлично, — Майер оживился, но тут же сник, глянув на пустую бутылку пива. — А сегодня куда после футбола сходим?

— Я тебя в Останкино свожу, у прудов пройдемся в форме, с девушками познакомимся. Ты, надеюсь, свой мундир привез?

— А как же? Нас всех обязали только в обмундировании быть, чтоб все русские друзья видели, что мы не хухры-мухры, а люди заслуженные. Деньги — это не главное, а вот к наградам отношение совсем иное, ибо это не богатство, торговлей нажитое, а есть уважение и признание людское. О том и наши фильмы, это у американцев только денежные мешки в почете, продажное государство, да гниль одна!

«Немец, а как заговорил-то. Наш человек!»

Андрей с уважением посмотрел на Майера, перевел взгляд на телевизор — там вовсю начали гонять мяч — и подумал, что на пруды нужно сходить обязательно — их свинцовая гладь помимо воли так и притягивала его к себе.

И еще он чувствовал некую связь, но не понимал, откуда она взялась и что принесет ему в будущем, но в одном не сомневался — то, что его жизнь будет к доброму: еще нужно окончить

институт, уехать в станицу, жениться на соседке, что, наконец, выросла и пришлась по сердцу, и учить детишек — всех, ибо в станице они свои поголовно, чужих не бывает, ибо настоящий казак всегда родич, если не по крови, то по духу.

— Жизнь продолжается, Курт! Нам еще нужно много чего сделать!